

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

27
2023
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 27 (474) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Чжоу Югуан (1906–2017), создатель пиньиня — наиболее популярной системы записи китайских иероглифов символами латинского алфавита.

Чжоу Югуан родился еще в императорском Китае в городе Чанчжоу в семье чиновника. В 1918 году он поступил в среднюю школу в Сучжоу, которую окончил с отличием спустя пять лет. Семья его разорилась еще до свержения монархии. Однако родственники и друзья сумели собрать деньги, чтобы дать возможность способному мальчику учиться в университете. Чжоу Югуан поступил в Университет святого Иоанна в Шанхае, выбрав в качестве специализации экономику, но дополнительно посещал курсы по лингвистике. В 1925 году он перешел в Университет Гуаньхуа, который окончил два года спустя.

В 1933 году Чжоу с женой поехали в Японию, где он стал учиться в Токийском университете, а затем в Университете Киото. Он хотел учиться под руководством известного экономиста-марксиста Хадзиме Каваками, но тот был арестован за членство в запрещенной Коммунистической партии Японии. Когда в 1937 году началась война Японии с Китаем, семья Чжоу переехала в Шанхай. Там он работал в банке Синь Хуа, а затем поступил на государственную службу, став заместителем директора бюро по сельскохозяйственной политике в министерстве экономики. В 1945 году он вернулся на работу в банк и был отправлен в зарубежный филиал, сначала — в Нью-Йорк, затем — в Лондон. Вернулся на родину в 1949 году после создания Китайской Народной Республики.

Он стал профессором Фуданьского университета в Шанхае и Шанхайского финансово-экономического университета. В свободное время занимался лингвистическими проектами по созданию фонетической письменности для китайского языка и опубликовал на эту тему две книги. В 1955 году его пригласили возглавить один из комитетов по реформе китайского языка. Комитет Чжоу должен был представить проект практической транскрипции китайского языка латинскими буквами. Свою систему китайской латиницы Чжоу Югуан представил в феврале 1956 года, а в 1958 году она была официально утверждена. Она получила название «ханьюй пиньинь» — «запись звуков китайского языка», чаще всего ее называют просто пиньинь. Как вспоминал Чжоу, знакомые тогда смеялись над ним, говоря, что ему понадобилось три года, чтобы разобраться всего с 26 буквами.

Одним из конкурентов пиньиня была система, созданная еще во второй половине XIX века британским дипломатом То-

масом Уэйдом. Она отличается от пиньиня в основном выбором конкретных латинских букв для передачи китайских звуков. Например, имя Чжоу Югуана при записи на пиньине будет выглядеть как Zhōu Yǔguāng, а в системе Уэйда — Джайлза как Jhou1 Yu3Küang1. Принципиальных и очевидных преимуществ ни у одной из систем нет, но система Уэйда — Джайлза не могла быть принята в коммунистическом Китае из-за своего западного происхождения.

После принятия пиньиня китайским правительством в конце 1950-х эта система также была принята Международной организацией по стандартизации (ISO) в 1982 году и ООН в 1986-м. Тайвань принял пиньинь в его континентальном варианте в 2009 году, но на практике там часто продолжают использовать варианты, несколько отличные от принятого в КНР. На пиньине основана наиболее распространенная система компьютерного ввода китайских иероглифов. Говоря о системах латинизации китайского письма, следует упомянуть, что для кантонского и южно-миньского диалектов созданы собственные системы, для кантонского даже несколько.

Чжоу Югуан смог вернуться к академической деятельности в 1980-х годах. Он участвовал в инициированном известным физиком Цянь Вэйчаном проекте по переводу на китайский язык «Британской энциклопедии», что принесло ему прозвище Чжоу-Энциклопедия. Самой известной его книгой стал труд «Историческое развитие китайских языков и письменностей», в 2003 году переведенный на английский язык.

Чжоу выступал за развитие реформ в Китае и часто критиковал политику Коммунистической партии Китая за отсутствие свободы слова. Некоторые из книг, написанных им в 2000-е годы, были запрещены цензурой, в частности последняя книга, посвященная жертвам голода в годы культурной революции.

Чжоу часто рассказывал, как ему удалось встретить двух знаменитых людей. Во время жизни в США он дважды виделся с Альбертом Эйнштейном. А в начале 1960-х, когда он работал в комитете по реформе письменности в Пекине, его пожилой сосед за столиком в столовой оказался бывшим императором Пу И.

Чжоу Югуан скончался в своем доме в Пекине 14 января 2017 года, на следующий день после своего 111-го дня рождения.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Антонова Е. Ю.

О некоторых проблемах определения правового статуса иностранных граждан в сфере трудовых отношений в современной России69

Борисенко Н. П.

Использование товарных знаков в контексте реализации технологии AR 71

Гарафутдинов И. М.

Правовое регулирование цифровых финансовых активов в РФ73

Герман А. С., Карпова И. М.

Фактические даркнет-правоотношения: теоретический и практический анализ74

Горбачева Е. О.

Особенности совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах77

Гуляев Ю. Е.

Разграничение взятки и провокации взятки или коммерческого подкупа80

Иванова В. В.

Понятие биологического и генетического материала человека в теоретико-правовом аспекте82

Кондаков Е. А.

Процессуальные нарушения в административном процессе по искам прокуратуры в защиту неопределенного круга лиц85

Маньковский Д. Е.

Проблемы применения принципа эстоппель судами общей юрисдикции87

Мирошниченко А. Ю., Проваторова О. А.

Проблемы функционирования и перспективы развития структуры федеральных исполнительных органов власти в Российской Федерации90

Мирошниченко А. Ю., Проваторова О. А.

Виды следственного эксперимента, проблемы классификации92

Муллагалиев А. А.

Пределы гражданско-правового регулирования отношений, возникающих в виртуальных игровых пространствах. Применение положений статьи 1062 ГК РФ к сфере видеоигр94

Нешева Н. И.

Взаимодействие судебной и исполнительной властей96

Ощепков Е. Л.

Защита прав человека в международном бизнесе 97

Печеницын Д. С.

Страхование ответственности судовладельцев по российскому праву 100

Помелова С. Ю.

Сравнение российского и зарубежного опыта в сфере регулирования конфликта интересов 103

Потатушкина Е. А.

Основные тенденции развития новейшего российского корпоративного права 104

Рыжанков А. Ю.

Учет обстоятельств, исключающих преступность деяния, при квалификации служебной халатности 108

Салтыкова В. А., Боровская А. Д.

Проблемы, связанные с наступлением возраста эмансипации лиц, регистрирующихся в качестве индивидуального предпринимателя 109

Сарыг-оол Ш. О.

Принципы экономического правосудия в Российской Федерации 112

Фаизова А. Г. Правовые риски защиты персональных данных лиц, использующих облачные сервисы, и пути их минимизации 114	Шарапов Э. Р. Налоговый мониторинг и процесс его цифровизации 122
Фидченко С. В. Недобросовестная конкуренция как одна из основных проблем правового регулирования малого и среднего предпринимательства в России 117	Шмакова Е. С. Семья как конституционная ценность 124
Фидченко С. В. Виды недобросовестной конкуренции, определенные законодательством Российской Федерации 119	Шмакова Е. С. Содержание и понимание семьи и ее конституционно-правового статуса 125
	Эркаева С. А. Роль иных участников уголовного судопроизводства в РФ 127

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

О некоторых проблемах определения правового статуса иностранных граждан в сфере трудовых отношений в современной России

Антонова Екатерина Юрьевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Андрейцо Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются проблемы определения и защиты правового статуса иностранных граждан в сфере трудовых отношений. Анализируется миграционное законодательство и практика его применения.

Ключевые слова: трудовые отношения, правовой статус, иностранные граждане.

About some problems of determining and protecting the legal status of foreign citizens in the field of labor relations in modern Russia

Antonova Ekaterina Yuryevna, student master's degree
Scientific adviser: Andreytso Sergey Yuryevich, candidate of legal sciences, associate professor
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article deals with the problems of determining and protecting the legal status of foreign citizens in the field of labor relations. The migration legislation and the practice of its application are analyzed.

Keywords: labor relations, legal status, foreign citizens.

Традиционно в юридической науке отмечается большое внимание к проблеме определения и защиты правового статуса иностранных граждан. Трудовые отношения, в которых субъектами выступают иностранные граждане, осложняются присутствием иностранного элемента и особенностью регулирования данного рода отношений законом. Данное усложнение связано с появлением новых обязанностей, и не только у иностранного работника, но и у работодателя, в связи с чем у иностранных граждан возникает ещё большая потребность в защите своих прав и свобод.

В связи с многообразием правового регулирования трудовых отношений, связанных с присутствием иностранного элемента, зачастую на практике возникают вопросы относительно того, какую норму закону следует применять касаясь конкретного дела. При выборе того или иного нормативного акта, будут иг-

рывать роль такие факторы как: гражданская принадлежность иностранного гражданина; условия пребывания на территории Российской Федерации, миграционную политику Российской Федерации, условия международных договоров. Всё это является необходимым для определения правового статуса иностранного гражданина, как субъекта трудовых отношений.

Правовой статус иностранного работника будет определять совокупность его трудовых прав, обязанностей, гарантий и ответственности за исполнение трудовых обязательств.

При разработке нормативной базы, регулирующей трудовые отношения между работодателями и иностранными работниками, законодатель базировался на такие принципы как: каждый иностранный гражданин должен иметь равные права и обязанности независимо от пола, расовой и национальной принадлежности, а также имущественного положения.

Вместе с тем в законодательстве Российской Федерации предусмотрены исключения в отношении распространения норм трудового права на иностранных физических лиц. Иностранные граждане как правило лишаются прав, связанных с допуском к государственной службе и к участию в некоторых видах трудовой деятельности, указанных в законе. Подобные ограничения не носят дискриминационного характера, но при этом в практике рассмотрения споров с участием работников встречаются решения, свидетельствующие об ограничениях прав вышеназванных субъектов, которые нельзя отнести к законным и обоснованным.

Большой проблемой выступает определение размера трудовых прав и обязанностей для разных категорий иностранных граждан, в зависимости от гражданской принадлежности лица к тому или иному государству (либо его отсутствия) и определения понятия иностранного гражданина. Гражданская принадлежность иностранного гражданина к тому или иному государству служит определением того, каким объёмом прав и обязанностей будет наделён иностранный гражданин на территории Российской Федерации, на основании положений международных договоров между Российской Федерацией и иными государствами.

Законодатель трактует понятие гражданства следующим образом, гражданство-устойчивая правовая связь лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. Исходя из этого, можно сказать, что подход к пониманию гражданства с точки зрения юридической связи лица с государством будет полно отражать его существенное значение.

Почему важно понимание гражданства для данного исследования? Точное понимание позволяет проследить причинно-следственную связь в возникновении юридических процессов на территории той или иной страны, ведь гражданин до момента утраты гражданства будет всегда следовать юрисдикции своей страны.

Так как наше отечественное законодательство в сфере регулирования трудовых прав мигрантов пересекается с международными договорами и законодательством других стран, что на практике может привести к неопределённости при использовании той или иной нормы права, перед совершением юридически значимых действий с иностранными гражданами, лицами без гражданства, беженцами, апатридами, временно проживающим, постоянно проживающим, временно пребывающим и т.д., перед субъектами стоит очень важная задача по определению объёма его прав и обязанностей.

Наиболее яркий пример, который демонстрирует различие в осуществлении трудовой деятельности иностранных граждан, это Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). По данному договору, в котором принимают участие такие страны как: Армения, Казахстан, Киргизия, Белоруссия, Россия, иностранные граждане, прибывшие на территорию Российской Федерации в целях осуществления трудовой деятельности, имеющие подданство одного из этих государств,

имеют право осуществлять трудовую деятельность без оформления разрешительных документов, таких как патент для безвизовых стран и разрешения на работу для визовых стран.

На практике прослеживаются случаи, когда при рассмотрении трудовых споров, сотрудники государственных органов к одной и той же ситуации применяют разные положения закона, что говорит нам о том, что при рассмотрении данных споров отсутствует единая система применения тех или иных норм, что приводит к большому затягиванию судебных процессов, незаконных депортаций, и большого количества обращений в вышестоящие инстанции судебной системы и в отделы по вопросам миграции министерств внутренних дел.

Обращаясь к некоторым постановлением Конституционного суда РФ, при рассмотрении трудовых споров, осложнённых иностранным элементом, были случаи, когда Конституционный суд вовсе принимал решения вопреки положениям Федеральных законов. Также зачастую отделы по вопросам миграции на незаконных основаниях отказывают в оформлении документов, на которые претендует иностранный гражданин исходя из своих оснований, в том числе связанные с осуществлением трудовой деятельности.

Поэтому приезжая в другую страну, иностранец, который прибывает на территорию России для осуществления трудовой деятельности попадает в непонятную и сложную для него юридическую среду, которая зачастую для него осложняется языковым барьером, и он может оказаться беспомощным в осуществлении защиты своих трудовых прав.

Стоит выделить ключевые проблемы при определении правового статуса иностранного работника:

1. Отсутствие единства применения норм права при разрешении трудовых споров для разных категорий иностранных граждан
2. Правовой статус является индивидуальной составляющей для каждого иностранного гражданина, который складывается из многих юридически значимых факторов, что порой делает определение объёма его прав затруднительным
3. Большая практика применения подделывания документов, для расширения своих прав иностранными гражданами
4. Неквалифицированная работа государственных органов при рассмотрении обращений иностранных граждан

Подводя итог, можно сделать вывод, что для эффективного определения правового статуса иностранного гражданина и применения его на практике, необходимо создание комфортных условий для нахождения иностранных граждан в правовом поле Российской Федерации, организация качественного правового информирования для всех категорий иностранных граждан, ужесточения борьбы с дискриминацией, с недобросовестными работодателями, а также ужесточения контроля за действиями государственных органов, в частности отделов по вопросам миграции.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144. 4 июля.

2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс]: Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/>.
3. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N115-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» — Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
4. Варлен М. В. Гражданство. Россия и СНГ. Учебно-практическое пособие. 2010. СПС «КонсультантПлюс» — Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
5. Щетин Б. В. Проблемы теории советского государственного права / Щетинин Б. В. — М.: Юрид. лит., 1969. — 200 с.

Использование товарных знаков в контексте реализации технологии AR

Борисенко Надежда Павловна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье автор исследует вопрос о соотношении реализации технологии AR с правовым регулированием использования средств индивидуализации, в частности, товарных знаков. Использование товарных знаков посредством реализации технологии AR с высокой долей вероятности может быть признано нарушением прав правообладателей товарных знаков, так как формально может быть признано использованием в контексте части четвертой ГК РФ. Поскольку отсутствует сформированная судебная практика в части отличия непосредственного использования товарного знака от его использования в информационных целях, что само по себе не должно являться нарушением прав на средства индивидуализации, лицу, реализующему технологию AR, следует обратить внимание на рекомендации автора.

Ключевые слова: технология AR, товарный знак, информационная цель.

Средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг, а именно товарный знак и знак обслуживания, служат для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [1, п. 1 ст. 1477]. В соответствии с подпунктом 5 пункта 2 статьи 1484 ГК РФ под использованием товарного знака понимается, в частности размещение товарного знака в сети Интернет, в том числе в доменном имени и при других способах адресации.

Если говорить о реализации технологии AR, в ходе которой допустимо как намеренное использование товарного знака и знака обслуживания в виде дополненной реальности, так и непровольное считывание такого товарного знака или знака обслуживания, что со всей очевидностью может сопровождаться размещением товарного знака в сети Интернет с учетом особенностей реализации технологии AR, подробно описанной в Главе 1 настоящей работы, и в первую очередь связанной с необходимостью обеспечения информационного потока в сети Интернет. В связи с этим необходимо отдельно проанализировать является ли подобное размещения товарного знака в сети Интернет.

Исходя из анализа пункта 2 статьи 1484 ГК РФ для того, чтобы считать то или иное действие с товарным знаком его использованием, необходимо, чтобы товарный знак был использован для индивидуализации товаров, работ или услуг. Исходя из этого следует сделать вывод о том, что само по себе упоминание товарного знака, не направленное на индивидуализацию определенных товаров, работ или услуг, не следует считать использованием.

Аналогичный вывод содержится в пункте 157 Постановления Пленума Верховного суда от 23.04.2019 г. № 10. При этом употребление слов (в том числе имен нарицательных), зарегистрированных в качестве словесных товарных знаков, если оно осуществляется в общеупотребительном значении, не целей

индивидуализации конкретного товара, работы или услуги. Представляется, что такая ситуация является скорее нетипичной для товарных знаков, поскольку далеко не все из них относятся к такой категории слов.

Представляется, что в настоящее время товарный знак или знак обслуживания является не только способом отнесения товара к конкретному производителю. Товарный знак воспринимается потребителем намного шире. Он может выступать гарантом качества в случае производства и реализации товара с использованием товарного знака производителя, обладающего высокой репутацией, или же, наоборот. И в первом, и во втором случае, у такого товара найдется потребитель, однако, если плохая репутация или отсутствие таковой не представляют угрозы при использовании такого товарного знака третьими лицами для его правообладателя, то для компаний, построивших имя на своей репутации, такое паразитирование создает высокие репутационные риски.

Продолжая анализировать вопрос, является ли упоминание товарного знака в сети Интернет его использованием в понимании Гражданского кодекса, и, соответственно, может ли такое упоминание являться нарушением исключительного права на средство индивидуализации, следует обратиться к действующей судебной практике.

Достаточно устойчивой является позиция суда, согласно которой необходимо различать ситуации использования товарного знака на оригинальной продукции правообладателя, введенной с его разрешения в гражданский оборот, в том числе при демонстрации такой продукции при ее продвижении и продаже в информационных целях и использование такого товарного знака для продвижения собственной коммерческой деятельности продавца [2].

Пример того, как следует разграничивать информационную цель от коммерческой содержится в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 17.05.2022 по делу № А56–42553/2021. На спорной продукции было размещено обозначение «7DAYS», являющееся товарным знаком Индивидуального предпринимателя Кузнецовой Л. А. Ответчик ссылался на то, что обозначение «7DAYS» указывает на наименование категории товара, то есть товара для ежедневного использования.

Суд по интеллектуальным правам отметил, что «обозначение »7DAYS« размещено именно на центральной части упаковки спорных товаров, в то время как информация для потребителей о характеристиках товара может содержаться в инструкции к продукции. Обозначение »7DAYS« помещено на лицевую часть упаковки без каких-либо разъяснений и указаний о применимости и свойствах товара. Нанесение спорного обозначения не позволяет потребителям установить назначение косметического средства (предназначено ли оно для ежедневного использования или действие такого средства сохраняется в течение семи дней)» [2].

Из этого следует сделать вывод, что при формировании вывода о том, является ли упоминание товарного знака реализацией информационной цели или нет, суд всецело анализирует характер такого упоминания. При этом, исходя из этого представляется, что дисклеймер о том, что такое упоминание осуществляется исключительно в информационных целях и не является использованием в коммерческих целях, не является достаточным доказательством для суда в случае, если характер упоминания явно свидетельствует об обратном.

Примечательно, что в другом деле [3] судом даже был применен так называемый институт репутации, не известный российскому правопорядку в области законодательного регулирования товарных знаков. Так, АО «Сибкабель» обратилось с иском к ООО «СКС-Электро», так как последним был использован товарный знак истца на сайте, предлагающем к реализации кабельно-проводниковую продукцию от имени ООО «СКС-Электро». Суд первой инстанции пришел к выводу, что в силу ст. 1484 и 1229 ГК в деле имеется состав нарушения исключительного права истца на товарный знак в результате его использования ответчиком в разделе «Наши партнеры» в отсутствие соглашения о сотрудничестве и согласии правообладателя на использование его товарного знака. При этом довод ответчика о праве использования товарного знака истца в разделе «Наши партнеры», поскольку ответчик приобретает продукцию у уполномоченных правообладателем лиц, отклонен, так как между сторонами отсутствуют партнерские соглашения, что подтверждается материалами дела.

Суд по интеллектуальным правам оставил решение в силе дополнительно указав, что ссылка ответчика на информационный характер использования товарного знака в разделе

«Наши партнеры» интернет-сайта следует отклонить, так как ответчик преследовал цель привлечения потенциальных потребителей товаров, используя репутацию истца и отождествлял себя с партнером крупного производителя, каковым не является [4].

Для того, чтобы минимизировать риск при отображении товарного знака в сети интернет лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, следует заранее получить согласие правообладателя на такое упоминание. Очевидно, что в данном случае заключение лицензионного договора не является подходящим инструментом, так как его согласование и регистрация в Государственном реестре товарных знаков могут с точки зрения финансовых и временных затрат не являться равноценным желанию такого лица на отображение посредством технологии AR.

Исходя из этого, допустимо использовать такой непоименованный механизм распоряжения исключительным правом на товарный знак как согласие правообладателя. При этом, в силу позиции Верховного Суда [5] право использования товарного знака без заключения договора не может быть оформлено в произвольном виде. Согласие на использование товарного знака должно быть выражено в форме, которая позволяет достоверно установить адресанта согласия, способна быть воспринятой адресатом и позволит ему в случае возникновения спора доказать выдачу такого согласия [6]. Однако, зачастую лицо, реализующее технологию AR, может заранее не иметь возможность определить, какие товарные знаки будут отображены в процессе ее работы, в связи с чем это представляется невозможным или требует дополнительных затрат.

Таким образом, отображение товарного знака не является его использованием до тех пор, пока, во-первых, такое упоминание осуществляется в целях индивидуализации определенных товаров, работ или услуг, а, во-вторых, лицо, которое упоминает товарный знак, не осуществляет такое упоминание в коммерческих целях, то есть для продвижения собственной коммерческой деятельности.

Отдельно стоит отметить, что в настоящее время подобное отображение товарных знаков и средств индивидуализации может быть дополнительно признано нарушением в случае, если правообладатель зарегистрировал такой товарный знак или средство индивидуализации в определенном классе МКТУ. Такие бренды, как Nike [7] и Gucci [8], уже регистрируют свои товарные знаки в классах, специально относящихся к виртуальным товарам для использования в AR/VR-среде, что формально повышает вероятность правонарушения и, как следствие, привлечения к ответственности, в том числе в виде необходимости выплаты значительной компенсации, в связи с чем их использование в результате реализации технологии AR может однозначно быть признано нарушением.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.05.2020 N C01–493/2020 по делу № А55–14196/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 12.11.2020 г. по делу № А56-74644/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.05.2021 N C01-722/2021 по делу № А56-74644/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 07.10.2016 № 304-ЭС16-8563 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановлении президиума Суда по интеллектуальным правам от 27.06.2015 г. по делу № СИП-193/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
7. USPTO Trademark application № 97096366, filing date 27.10.2021, owner Nike, Inc. // URL: <https://uspto.report/TM/97096366> (дата обращения: 01.04.2023).
8. USPTO Trademark application № 97461333, filing date 16.06.2022, owner Gucci, Inc. // URL: <https://uspto.report/TM/97461333> (дата обращения: 01.04.2023).

Правовое регулирование цифровых финансовых активов в РФ

Гарафутдинов Ильшат Маратович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье рассматриваются особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации, а также что к ним относится. Кроме этого, автором рассмотрен порядок выпуска и обращения данного вида активов и их преимущества. Также автором рассмотрен вопрос обращения криптовалюты в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, финансы, цифровизация, цифровые права, ценные бумаги.

Выпуск и обращение цифровых финансовых активов (ЦФА) представляет собой новаторское явление на финансовом рынке, которое основано на использовании технологии распределенных реестров. Одним из главных преимуществ ЦФА является возможность автоматизации процесса исполнения сделок с помощью смарт-контрактов. Это, в свою очередь, открывает новые перспективы в использовании технологий на финансовом рынке.

Для анализа правового регулирования финансовых цифровых активов необходимо рассмотреть их понятие. Итак, цифровые финансовые активы — это некие права, переведенные в цифровую форму, которые включают в себя требования по денежным обязательствам. Они позволяют своим правообладателям иметь и реализовывать права относительно выпускаемых ценных бумаг, а также право участвовать в уставном капитале непубличного акционерного общества.

Главным нормативно-правовым актом, регулирующим указанную сферу деятельности, является Федеральный закон от 31.07.2020 N259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5].

Закон определяет ЦФА как права на требование участия в доле владения активами, в том числе эмиссионными ценными бумагами, а также права на получение дохода от деятельности эмитента ЦФА. Отметим, что законодательство о банкротстве [3] признает цифровую валюту имуществом. То же закрепляет и законодательство об исполнительном производстве [4].

В соответствии с законом ЦФА могут выпускать только юридические лица, которые должны получить лицензию на осуществление деятельности по выпуску, обмену и хранению ЦФА.

Лицензия выдается Центральным банком Российской Федерации (Банк России) после проверки соответствия заявителя требованиям.

Также в законе установлены требования к процедурам и средствам идентификации пользователей, обеспечению безопасности и конфиденциальности операций с ЦФА, а также правам и обязанностям эмитентов и держателей ЦФА.

Выпуск, учет и обращение ЦФА возможны только путем добавления записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в другие системы. То же касается изменения записей.

Российское законодательство о ЦФА относится к категории разрешительного регулирования, то есть для осуществления деятельности по ЦФА необходимо получить соответствующую лицензию. Кроме того, законодательство устанавливает ответственность за нарушение правил обращения и эмиссии ЦФА, включая административную [2] и уголовную [1] ответственность.

Рассмотрим проблемные вопросы, возникающие в области правового регулирования ЦФА. Так, проблема урегулирования криптовалюты в России заключается в том, что правовой статус криптовалюты до сих пор не определен четко и полностью. В России не существует закона, который бы регулировал использование криптовалюты.

Однако суды часто используют термин «криптовалюта» в своих решениях. Например, в Определении от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7 [7] Верховный суд РФ использовал термин криптовалюты в рамках оспаривания сделки по её купле-продаже.

Другой спор [6] о криптовалюте рассматривался также Верховным судом РФ — об обязанности обеспечить перевод на цифровой кошелек и взыскать недополученный доход. В данном деле суд также оперировал понятием «криптовалюта».

Однако, в 2023 году Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в своем Определении [8] указал, что криптовалюта не является ни объектом по ГК РФ, ни безналичные денежные средства и все операции с ней — это страх и риск. Следовательно, на сегодняшний день одни суды принимают тот факт, что криптовалюта может быть продана, куплена, то есть существовать в «обороте», а другие — полностью отрицают её оборачиваемость и указывают на повышенные риски её использования, тем самым перекладывая их на самих граждан.

Таким образом, ни гражданское, ни налоговое законодательство не признают цифровую валюту как объект гражданских прав и имущество. В связи с этим, на практике могут возникать вопросы относительно налогообложения при купле-продаже криптовалюты, в частности, начисления НДС.

Однако относительно уплаты НДФЛ — прибыль с продажи криптовалюты признается доходом от реализации. Вопрос правомерности расходов и порядка их подтверждения на сегодняшний день остается не урегулированным.

В законодательстве о бухгалтерском учете и в международных стандартах бухгалтерской отчетности нет ни отдельных документов, ни особых правил учета операций

с криптовалютой, ни указаний по поводу отнесения к каким-либо активам

Более того, цифровую валюту в России нельзя принять в качестве платежа по счету об оплате услуг или товаров. Это создает неопределенность и усложняет развитие криптовалютного рынка в России, а также может отталкивать инвесторов и предпринимателей от использования криптовалюты в своих операциях.

Однако, стоит отметить, что с апреля 2023 года в России в качестве национальной валюты, облаченной «в цифру», стал цифровой рубль. Его главное отличие от криптовалюты — это обеспеченность государством, эмиссия Центральным банком РФ.

В целом, можно сделать выводы, что цифровые финансовые активы являются объектом правового регулирования. Массив законодательных актов, рассмотренных нами в указанной статье, является этому подтверждением. Важно, чтобы государство, в лице органов законодательной власти, как можно тщательнее урегулировало вопрос обращения таких активов, так как явления цифровизации с каждым днем масштабируются и проникают во все сферы нашей жизни.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — Ст. 1.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Федеральный закон от 02.10.2007 N229-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 N259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 5018.
6. Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2020 N305-ЭС20-12165 по делу N А40-164942/2019 // СПС «Консультант-Плюс».
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 N44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019 // СПС «Консультант-Плюс».
8. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2023 по делу N88-3183/2023 // СПС «Консультант-Плюс».

Фактические даркнет-правоотношения: теоретический и практический анализ

Герман Анастасия Сергеевна, студент;

Карпова Ирина Максимовна, студент

Научный руководитель: Колыванцева Мария Александровна, старший преподаватель

Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье авторы исследуют природу возникновения даркнет-правоотношений, анализируют их фактический характер и аргументируют необходимость в правовом регулировании такого явления.

Ключевые слова: правоотношения, правовое регулирование, индивидуальное регулирование, даркнет, цифровое пространство.

В свете активизации технологических процессов в развитых государствах, в целях совершенствования российского

права с учетом цифровизации общественных отношений, считаем необходимым проанализировать научно и практически

дискуссионный вопрос о теневых цифровых правоотношениях («даркнет-правоотношениях»), а также возможные аспекты их правового регулирования.

Конституция РФ закрепляет право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым правовым способом [1, ст. 29]. Однако, в случае «Даркнета» — скрытой от всякого регулирования сегмента информационной сети Интернет — такие действия носят неопределенный характер (правовой, индивидуальный или в некоторых случаях противоправный). Каким же он кажется на первый взгляд и какова его истинная суть?

«Даркнет» (англ. darknet) — оверлейная сеть (т.е. сеть, построенная поверх другой сети, в данном случае «поверх» Интернета), которая не может быть обнаружена обычными методами и доступ к которой предоставляется через специальное программное обеспечение, например, с помощью Tor [2]. Такие сети разработаны для защиты приватности тех, кто их использует. Трафик перенаправляется через сеть распределенных серверов, затрудняя отслеживание. Зачастую трафик шифруется. «Даркнет» используется различными группами людей, в том числе и киберпреступниками. Не следует путать с «теневой паутиной» и «глубокой паутиной» («Лаборатория Касперского»).

Начиная изучение данной проблемы, первоначально необходимо задаться вопросом, а что представляет собой теневой интернет? В последние годы наблюдается значительный рост доли преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2021 году в России зарегистрировано около 518 тыс. киберпреступлений, что на полтора процента больше, чем годом ранее, но сразу почти в два раза превосходит показатель 2019 года [3, с. 7]. Об этом свидетельствуют данные компании RTM Group, которая проводила оценку на основе возбужденных уголовных дел, связанных с использованием информационных технологий. Значительная часть из них совершается в скрытом и теневом сегменте сети Интернет. Правовое регулирование «Даркнета» и расследование совершенных в нем преступлений осложняется такими факторами, как: высокий уровень анонимности данного сегмента сети Интернет, децентрализация хранимой информации, способы шифрования.

Существуют также и другие трудности регулирования «Даркнета» в Российской Федерации.

Во-первых, отсутствует какое-либо единомыслие по поводу того, как именно стоит называть такое явление, под которым мы подразумеваем «Даркнет», то есть отсутствует терминологическое единство по данному вопросу.

Во-вторых, отсутствует правовое понимание «Даркнета». В юридической науке неоднократно предпринимались попытки дать дефиницию данному явлению, а также поднимался вопрос о официальном закреплении его в правовых актах.

В приговоре Анапского городского суда (Краснодарского края) от 18 июня 2018 года по делу № 1–19/2018 дано следующее толкование: «указанный сайт, с его слов, находится в так называемом «Даркнет» или «черном интернете», куда можно попасть только с помощью программы «Tor Browser» или других программ, позволяющих зайти на закрытые сайты в сети Интернет» [4].

На сайте Правительства 09 февраля 2022 года была опубликована утверждённая Концепция законодательного регулирования механизмов организации оборота цифровых валют — оборот таких финансовых активов будет регулироваться государством с жёсткими обязательствами для всех участников профессионального рынка и акцентом на защиту прав рядовых инвесторов. В данном документе «Даркнет» определяется как «скрытая сеть» — сегмент интернета, который скрыт из общего доступа, соединение устанавливается между доверенными пирами (участниками) в зашифрованном виде, с использованием нестандартных портов и протоколов) [5].

Однако, такую дефиницию (а именно все вышеперечисленные определения) мы не можем отнести к правовым, так как они являются формой индивидуального регулирования правоотношений.

В дальнейшем суды давали схожую характеристику так называемого «Даркнета», который характеризовался, во-первых, закрытостью (оттого и сопоставляли с «теневым»), во-вторых, особым способом эксплуатации, а именно наличием дополнительных технологических средств (ПО, расширений и пр.), в-третьих, характерной криминальной сущностью (определение «Даркнета» употребляется в совокупности с конкретными сайтами, посредством которых совершались правонарушения), в-четвертых, анонимностью наряду с конфиденциальностью.

Это дает основание полагать, что, государственные органы систематизировали конкретные особенности данного феномена, но официальное толкование отсутствует.

В научной сфере не прекращается дискуссия о сущности «Даркнета». Некоторые ученые убеждены в преступности данной сферы: «Злоумышленники нашли для себя убежище в глобальной сети Интернет, в частности, в его теневой части, так называемой DarkNet. В пространстве «Даркнета» для преступников есть все возможности для обезличенного ведения бизнеса преступного характера, в виде предоставления анонимных сетей, которые гарантируют высокий уровень конфиденциальности, что существенно осложняет решение первоначальной задачи правоохранителей, а именно, установление лица, совершившего либо причастного к совершению преступления» [6, с. 78]. Другие рассматривают феномен в комплексном аспекте — даркнет, как «система информационно-коммуникационного взаимодействия пользователей» [7, с. 11].

Для того чтобы найти определенность в понимании вышеуказанной сети, предлагаем рассмотреть феномен теневой сети в качестве особого вида цифровых правоотношений.

Предположим теневые цифровые правоотношения — «Даркнет-правоотношения» — фактические правоотношения, возникающие между пользователями сети Интернет, строящиеся по поводу цифровых прав и обязанностей и основывающиеся на анонимности субъектов посредством технологического шифрования (использование маршрутизаторов и «луковичных» сетей), необходимости специализированных ресурсов (ПО, расширения и др.), а также знаний и навыков для их возникновения.

Вследствие, теневые цифровые правоотношения являются одним из видов информационных правоотношений, которые возникают по поводу цифровых прав и обязанностей.

По мнению В. К. Зорькина «под цифровыми правами понимаются права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности к сети Интернет. А также право свободно общаться и выражать мнения в сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность) его уже оцифрованной персональной информации» [8].

Субъектами «даркнет-правоотношений» выступают анонимные участники (пользователи (юридические и физические лица), а также непосредственные владельцы зашифрованных сайтов).

Объектом (то, по поводу чего возникают) «даркнет-правоотношений» мы предлагаем считать материальные блага (вещи, продукты, товары и др.) и нематериальные блага (цифровые права).

Содержание данных правоотношений полностью совпадает с содержанием цифровых правоотношений: субъективная сторона (право на получение информации, право на анонимность, право на конфиденциальность и др.) и объективная сторона (обязанности не распространять запрещенную информацию, деанонимизировать пользователей в случаях, предписанных законом, обязанность соблюдать законы, права участников правоотношений и др.).

Отметим, что теневые цифровые правоотношения, характеризуются общими для всех правоотношений признаками: сознательно-волевой характер субъектов; возникают, изменяются и прекращаются на основании норм и принципов права; субъекты правоотношений связаны взаимными правами и обязанностями, а также данные отношения охраняются государством и обеспечиваются силой его принуждения. Но в полной мере мы не можем говорить о теневых цифровых правоотношениях, в связи с отсутствием в Российской Федерации Закона о цифровых правоотношениях.

Однако можно заметить законодательные попытки урегулировать вопрос анонимности пользователей. В целях регулирования правоотношений в сфере информации, в том числе ее защиты, в России принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Несомненно, закон «о суверенном интернете» прямо не затрагивает вопросы «даркнет-правоотношений», но содержит нормы права, затрагивающие основу возникновения, изменения и прекращения данных правоотношений.

Так, организатор распространения информации в сети «Интернет» в случае осуществления деятельности по обеспечению функционирования информационных систем обязан осуществлять идентификацию пользователей сети «Интернет», передачу электронных сообщений которых осуществляет организатор сервиса обмена мгновенными сообщениями [9].

Главным образом регулирование деятельности в сети заключается в том, что государство стремится к тому, чтобы пользователи, а также их деятельность не были анонимными, для выявления ряда правонарушений. Когда пользователь деанонимизирован, то условия для квалификации правонарушений и преступлений являются такими же, как если бы правоохранительные органы расследовали его без привязки, в каком именно сегменте сети Интернет оно было совершено.

Таким образом, «даркнет-правоотношения» предлагаем рассматривать как особый вид фактических цифровых правоотношений, и отметить неотъемлемые признаки (при отсутствии одних из них, данные правоотношения не могут считаться теневыми цифровыми правоотношениями):

- 1) анонимность и «обезличенность» пользователей;
- 2) шифрование посредством технологических методов (маршрутизаторов и «луковичных» сетей);
- 3) необходимость специализированных ресурсов (ПО, расширений, знаний, доступа и т.д.);
- 4) криминогенный характер эксплуатации сети — не все возникающие «даркнет-правоотношения» возникают вследствие совершения правонарушения (факультативный признак);
- 5) непосредственная связь между субъектами (прямого контакта между участниками может и не быть, в связи с анонимностью участников) (факультативный признак).

Главной спецификой «даркнет-правоотношений» является то, что они прекращаются в связи с отсутствием хотя бы одного из обязательных признаков. **Таким образом, с отсутствием анонимности данные правоотношения прекращаются**, потому как с раскрытием личностных особенностей пользователя (ф.и.о, пол, возраст и др.) возникают условия для того, чтобы считать его субъектом гражданских, уголовных и др. правоотношений, где формальная определенность субъекта является важнейшим основанием для возникновения правоотношений. При отсутствии шифрования посредством специализированных ресурсов, данные правоотношения теневыми считать нецелесообразно — передвижение пользователей, их данные, несмотря на их оцифрованный вид, находятся в общем доступе и поддаются отслеживанию.

В связи с вышеизложенным, считаем не только научно необходимым рассматривать «даркнет-правоотношения» как вид правоотношений, но и разграничивать их с «открытыми цифровыми правоотношениями».

Первым критерием сравнения возьмем порядок вступления в правоотношения. Вступление в открытые цифровые правоотношения свободное и не требующее дополнительных технических средств. В то же время для теневых цифровых правоотношений характерно противоположное — чтобы вступить в данные правоотношения требуются как специальные технические средства, так и навыки, которые не требуются для вступления в открытые цифровые правоотношения. Вторым критерием выделим субъект правоотношения. В открытых цифровых правоотношениях субъект может быть персонифицирован. В то же время для «даркнет-правоотношений» персонификация субъекта сильно осложнена за счет использования специальных методов шифрования, либо совсем не представляется возможной. Кроме того, анонимность выступает ключевым признаком именно теневых правоотношений, поэтому без данного признака правоотношения утрачивают свой статус «даркнет-правоотношений» и становятся открытыми цифровыми правоотношениями. И наконец, в условиях скрытых правоотношений участие публичного субъекта (государства) ограничено либо почти невозможно.

Более приоритетным критерием разграничения «открытых» и «теневых» правоотношений, по нашему мнению, является

отсутствие определенности в правовом регулировании последних. Это выражается прежде всего в том, что открытые цифровые правоотношения регулируются напрямую — за счет издания специальных правовых актов, например, действует Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Для скрытых цифровых правоотношений характерно лишь косвенное общее регулирование в административном, уголовном, гражданском законодательстве.

На основании изложенных научно-практических проблем, следует отметить, что для правового регулирования теневого цифрового пространства, необходимо: определение природы данного виртуального пространства; выявление в нем положительных и отрицательных ориентиров для общественных и государственных отношений; выделение правовых особенностей элементов «даркнет-правоотношений», а также возможностей, содержания, пределы влияния на них правовых и индивидуальных регуляторов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.06.2023).
2. Dingleline, R., Mathewson, N., & Syverson, P. Tor: Луковый маршрутизатор второго поколения // 2014. URL: <http://www.opennet.ru/soft/tordesign.pdf>. (дата обращения: 30.06.2023).
3. Пославская Ю., Буйлов М. Взлом высоких технологий. // Коммерсант. 2022. № 29. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5218254>. (дата обращения: 30.06.2023).
4. Приговор Анапского городского суда (Краснодарского края) № 1–19/2018 1–373/2017 от 18.06.2018 № 1–19/2018 // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.06.2023).
5. Концепция законодательного регулирования механизмов организации оборота цифровых валют URL: <http://government.ru/news/44519/> (дата обращения: 30.06.2023).
6. Протасевич А. А., Скрябикова Ю. Б. О необходимости формирования единой дефиниции «Даркнет» в криминалистике // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 4 (34). С. 77–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-formirovaniya-edinoy-definitsii-darknet-v-kriminalistike> (дата обращения: 30.06.2023).
7. Васильев А., Ибрагимов Ж., Васильева О. Даркнет как ускользящая сфера правового регулирования // Юрислингвистика. 2019. № 12.
8. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. № 115 (7578).
9. Федеральный закон от 27.07.2006 N149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2023).

Особенности совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах

Горбачева Екатерина Олеговна, студент

Научный руководитель: Бандурина Наталья Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Предметом исследования статьи является завещание, совершенное в чрезвычайных обстоятельствах, что является очень актуальным в современных, непредсказуемых условиях. Целью статьи является выявление особенностей совершения данного вида завещания и анализ действующего законодательства относительно регулирования данного вопроса. Автором в ходе исследования выявляется ряд проблем, связанных с правовым регулированием завещания, совершенного в чрезвычайных обстоятельствах, а именно: отсутствие закрепленного в законе определения понятия «чрезвычайные обстоятельства», невозможность совершить завещание в отсутствие двух свидетелей, а также с использованием технических средств, что влечет за собой признание его недействительным. В процессе анализа действующего законодательства автор выдвигает несколько предложений для решения проблем и указывает на необходимость совершенствования гражданского законодательства.

Ключевые слова: завещание, чрезвычайные обстоятельства, угроза жизни, исключительность положения, простая письменная форма, удостоверение завещания, технические средства.

Завещание, совершенное при чрезвычайных обстоятельствах, никогда не потеряет своей актуальности и значимости, так как мир, окружающий человека, является крайне

нестабильным. Нередко человек оказывается в положении, представляющим для него реальную угрозу, к примеру, террористические акты, военные конфликты, стихийные бед-

ствия и т.д. Поэтому исследование данной темы является очень важным, и решение проблем правового регулирования данного вида завещаний представляет большой интерес ввиду их исключительного характера.

В соответствии со ст. 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) в случае, если гражданин находится в ситуации, явно угрожающей его жизни, и в силу чрезвычайных обстоятельств не имеет возможности совершить завещание по общему порядку, то он имеет право изложить свою последнюю волю относительно собственного имущества в простой письменной форме. При этом важно отсутствие у лица объективной возможности обратиться к нотариусу или иным лицам, которые вправе удостоверить завещание (ст. 1127 ГК РФ).

Данное завещание будет действительно, если завещатель собственноручно напишет и подпишет его в присутствии двух свидетелей и из его содержания будет следовать, что документ представляет собой завещание, важным является не наличие самого названия, а само содержание текста, отражающее конкретное распределение собственности на случай смерти.

В завещании должно быть указание даты и места его совершения (п. 4 ст. 1124 ГК РФ), исключение существует только для закрытых завещаний. Но что если при наличии чрезвычайных обстоятельств, нехватки времени и эмоциональной нестабильности завещатель не укажет такие сведения, представляется разумным применить тогда п. 3 ст. 1131 ГК и признать завещание действительным в случае, если нарушение порядка его составления не помешает суду определить волеизъявление лица, его написавшего.

При этом завещание утрачивает силу, если гражданин в течение месяца после прекращения чрезвычайных обстоятельств не удостоверить его в порядке, предусмотренном ст. 1124–1128 ГК РФ. Этот срок не подлежит восстановлению, является пресекательным. Но бывают случаи, когда гражданин находится в тяжелом состоянии после прекратившихся чрезвычайных обстоятельствах и не в силах удостоверить завещание, тогда срок начинает течь не с момента прекращения обстоятельств, угрожающих жизни, а с момента улучшения здоровья человека, т.е. тогда, когда у него появится физическая возможность удостоверить завещание (например, с момента выхода гражданина из состояния комы) [1, с. 32].

Также необходимо по требованию заинтересованных лиц до истечения срока, установленного для принятия наследства, обратиться в суд с целью подтверждения факта совершения завещания при чрезвычайных обстоятельствах, иначе оно не будет исполнено. Данное требование является обязательным и не зависит от наличия или отсутствия его оспаривания. Если спора нет, то подтверждение требования рассматривается судом в порядке особого производства, если кто-то из лиц оспаривает факт совершения завещания при чрезвычайных обстоятельствах, тогда оно подлежит рассмотрению в исковом производстве (ч. 3 ст. 263 ГПК РФ). В случае оспаривания факта совершения завещания конкретным лицом, подтвердить личность завещателя и подлинность подписи поможет судебно-почерковедческая экспертиза, посредством исследования самого механизма письма, идентификации признаков почерка и по ха-

рактеру линий можно установить автора и влияние на него внешних условий.

Понятие «чрезвычайные обстоятельства» и «угроза жизни» в законодательстве не содержатся, что создает большую неопределенность и противоречивость в судебной практике и расхождения позиций судов в оценке тех или иных обстоятельств на наличие в них признака чрезвычайности, исключительности. Не понятно, что должно возникнуть первоначально сама угроза для жизни человека или чрезвычайное обстоятельство?

Можно говорить о том, что под чрезвычайными обстоятельствами понимаются экстраординарные обстоятельства, носящие внезапный и стремительно развивающийся характер, при которых возникает реальная угроза для жизни человека и отсутствует объективная возможность совершить завещание по общему порядку. Так, гражданину остается не что иное как совершить завещание в упрощенной форме.

Угроза для жизни человека может возникнуть по вине самого человека, в результате его действий или независимо от него, в силу объективно сложившихся условий. В каждом конкретном случае суд оценивает обстоятельства и выявляет в них признаки чрезвычайности, в данных случаях важен индивидуальный подход с учетом всех особенностей условий и обстановки, в которой происходило составление завещания, так как каждая деталь способна изменить позицию суда.

В законодательстве следует отразить примерный перечень обстоятельств, являющихся чрезвычайными для разъяснения и разрешения ряда спорных ситуаций на практике и улучшения понимания природы таких обстоятельств с целью избежания неопределенности в будущем. Данный перечень не может быть исчерпывающим, поскольку в полном объеме перечислить их не представляется возможным в силу их большого разнообразия.

Чрезвычайность обстоятельств должна быть очевидна, как для самого завещателя, так и для окружающих лиц.

Как показывает судебная практика суды стали более критически относиться к требованиям признания чрезвычайными обстоятельствами тяжелого болезненного состояния завещателя, как правило, находящимся в престарелом возрасте, так как в суде помимо установления соблюдения формы такого завещания необходимо доказать, что положение гражданина было исключительным, опасным, явно угрожающим его жизни, а обстоятельства повлекшие угрозу жизни, были непредвиденными, быстро развивающимися и не допускающими возможности совершить завещание в порядке, предусмотренном ст. 1124–1128 ГК РФ, исключая объективную возможность обратиться за его удостоверением к нотариусу, капитану судна, главному врачу, его заместителю и т.д. (ст. 1127 ГК РФ).

Поэтому завещания, совершенные в простой письменной форме при заболеваниях, носящих длительный характер (хронические, онкологические болезни и т.п.) крайне редко признаются судами в качестве совершенных при чрезвычайных обстоятельствах (исключениями на практике были нерабочие дни у нотариусов; во время пандемии был введен режим самоизоляции и не было возможности вызвать нотариуса на дом), так как предполагается проявление заботливости и осмотрительности со стороны завещателя и его близких для своевременного составления и удостоверения завещания.

Только если здоровье человека резко ухудшится и состояние будет стремительно усугубляться, лишая лицо возможности удостоверить завещание, тогда данное положение можно считать чрезвычайным, так как возникло внезапно и положение явно угрожает его жизни.

Важным условием действительности завещания по ст. 1129 ГК РФ является собственноручное его написание, т.е. написание завещания другим лицом со слов завещателя и подписанное им самим будет признаваться недействительным. Так, например, в судебной практике был случай, когда завещание было напечатано с использованием технических средств и в присутствии двух свидетелей завещатель, находясь в тяжелом состоянии, подписал его. Суд установил нарушение формы составления завещания по ст. 1129 ГК РФ, так как наследодатель не совершил его собственноручно и не было доказано того, что он был ознакомлен с содержанием и читал напечатанный документ.

При составлении завещания нельзя использовать электронные, мобильные устройства и другие технические средства, такое завещание будет признаваться недействительным (абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ). Но ситуации бывают очень опасными и внезапными, человек может попасть в заложники и не иметь возможности написать завещание вручную, но зато он сможет набрать и отправить сообщение, сделать запись на диктофон и вполне вероятно это будет его единственный способ выразить вольно свою последнюю волю. Конечно, в определенных условиях будет сложно определить действительно ли сам завещатель набрал и отправил сообщение, установить правдивость его содержания, но чрезвычайные обстоятельства представляют собой экстренные условия и в силу их аномальной природы у завещателя могут отсутствовать материалы, на которых возможно составить завещание.

Мне представляется разумным в силу развивающихся технологий, проникающих во все сферы жизнедеятельности человека и усовершенствованных механизмов их использования, появлению технических устройств, позволяющих с точностью идентифицировать личность их владельца, законодательно закрепить перечень ситуаций, при которых все-таки возможно будет использовать электронные, технические средства, способные точно определить личность завещателя и обстоятельства, при которых была сделана запись, ввиду отсутствия других возможных способов отражения последней воли гражданина.

В связи с этим возникает вопрос о материале, на котором возможно составить завещание при чрезвычайных обстоятельствах. Законодательно данный вопрос не регулируется, в силу исключительности положения такое завещание может быть написано на любом материале, пригодном для изложения последней воли лица и понятным для дальнейшего установления его содержания, т.е. не только на бумаге, но и на полотне, ткани, коре дерева и др., а также само средство написания может быть разнообразным помимо ручки, возможно применение карандаша, угля и т.д.

Также необходимо отметить, что устная форма не допускается при совершении завещаний, что находит положительную оценку среди теоретиков, так как при устной форме завещания суду будет крайне сложно, а иногда и невозможно при отсутствии доказательств установить подлинность последней воли завещателя и вовсе её наличие. Введение такой формы заве-

щания породило бы массу проблем, связанных со злоупотреблением правом, использование данной нормы в корыстных целях, введение суда в заблуждение относительно волеизъявления наследодателя, а также искажение самого содержания завещания.

Следующим важным условием завещания, совершенного при чрезвычайных обстоятельствах является обязательное наличие двух свидетелей, в абз. 2 п. 1. ст. 1129 ГК РФ) ничего не сказано о том, что свидетели должны поставить свою подпись на завещании и ознакомиться тем самым с его содержанием, в связи с этим впоследствии нет фактических доказательств их присутствия в момент составления завещания, поэтому подлинность завещания может быть подтверждена фиктивно, так как сведений, доказывающих их присутствие рядом с завещателем не будет.

Так, М. С. Абраменков предлагает, чтобы в завещании обозначались фамилии свидетелей и их инициалы, так в будущем их можно будет идентифицировать. Подпись будет подтверждать их нахождение рядом с завещателем в момент совершения завещания [2, с. 22–32].

Помимо этой проблемы есть ещё вероятность того, что человек, находясь в положении, явно угрожающем его жизни может вовсе не иметь никаких свидетелей вокруг.

Сами свидетели в опасных условиях, когда их жизнь также находится под угрозой могут погибнуть и, соответственно, подтвердить факт совершения завещания в суде они не смогут, хотя завещание формально соответствовало на момент его составления всем требованиям закона, как тогда быть? Стоит обратить внимание на отсутствие в ст. 1129 ГК РФ требования о присутствии свидетелей при рассмотрении дела. Поэтому, если к моменту судебного разбирательства свидетели будут мертвы либо их не найдут, то формально это никак не влияет на процесс доказывания и не будет основанием для признания завещания недействительным, так как требование о наличии двух свидетелей было выполнено и правовые последствия возникли правомерно.

Таким образом, наличие подписей свидетелей и их инициалов существенно упростит процесс доказывания для наследников действительность данного завещания, и даже в случае их смерти будет прямым доказательством того, что они присутствовали в момент совершения завещания и подтверждают его подлинность, поэтому на законодательном уровне следует закрепить данное правило.

На данный момент очень мало дел, по которым суд признавал факт совершения завещания при чрезвычайных обстоятельствах, хотя сами исключительные и экстраординарные обстоятельства происходят постоянно и этому есть несколько объяснений: во-первых, незнание и неосведомленность самих граждан, неподозревающих о существовании данного вида завещания приводит к тому, что они им не пользуются, находясь в критических ситуациях, поэтому о нем нужно чаще говорить, чтобы повысить правовую грамотность населения; во-вторых, наличие большого количества пробелов в законодательстве относительно регулирования данного вопроса, приводит к разногласиям в толковании и противоречивом применении норм на практике, что требует более тщательного и детального правового регулирования и внесения необходимых изменений в гражданское законодательство.

Литература:

1. Зипунникова, Ю. Н. Некоторые особенности доказывания по делам о признании завещания недействительным / Ю. Н. Зипунникова, Е. Ю. Рыкова // Арбитражный и гражданский процесс. — 2007. — № 1. — С. 30–34.
2. Абраменков, М. С. Формальная действительность завещаний / М. С. Абраменков // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2010. — № 2. — С. 22–32.

Разграничение взятки и провокации взятки или коммерческого подкупа

Гуляев Юрий Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Клоченко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье автор рассматривает проблемы отграничения получения взятки от коммерческого подкупа и предлагает свой алгоритм квалификации.

Ключевые слова: квалификация преступлений, взятка, провокация взятки, вымогательство взятки.

Изучение различных аспектов взяточничества и коррупции как дифференциации состава преступления имеет большое практическое значение. В связи с динамичным развитием общественных отношений и активным внедрением антикоррупционного законодательства, рядовым сотрудникам правоохранительных органов зачастую сложно в полной мере разобраться в положениях действующего законодательства и их применении [8, с. 241].

Кроме того, противоречивая судебная практика по вышеуказанным правовым нормам не позволяет сделать однозначные выводы по многим вопросам, имеющим практическое значение, без тщательного и всестороннего анализа. Поэтому авторы приступили к рассмотрению различных аргументов по данным вопросам. Существует мнение, что данная статья даст ответы на некоторые вопросы, которые неизбежно возникают при применении уголовного законодательства в отношении взяточничества и коррупции.

В судебной практике не исключены случаи провокации в связи со взяточничеством.

Как отмечают многие ученые, длительное откладывание данных преступлений также влияет на возможность тщательного, объективного и всестороннего анализа исследований и судебной практики по данной категории преступлений [4, с. 59].

Прежде всего, следует отметить, что преступление вымогательства взятки существенно отличается от традиционного преступления взяточничества, поскольку цель и мотив полностью противоположны. Однако есть и важные сходства, особенно в том, что касается внешних целей.

Их следует различать на основе цели преступления, объективного аспекта, исполнителя и субъективного аспекта. Факультативные элементы субъективного аспекта — цель и мотив — имеют решающее значение для сравнительного анализа рассматриваемого правонарушения.

Основное различие между данными правонарушениями заключается в цели правонарушения: по мнению О. А. Мансурова, цель вымогательства взятки включает в себя:

1. Умышленное создание обстановки и ситуации, побуждающих лицо предложить или принять взятку.
2. Последующее возложение на лицо ответственности за принятие взятки.

Он считает, что именно намерение отличает взяточничество от других смежных правонарушений [9, с. 161].

В научной литературе предлагаются различные трактовки понятия вымогательства взятки; В. П. Котин считает, что определение вымогательства взятки в УК РФ не совсем точно отражает суть проблемы. Включение в толкование коррупционного преступления, таких выражений, как «без его согласия», затрудняет определение состава преступления. Следует также отметить, что, по его мнению, «фабрикация искусственных доказательств» является не подстрекательством к взяточничеству, а признаком более тяжкого преступления — ложного обвинения или ложного доноса» [6, с. 24].

Рассматривая в сравнительном анализе составы уголовных правонарушений следует классифицировать их по порядку. Во-первых, имеются существенные различия в составах преступлений. Так как составы преступлений, определенные в ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) [1], находятся в гл. 31 УК РФ. Непосредственной целью воспрепятствования является предоставление информации о фактах и доказательствах в рамках оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства.

В научной литературе встречаются и другие толкования прямой цели подкупа (коммерческого подкупа). В. В. Ровейко полагает, что статья 304 УК РФ защищает общественные отношения, связанные с выполнением такой задачи правосудия, как ограждение невиновного от необоснованного осуждения.

Согласно В. В. Ровейко, преступление, предусмотренное этой статьей, связано с распространением порнографических материалов, которые могут стать основанием для несправедливых, необоснованных обвинений и осуждений. Кроме того, порнографические материалы могут нанести вред психиче-

скому и физическому здоровью людей, особенно несовершеннолетних.

Таким образом, В. В. Ровейко утверждает, что статья 304 УК РФ выполняет важную задачу защиты общественных отношений, связанных с правосудием и ограждением невиновного от необоснованного осуждения. Она направлена на борьбу с распространением материалов, способных нанести вред душевному здоровью людей, а также общественной морали и нравственности [10, с. 145].

С. В. Ермаков, считает, что закрепление статьи 304 УК РФ в первую очередь направлено на обеспечение законной правоохранительной деятельности, а права и интересы невиновного образуют только дополнительный объект.

По мнению Ермакова, основная цель статьи 304 УК РФ заключается в борьбе с незаконным производством, хранением, перевозкой и сбытом порнографических материалов, которые могут наносить вред обществу. Права и интересы невиновного, защита которых возложена на государство, образуют лишь дополнительный объект защиты в рамках этой цели.

Однако следует отметить, что любое правонарушение носит нарушительный характер, который влечет за собой нарушение прав и интересов других людей. Соответственно, защита прав и интересов невиновных, которые могут пострадать от необоснованных обвинений и осуждений, также является важным аспектом в рамках исполнения задач охраны общественного порядка и борьбы с правонарушениями [3, с. 59]. Стоит согласиться с данной точкой зрения.

Цели анализируемых видов деятельности различны. Хотя внешнее сходство между подстрекательством к коррупции и взяточничеством поразительно, совершение аналогичных действий имеет внутреннее содержание, позволяющее их различать. Умышленный аспект мошеннического склонения состоит в активном действии, в попытке «без его согласия», а именно согласия должностного лица:

- передать ему или ей деньги, ценные бумаги или другое имущество;
- оказать ему или ей имущественные услуги;
- дать ему или ей права на имущество.

При этом они могут попытаться передать такие активы или права напрямую, обманным путем или конфиденциально жертве. Однако если лицо не дало предварительного согласия, это означает, что он не давал согласия на эти действия.

Л. Д. Гаухман утверждает, что неформальное определение взятки в статье 304 УК РФ затрудняет применение статьи 290 УК РФ на практике, поскольку такие выражения, как «без согласия лица» и «создание искусственного правонарушения» затрудняют установление состава преступления по статье 304 УК РФ. Поэтому можно сделать вывод, что, несмотря на внешнее

сходство фактов, основное различие между этими преступлениями заключается в том, что лицо объективно не давало согласия на незаконную сумму денег (взятку) [2, с. 7].

Взятка может быть дана только государственным служащим. Однако, говоря о том, кому может быть направлена взятка, стоит отметить, что это может быть любое дееспособное физическое лицо старше 16 лет. В большинстве случаев это, конечно же, сотрудники полиции, действующие в качестве государственных служащих, ответственных за выявление и пресечение взяточничества. Существенный элемент субъективной стороны преступления связан с созданием искусственных доказательств, которые могут быть использованы в уголовном деле или деле о вымогательстве. Иными словами, преступление в виде взятки совершается, если у виновного имеется прямой умысел, то есть он знает, что деньги или имущество переданы лицу не для получения от этого лица конкретных услуг в работе, а для создания условий для уголовного преследования или психологической, или иной зависимости (шантажа) лица [5, с. 893].

В. Н. Крюков придерживается примерно такого же мнения, но предпочитает более точный термин «инсценировка» [7, с. 168]. Если о концентрации преступной деятельности и создании искусственных доказательств можно и нужно говорить, то о концентрации самой взятки говорить сложно. Анализ действующей уголовно-правовой базы и позиций различных ученых привел нас к следующим выводам:

— отличие вымогательства взятки от получения взятки заключается в том, что первое не отражает качественные характеристики объективной и субъективной сторон взятки, такие как характер и непосредственный объект преступного вовлечения, характер и направленность преступного действия (или бездействия), а также цель и мотив совершения преступления в его уголовно-правовом составе;

— в случае взятки само вознаграждение является взяткой, но не является предметом незаконной сделки между двумя сторонами. Когда работник принимает взятку, мотивом обычно является корысть, и работник добровольно выполняет определенные действия в обмен на незаконное вознаграждение в пользу взяткодателя;

— если взятка является побуждением, то взяткодатель действует без согласия взяткополучателя или скрывает от работника свои истинные намерения. Работник, получивший взятку, в действительности не обязан совершать какое-либо законное или незаконное действие в обмен на вознаграждение;

— таким образом, он совершает преступление, предусмотренное статьей 304 Уголовного кодекса Российской Федерации, которое направлено на достижение другой цели: создание искусственных доказательств совершения уголовного преступления или шантажа.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (УК РФ) СЗ РФ от 17 июня 1996 г. №25 ст. 2954 ред. от 13 июня 2023 г. №214-ФЗ
2. Гаухман Л. Д. Законодательное обеспечение борьбы с коррупцией // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 3–10.
3. Ермаков С. В. Вопросы уголовно-правовой квалификации по ст. 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2. С. 53–61.

4. Зимин В.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты реализации Россией международных антикоррупционных стандартов дис... канд. юрид. наук. Москва, 2022.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X — XII (постатейный). Том 4 /Отв. ред. В.М. Лебедев. Юрайт, 2017. 1359 с.
6. Котин В.П. Провокация взятки // Государство и право. 1996. № 2. С. 82–87.
7. Крюков В.Н. Отграничение оперативного эксперимента от провокации взятки и инсценировки получения взятки // Вестник Полоцкого государственного университета. 2006. № 2. С. 167–170.
8. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Юридическое издательство Норма, 2016. 301 с.
9. Мансуров О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с провокацией взятки либо коммерческого подкупа: дисс... канд. юрид. наук. М., 2001.
10. Ровейко В.В. Провокация взятки как коррупционное преступление, совершенное с использованием служебного положения // Вестник Удмурдского университета 2015. Т 25 № 2. С. 144–147.

Понятие биологического и генетического материала человека в теоретико-правовом аспекте

Иванова Варвара Васильевна, студент магистратуры
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

Статья посвящена теоретическому пониманию правового режима человеческого биоматериала как объекта имущественного оборота. Биологический материал человека очень мало изучен, но в нем есть определенные элементы, которые позволяют характеризовать его как имущество. Статья анализирует природу человеческого биоматериала и различные точки зрения российских ученых по этому поводу.

Ключевые слова: биологический материал человека, правовой статус, объект гражданских прав, объекты биологического материала человека, оборот биологического материала человека.

С тех пор как медицина стала важной частью жизни человека, люди изучают собственное тело и продукты его жизнедеятельности, чтобы понять, как оно работает и функционирует. До сих пор никто не интересовался его материальной ценностью. Уже в начале XX века ученые начали собирать биологический и генетический материал человека в биобанки, чтобы хранить его и изучать. Это помогло найти связь между возникновением и развитием заболеваний, а также выработать способы их лечения. Кроме того, это сделало биологические банки выгодным бизнесом в медицинской промышленности.

В настоящее время активно развиваются общественные отношения, касающиеся медицины, а именно использования в медицинских целях органов и тканей человека, отделенных от тела с целью сохранения жизни и здоровья пациента (трансплантация органов и тканей, переливание крови и т.д.). По статистике на 2018 год, число трансплантаций различных органов (почек, сердца, легкого, печени) составило 2196 случаев, когда в 2008 году число трансплантаций составляло 942 случая. Ежегодно число трансплантаций увеличивается на 10–15%, помимо этого набирает популярность процедура экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). Такая тенденция способствует заключению договоров оказания медицинских услуг по осуществлению трансплантации, по проведению процедур ЭКО, договоры перевозки биологических материалов и многие другие.

Несмотря на то что биологический материал человека и его оборот стоят на повестке дня уже много лет, вопрос, свя-

занный с его использованием и обращением, все еще остается действительно недостаточно изученным. Это сложная и запутанная тема, и требуется много времени, чтобы найти способ правильно ее узаконить. Для начала необходимо обсудить, что такое биологический материал человека. Российское законодательство рассматривает его как биологические жидкости, ткани, клетки, секреты и отходы жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения и т.д. В законодательстве зарубежных стран уже существует многочисленная судебная практика, которая позволила сформировать множество законов на эту тему, когда как в России ощущается острая нехватка правовых норм, способных регулировать правовой статус биологического материала человека.

В статье 128 Гражданского кодекса РФ есть перечень объектов гражданских прав [1]. Как уже было сказано, такого понятия, как биологический материал человека, не существует. Единственное легальное определение биологического материала дано в Федеральном законе «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 № 242-ФЗ, в котором сказано, что «биологический материал — содержащая геномную информацию ткани и выделения человека или тела (останков) умершего человека» [2]. Как видно из данного определения, в этом законе биологический материал рассматривается в качестве части организма уже умершего человека, которые в последствии были отделены от его тела. В связи с этим существует множество различных мнений о правовом

режиме биоматериала и для ответа на вопрос о его гражданско-правовом режиме и отношений с ним связанных, нужно помнить, что он принадлежит человеку по праву рождения и не может существовать сам по себе, если только он не был изъят из организма человека. Этот факт значительно усложняет отношения, связанные с использованием и обращением биологического и генетического материала, поскольку до определенного момента находится внутри человека.

Осветить все точки зрения по этому вопросу в одной статье невозможно, поэтому будет достаточно рассмотреть три господствующие в доктрине точки зрения на этот счет: первая — части тела человека, его биологический и генетический материал не являются вещами (З. Л. Волож, М. И. Ковалев); вторая — являются вещами, ограниченными в обороте (В. Л. Суховерхий Н. М. Коркунов); третья — являются личными неимущественными благами, в отношении которых складываются особые гражданские правоотношения трансплантации и донорства (Л. О. Красавчикова) [3]. Данная градация выделяется М. Н. Малеиной, которую она привела в своей докторской диссертации.

Однако, стоит заметить, что приведенные мнения ученых с практической точки зрения частично не являются актуальными, так как со времен их публикации российское законодательство, касающееся этого, развилось и усложнилось. Разумеется, научная сторона этих мнений не утратила своей ценности и на сегодняшний день.

Несмотря на недостаток регулирования основных положений о содержании такой категории как «биологический и генетический материал человека», более специфичные темы, например, трансплантация органов и донорство нашли свое отражение в законодательстве.

В соответствии со статьей 2 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. N4180-1 «О трансплантации органов и (или) или тканей человека» объектами трансплантации могут быть сердце, легкое, почка, печень, костный мозг и другие органы и (или) ткани человека. Данный перечень сформулирован как исчерпывающий, но возможна трансплантация и иных органов и тканей, например, трахеи. Благодаря развитию техники и медицины, возможно использование также клеток и их частей, фрагментов ДНК, генов. В связи с этим, когда речь идет об органах и тканях, подразумеваются и их отдельные составляющие [4].

В преамбуле вышеуказанного Закона подчеркивается, что упомянутые органы и ткани предназначены исключительно для их дальнейшей трансплантации другому человеку, которая «является средством спасения жизни и восстановления здоровья граждан и должна осуществляться на основе соблюдения законодательства Российской Федерации и прав человека в соответствии с гуманными принципами, провозглашенными международным сообществом, при этом интересы человека должны превалировать над интересами общества или науки». Рассматриваемый Закон регулирует только упомянутые виды органов, он не распространяется на кровь и ее элементы, он также не распространяется на репродуктивный материал человека (яички или эмбрионы, сперму, яйцеклетки, яичники). В законе подчеркивается, что трансплантация тканей и (или) органов у прижизненного донора только с согласия этого донора и с согласия реципиента. Помимо этого, изъятие органов допу-

скается только в случае наличия генетической связи между ним и реципиентом [5].

Правовой режим донорства крови регулируется Федеральным законом РФ от 20 июля 2012 г. N125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» и принятыми в соответствии с ним иными нормативными правовыми актами. В статье 1 этого Закона говорится, что он формирует правовые, экономические и социальные основы донорства крови и ее элементов в России в правоотношениях по её получению, передаче, хранению и утилизации [6]. Закон, помимо этого, регулирует вопросы продажи крови. На основе этого ученые сделали вывод, что кровь может быть объектом сделок и имуществом.

Если говорить о регулировании репродуктивного материала, то на данный момент нет отдельного закона, который бы упорядочил правоотношения в этой сфере. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» регулирует вопросы организации оказания медицинской помощи с использованием методов вспомогательных репродуктивных технологий на территории Российской Федерации, а также противопоказания и ограничения к их применению. Помимо Приказа, искусственное оплодотворение путем имплантации эмбриона регламентируется пунктом 4 ст. 51 и пунктом 3 ст. 52 СК РФ, а также статьей 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N323-ФЗ.

Правовой статус эмбриона на современном этапе развития российского законодательства не нашел должного отражения ни в нормативно-правовых актах, ни в доктрине. Этап развития, с которого эмбрион человека охраняется законом так же не определен. Основные подходы к проблеме правового статуса рассматривают эмбрион как субъект и как объект права [7]. При первом подходе эмбрион рассматривается как полноправный участник правоотношений, во втором же случае он определяется как часть организма матери и приравнен к органам и тканям человека. Важнейшим условием для ответа на вопрос о правовом статусе эмбриона является само понятие рождения и момент появления ребенка на свет. Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что начало жизни эмбриона возникает с момента физиологических родов, другие же придерживаются иного мнения — эмбрион обладает правосубъектностью уже на стадии развития (обычно между 22 и 28 неделями беременности). На данный момент в российском гражданском законодательстве эмбрион обладает некоторыми правами, так, в соответствии со ст. 1116 ГК РФ в число наследников могут быть включены лица, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. При рассмотрении статуса эмбриона сам собой напрашивается вывод о том, что существует реальная необходимость принятия нормативно-правового акта, который бы регулировал правовое положение эмбриона и четко определял его правосубъектность.

На основании вышеуказанных норм А. В. Головинин заключает, что «органы и ткани человека могут быть предметом (объектом) иных сделок, за исключением купли-продажи (например, дарения, хранения и т.д.)» [8].

Несмотря на установленный законом запрет коммерческого оборота органов и тканей человека, признать их вещами (объектами), изъятыми из оборота по смыслу абзаца первого п. 2 ст. 129 ГК РФ, нельзя. Опираясь на эти данные справедливым будет сделать вывод о том, что рассматриваемые предметы должны быть отнесены к ограниченно оборотоспособным вещам (объектам), которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо нахождение которых в обороте допускается по специальному разрешению. Так, в соответствии со статьей 4 Закона о трансплантации забор и заготовка органов и (или) тканей человека, а также их трансплантация осуществляются в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения.

Вопреки отсутствию должного правового регулирования биологического и генетического материала человека, в нашей стране нередки случаи появления судебной практики по этому вопросу. Так, в 2019 году в Южно-Сахалинском городской суд Сахалинской области обратилась женщина с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов в отношении мужчины, который участвовал в процедуре экстракорпорального оплодотворения в качестве донора, в ходе которой подписывал согласие принимать участие в воспитании детей. В удовлетворении иска было отказано на основании отсутствия такого согласия. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Сахалинского областного суда решение первой инстанции было отменено, принято новое решение, которым отцовство было установлено на основании того, что мужчина участвовал

в зачатии ребенка не как донор (на его имя отсутствовала карточка донора, договор о донорстве между ним и истицей не был заключен), а как сожитель истца. При этом, в браке они не состояли, более того, мужчина был женат на другой женщине, факт предоставления своего генетического материала в медицинскую организацию и рождения с помощью него детей не отрицал. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к заключению о том, что решение суда первой инстанции является законным и оснований для его отмены нет [9].

Подводя итог, можно сказать, что в нашей стране общественные отношения в отношении биоматериалов только начинают формироваться. По российскому законодательству ткани и продукты жизнедеятельности человека после их выделения из организма являются объектами права, вещами и могут находиться в собственности любых лиц. При получении их в ходе медицинского вмешательства они поступают в собственность медицинской организации.

Разумеется, для дальнейшего развития российского законодательства необходима разработка и принятие специального федерального закона «О правовом статусе биоматериалов человека», который бы регулировал гражданский оборот биоматериалов как самостоятельных объектов гражданского права. Закон будет регулировать гражданский оборот биологических материалов как самостоятельных объектов гражданского права, осуществление прав на биоматериалы, а также правила получения информированного и добровольного согласия донора и его права на защиту персональных данных.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) ПСЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федеральный Закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ // Собрание законодательства РФ.— 08.12.2008.— № 49.— ст. 5740.
3. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита): Дис... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 151–153.
4. Малеина М. Н. Статус органов, тканей, тела человека как объект права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. N11. С. 13.
5. Останина Е. А. Право на своё тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиции гражданского права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8. С. 156–194.
6. О донорстве крови и ее компонентов: Федеральный Закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ.— 23.07.2012.— № 30.— ст. 4176
7. Мальшева А. А. Право на жизнь: особенности правовой защиты эмбрионов // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2017. № 3. С. 168–179.
8. Головизнин А. В. Гражданско-правовой режим вещей // Актуальные проблемы цивилистических отраслей права. Межвузовский сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2004. Вып. 4. С. 45.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2019 по делу № 64-КГ19–6 // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1783934 / (дата обращения: 30.05.2023)

Процессуальные нарушения в административном процессе по искам прокуратуры в защиту неопределенного круга лиц

Кондаков Евгений Александрович, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

Статья посвящена исследованию проблематики процессуальных нарушений в административном процессе по искам прокуратуры в защиту неопределенного круга лиц. На основе проведенного анализа судебной практики автор выявляет главную проблему, которая заключается в отсутствии формального законодательного определения термина «неопределенный круг лиц». Этот фактор приводит к различному толкованию данного термина отечественными судами, что становится причиной системных нарушений.

Ключевые слова: административный процесс, прокурор, неопределенный круг лиц, судебная система.

Procedural violations in the administrative process on claims of the prosecution in protection of an undefined circle of persons

Kondakov Evgeny Alexandrovich, student master's degree
Vladivostok State University

The article is devoted to the study of the problems of procedural violations in the administrative process on the claims of the prosecutor's office in defense of an indefinite circle of persons. Based on the analysis of judicial practice, the author identifies the main problem, which is the lack of a formal legislative definition of the term indefinite circle of persons. This factor leads to a different interpretation of this term by domestic courts, which causes systemic violations.

Keywords: administrative process, prosecutor, indefinite circle of persons, judicial system.

Введение. Административный процесс, представляющий собой сложный и многогранный институт права, включает в себя не только правовые нормы и принципы, регулирующие отношения между субъектами права, но и ряд процессуальных действий и мер, предназначенных для обеспечения правосудия. Важную роль в данном процессе играет деятельность прокурора, призванная защищать интересы неопределенного круга лиц. Однако, на практике, далеко не всегда этот процесс проходит без нарушений, которые могут существенно повлиять на его итоги и подорвать авторитет закона.

Цель проводимого автором исследования. Целью научной статьи является исследование проблемы процессуальных нарушений в административном процессе по искам прокурора в защиту неопределенного круга лиц посредством анализа судебной практики, а также выявление наиболее типичных и системных нарушений.

Изложение основных результатов исследования. Ст. 45 ГПК РФ регулирует процессуальное положение прокурора в административном судопроизводстве и наделяет прокурора правом обращаться в суд с иском об административном правонарушении в защиту прав и интересов не установленного круга лиц [1].

Данное положение подчеркивает значение прокурора в судебной системе и подтверждает его роль в защите прав и интересов граждан и государства.

В то же время ГПК РФ не дает ясности, что именно представляет собой «неопределенный круг лиц».

Термин «неопределенный круг лиц» относится к группе лиц, чьи права и законные интересы могут быть затронуты кон-

кретным юридическим вопросом или ситуацией, но которые не могут быть точно идентифицированы.

Например, к «неопределенному кругу лиц» могут быть отнесены все потребители определенного товара или услуги или все граждане, проживающие в определенной географической зоне.

Этот термин часто используется в коллективных исках, в которых прокурор представляет группу лиц, которых невозможно точно идентифицировать.

По мнению Д. А. Туманова, под неопределенным кругом лиц следует понимать группу лиц, которая не может быть точно идентифицирована или индивидуализирована в контексте конкретного случая. Сюда могут входить случаи, когда лица, чьи права или обязанности затрагивает дело, не могут быть четко определены или указаны в решении или когда невозможно решить вопрос о правах и обязанностях каждого лица в рамках процесса разрешения дела. [7, с. 165].

Аналогичное толкование дает и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, что подтверждает применимость данного определения в практике российских судов и уточняет его применение в контексте потребительского права [2].

В то же время следует отметить, что вопрос о конкретизации лиц, которые могут трактоваться как «неопределенный круг лиц» в российской доктрине гражданского процессуального права, является предметом широких дискуссий. На этот счет существует ряд позиций.

Так, первая позиция заключается в признании неопределенного круга лиц разновидностью группы лиц и права на их защиту разновидностью группового иска. Эта позиция подчер-

квивает коллективный характер интересов и прав, защищаемых таким иском. Однако несоответствие данной позиции с реалиями правоотношений в РФ заключается в том, что в соответствии с главой 22.3 ГПК РФ, групповые иски предполагают возможность установления всех участников спорного правоотношения.

Вторая позиция, признающая иск прокурора индивидуальным иском классического характера, акцентирует внимание на том, что иск, несмотря на то, что он подан прокурором, в конечном итоге направлен на защиту прав и интересов конкретных лиц [5, с. 294].

В административном производстве по искам прокурора о защите неопределенного круга лиц нередко имеет место ряд процессуальных нарушений, обусловленных различным толкованием судами термина «неопределенный круг лиц».

При этом неопределенность группы лиц имеет весомое значение для суда в контексте того, что оно допускает рассмотрение нарушенных прав потенциальных заявителей без необходимости их конкретизации и вовлечения в процесс, а также прекращение незаконной деятельности ответчика без персонализации каждого заявителя.

Далее рассмотрим на конкретных примерах из судебной практики возможные процессуальные нарушения в административном процессе по искам прокурора в защиту неопределенного круга лиц.

Представитель прокуратуры Заволжского района г. Ярославля подал в суд на медицинское учреждение Ярославской области «Скорая помощь» от имени неустановленного круга лиц. Требование включало просьбу о проведении необходимых ремонтных работ для создания приемлемых условий труда для сотрудников станции.

Однако суд решил исковое заявление не принимать, поскольку прокурор фактически добивался защиты прав определенной группы граждан, идентификация которых представлялась возможной для представления интересов неустановленной группы лиц.

Заключение суда базировалось на анализе правовых норм и подчеркивало отсутствие четкого определения понятия «неопределенный круг лиц» в рамках гражданско-процессуального законодательства.

Однако согласно ст. 45 ГПК РФ группа лиц определяется как «неопределенная», если невозможно установить личность каждого из ее членов. Поскольку в данном контексте возможно

установить каждое лицо, чьи интересы представлены в иске, суд пришел к выводу, что данный иск не может рассматриваться в связи с защитой интересов неопределенного круга лиц.

Доводы о невозможности установления конкретных работников учреждения, которые могут находиться на станции в любой момент времени, а также о потенциальной угрозе жизни и здоровью не только медработников, но и других людей были признаны недостаточно обоснованными.

При этом судья отказал в принятии иска, сославшись на превышение прокурором полномочий, предусмотренных федеральным законом [4].

Другим примером является иск прокурора города Комсомольска-на-Амуре от имени неопределенного круга лиц, представляющих Городскую больницу № 2.

Иск подан к Министерству здравоохранения Хабаровского края и Комитету по управлению имуществом г. Комсомольска-на-Амуре с требованием провести ремонт для обеспечения достойных условий труда персонала больницы.

Однако суд отказал в принятии иска на том основании, что прокурор фактически действовал в интересах конкретной, определяемой группы работников медицинского учреждения, а не в интересах неопределенного круга лиц [3].

Еще одним примером неправильного толкования является решение Шацкого районного суда не принимать к рассмотрению иск прокурора Шацкого района от имени определенного круга лиц к городскому бюджетному учреждению «Средняя общеобразовательная школа» о запрете эксплуатации электрических сетей [6].

Суд отказал в принятии заявления на том основании, что группа лиц, интересы которых представляет прокурор, была идентифицируемой — это были ученики, учителя и другие работники школы.

Однако суд не учел, что количество этих людей непостоянно и может измениться в любой момент. При таких обстоятельствах решение суда о присутствии определенной группы лиц, в защиту которых прокурор апеллировал, было признано кассационным органом необоснованным, что повлекло за собой отмену решения суда.

Выводы. В ходе анализа судебной практики можно сделать вывод, что отсутствие формального законодательного определения приводит к различному толкованию органами юстиции термина «неопределенный круг лиц» и является основанием для нецелесообразности отказа от исполнения требовать.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (посл. ред. от 14.04.2023 N118-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 02.07.2023).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/ (дата обращения: 02.07.2023).
3. Решение Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре № 2–2465/2019 2–30/2020 2–30/2020(2–2465/2019); ~М-2117/2019 М-2117/2019 от 15 мая 2020 г. по делу № 2–2465/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TblkBl63GHJ/> (дата обращения: 02.07.2023).
4. Определение Ярославского областного суда по делу № 33–4299/2012 от 22.08.2012 г. // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ogmt4KqBokZC/> (дата обращения: 02.07.2023).

5. Курбанов Д. А. Некоторые проблемы, связанные с обращением прокурора в суд в защиту интересов неопределенного круга лиц // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты. 2023. С. 293–295.
6. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке ст. 45 ГПК РФ // СПС «Гарант». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36043456/> (дата обращения: 02.07.2023).
7. Туманов Д. А. Защита интересов неопределенного круга лиц (отдельные проблемы) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. № . 6 (64). С. 162–173.

Проблемы применения принципа эстоппель судами общей юрисдикции

Маньковский Дмитрий Евгеньевич, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В данной статье рассматривается принцип «эстоппель», который является важным правовым принципом наряду с принципами добросовестности, состязательности и надлежащего исполнения обязательств. Термин «эстоппель» не упоминается прямо в гражданском законодательстве, но его суть раскрывается в некоторых статьях этого кодекса, а также в разъяснениях Верховного Суда РФ и судебной практике. Однако, возникают проблемы в применении этого принципа судами общей юрисдикции.

Исследуются различные позиции в теории и судебной практике по применению процессуального эстоппеля, анализируются их истоки и обстоятельства применения, их разнообразие, условия использования данного нововведения в России, правовая природа принципа «эстоппель» и современная судебная практика по рассматриваемому вопросу. Научные результаты позволяют выделить практические проблемы правового регулирования принципа «эстоппель» в российском гражданском праве, а также нормы Гражданского кодекса РФ и обсудить вопрос о наличии в нем принципа «эстоппель».

Ключевые слова: принцип, эстоппель, сделка, ничтожность, недействительность, оспоримость, злоупотребление, добросовестность, признание договора незаключенным, лишение права на возражение.

Problems of application of the principle estoppel by courts of general jurisdiction

Mankovsky Dmitry Yevgenyevich, student master's degree
International Law Institute (Moscow)

This article discusses the principle of «estoppel», which is an important legal principle along with the principles of good faith, competitiveness and proper performance of obligations. The term «estoppel» is not mentioned directly in civil legislation, but its essence is revealed in some articles of this Code, as well as in explanations of the Supreme Court of the Russian Federation and judicial practice. However, there are problems in the application of this principle by courts of general jurisdiction.

Various positions in theory and judicial practice on the application of procedural estoppel are investigated, their origins and circumstances of application, their diversity, conditions for the use of this innovation in Russia, the legal nature of the principle of «estoppel» and modern judicial practice on the issue under consideration are analyzed. The scientific results allow us to highlight the practical problems of the legal regulation of the principle of «estoppel» in Russian civil law, as well as the norms of the Civil Code of the Russian Federation and discuss the issue of the presence in it of.

Keywords: principle, estoppel, transaction, negligibility, invalidity, voidability, abuse, conscientiousness, recognition of the contract uncompleted, deprivation of the right for objection.

Эстоппель, происходящий из английского права, является инструментом, направленным на пресечение непоследовательного поведения участников делового оборота. В российском праве эстоппель основывается на судебной практике.

В англо-саксонской правовой системе законы, называемые статусным правом, основываются на ранее сформированных судебных прецедентах, которые в свою очередь систематизированы и кодифицированы. Прецедентом является решение высших судов в Англии. Примером такого прецедента является дело *Central London Property Trust Ltd v. Nigh Trees House Ltd.* (1947) KB130 [6], в котором суд указал, что принцип эстоппель

запрещает судебную защиту требований, противоречащих соглашениям, достигнутым сторонами и соблюдаемым ими в течение длительного времени. Дело касалось снижения арендной платы арендодателем во время военного времени. Арендаторы в течение длительного времени (1940–1945 гг.) платили уменьшенный размер арендной платы. Однако после окончания военных действий арендодатель потребовал выплаты полного размера арендной платы за два последних квартала 1945 года. Суд удовлетворил требования арендодателя, определив, что соглашение с жильцами было достигнуто только на период военного времени и требования об уплате полной суммы арендной

платы с 1940 года были бы несправедливыми. Суд пришел к выводу, что обещание принять меньшую сумму, если действия производились согласно ему, является связывающим, несмотря на отсутствие встречного удовлетворения. Это дело было рассмотрено Лордом Альфредом Томпсоном Деннингом, одним из авторитетных и влиятельных судей Англии, и является фундаментальным прецедентом XX века, создавшим доктрину долгового эстоппеля.

Здесь необходимо понимать специфику иностранного права, включая системы процессуального права страны происхождения. Иначе заимствование может существенно снизить гарантии защиты и реализации права на судебную защиту.

При применении эстоппеля к значимым фактам в гражданском процессе суды очень часто ограничиваются тем, что находят формальные обстоятельства процессуального запрета на основе своих личных определений. В результате чего вывод суда о фактах, имеющих значение для дела, не основан на рассмотрении существа дела и носит нон-фигуративный и общий характер.

Цель принципа «эстоппель» заключается в предотвращении неправомерного поведения сторон в судебных процессах, а также в обеспечении справедливости и эффективности судебного разбирательства. Данный помогает предотвратить злоупотребления правом и защитить интересы сторон, обеспечивая стабильность и надежность судебных решений. Он также способствует экономии времени и ресурсов, так как позволяет избежать повторного рассмотрения одних и тех же вопросов или дел.

В отечественной судебной практике и процессуальной литературе эстоппель рассматривается как понятие, которое не требует формализации в законе, а потому может применяться судом по усмотрению с опорой на юридически неопределенные категории, такие как: «последовательность», «непротиворечивость», «преимущество (выгода)». Такой подход делает непредсказуемым процессуальное правоприменение, нарушает действие принципов законности, состязательности и равноправия сторон и создает угрозу доступности правосудия по гражданским делам.

Кроме того, //законодательный подход, закрепленный в абзаце 4 п. 1 пункта 2 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации отражает тенденцию к расширению оснований оздоровления оспоримых /сделок и является одним из способов защиты субъективных гражданских прав по сделкам, создающим правовую неопределенность [1].

Сам термин «эстоппель» прямо не закреплен в гражданском законодательстве, но его содержание раскрывается в некоторых положениях указанного кодекса, в разъяснениях Верховного Суда РФ, а также в судебной практике. К таким нормам можно отнести:

- пункт 3 статьи 1 ГК РФ, закрепляющей общей принцип добросовестности;
- пункт 1 статьи 10, устанавливающей общий запрет недобросовестного поведения;
- пункт 2 статьи 166, закрепляющий специальные правила недействительности сделок;
- пункт 5 статьи 166, применяющей общие правила недействительности сделок;

— пункт 3 статьи 307, повторяющей общее положение о добросовестности для обязательственного права;

— пункт 3 статьи 432, регулирующей договорные отношения.

Пункт 1 Статьи 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: «Правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Пункт 2 Статьи 12 не закрепляет полномочия судьи поставить перед сторонами вопрос о недобросовестности, однако предполагает, что судья «создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств» [1].

Общезвестно, что отечественное гражданское судопроизводство регулируются фактической индивидуализацией исков, тождество которых составляют предмет-материально-правовое требование истца к ответчику-и основание-фактические обстоятельства, на которых основано требование. Правовая квалификация требования в тождество не входит и остается в ведении суда, что является как высшим проявлением максимы *jura novit curia*, так и следствием непрофессионального характера нашего процесса. На стороны же возлагается бремя доказывания и опровержения основания иска (ст. 56 ГПК РФ) [3].

В случае с добросовестностью это означает, что сторона должна доказать совершение действий или бездействие, входящих в применимые нормы объективной добросовестности, и знание или незнание фактов, составляющих субъективную добросовестность, а юридическая квалификация этих фактических обстоятельств дается судом [4].

Из вышеприведенного можно сделать вывод о том, что российский процессуальный эстоппель представляет собой процессуальный запрет, применяемый судом как санкция за несвоевременное совершение того или иного процессуального действия, что наиболее близко к понятию преклюзивной санкции. Текущее применение этого запрета входит в противоречие с гражданской процессуальной формой и приводит к нарушению права на судебную защиту на основе принципов состязательности, диспозитивности и равноправия сторон, что не допустимо. Вместе с тем в случае обоснования необходимости формализации в законе право суда на применение процессуального запрета теоретико-правовой основой для применения процессуального запрета мог бы выступить принцип концентрации процессуального материала, в рамках которого такой запрет рассматривался бы в качестве препятствия на пути действий сторон, направленных против наполнения процесса доказательственным материалом [5].

На основании изложенного автором статьи выявлены практические проблемы применения указанного принципа:

Первая проблема заключается в сложности определения применимости принципа эстоппель. Так как существует несколько видов этого принципа, каждый из которых имеет свои особенности и требования для его применения и это создает трудности для судей при определении, когда и какой вид эстоппеля следует применять.

Вторая проблема связана с возможным нарушением права на справедливое судебное разбирательство поскольку это может существенно ограничивать право сторон на полноценное и справедливое рассмотрение дела. Если сторона не была надлежащим образом уведомлена о возможности применения эстоппеля или не имела возможности представить свои

аргументы по этому вопросу, это может нарушать ее право на защиту и равноправие перед судом.

Третья проблема связана с доказательствами. Применение принципа эстоппель может привести к тому, что сторона не сможет представить доказательства, которые могут быть решающими для исхода дела. Это особенно проблематично, если сторона не имела возможности получить эти доказательства ранее или не была в курсе их значимости.

Четвертая проблема заключается в различиях в законодательстве. Принцип эстоппель может применяться по-разному в разных юрисдикциях или судебных системах. Это может создавать сложности при пересечении границ и приводить к несправедливым результатам, когда одно и то же дело рассматривается в разных судах.

Пятая проблема связана с возможностью злоупотребления. Принцип эстоппель может быть использован для злоупотреблений, особенно если одна из сторон пытается использовать его в своих интересах, игнорируя справедливость и общие правила процессуального права.

Учитывая, что добросовестность является результатом установления юридических фактов, закрепленное в п. 1 указанного Постановления [4], право суда решать вопрос о добросовестности по собственной инициативе является лишь конкретным выражением принципа существенной индивидуализации требований. Соблюдение принципов состязательности при решении судом вопроса о добросовестности основывается, во-первых, на своевременном вынесении вопроса на обсуждение сторон, что вменяется суду комментируемым постановлением и последовательно реализуется практикой вышестоящих судов, и, во-вторых, на том, что в рамках такой реализации гарантируется свободой сторон в обсуждениях и доказательствах.

При этом следует признать необходимость ограничения сферы оценки судьей вопроса о добросовестности и идентичность интересов, которые пытается защитить истец, мотивировка решения со ссылкой на статью 10 Гражданского кодекса РФ не приводят к изменению предмета или основания иска и не противоречат избранному истцом способу защиты.

Эстоппель должен основываться на четком понятии процессуального правоотношения как публичного властеотношения суда и лиц, участвующих в деле [5].

Таким образом, при применении процессуального эстоппеля речь должна идти не об абстрактной добросовестности,

а о защите публичного интереса в правильном и своевременном рассмотрении судебного дела по существу, при применении процессуального запрета, суд ограничивает действие принципа диспозитивности и фактически лишает процессуальное действие лица свойства отнимимости в целях выполнения задач гражданского судопроизводства.

В связи с изложенным предлагается:

внести дополнения в статью 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации следующего содержания: «Суд вправе применить процессуальный запрет на изложение стороной фактов, изменение оснований иска или возражений, представление новых доказательств, возражений против полномочий и подсудности суда, надлежащего характера ответчика, отказ от заключенного, но не утвержденного мирового соглашения, если:

а) указанные заявления направлены исключительно на нарушение публичного интереса в правильном и своевременном рассмотрении и разрешении дела по существу и мирном урегулировании спора;

б) указанные вопросы уже были предметом обсуждения суда и сторон в ходе подготовки дела к судебному разбирательству либо рассмотрения дела по существу, и сторона не предприняла и ее заявление или ходатайство направлено на отмену этого действия;

в) у суда имеются основания полагать, что первоначальное либо последующее действие стороны направлено на сокрытие действительных обстоятельств и затягивание процесса.

Учитывая практику судов по применению процессуального запрета в ходе рассмотрения дела и вынесения судебного решения, необходимо закрепить принцип процессуального эстоппеля на законодательном уровне и внести дополнения в статьи гражданского процессуального кодекса Российской Федерации регламентирующие оценку доказательств судом, а также выпустить постановление Пленума Верховного суда, которое исчерпывающе разъясняло применение принципа эстоппель в гражданском судопроизводстве судами общей юрисдикции.

Особенности применения принципа процессуального запрета, конечно же, накладывают свой отпечаток как на его содержание, так и прав, и обязанностей, а также на применение иных правовых последствий.

Безусловно, вопрос о применении последствий принципа эстоппель судами общей юрисдикции сам по себе требует дальнейшей детальной и углубленной разработки.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 с изм. и доп., вступ. в силу 28 апреля 2023) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2022. № 16, ст. 2601
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 с изм. и доп., вступ. в силу 28 апреля 2023) // СЗ РФ. 1996. № 5, ст. 410; 2021. № 27, ч. 1, ст. 5123.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ ред. от 14 апреля 2023, с изм. от 26 апреля 2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 апреля 2023) // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2023. № 12, ст. 1893.
4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»
5. Яхимович А. В. Эстоппель в гражданском судопроизводстве: монография / А. В. Яхимович. — М.: Издательский дом «Гордец», 2003. — 288 с.
6. Дело Central London Property Trust Ltd v. High Trees House Ltd. (1947) KB130.

Проблемы функционирования и перспективы развития структуры федеральных исполнительных органов власти в Российской Федерации

Мирошниченко Анна Юрьевна, студент;
Проваторова Олеся Александровна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы функционирования структуры федеральных исполнительных органов власти, проблемы ее построения в рамках действующего законодательства. Проведенный анализ обосновывает необходимость реформирования существующей системы путем внесения изменений в законодательство.

Ключевые слова: система и структура федеральных органов исполнительной власти, исполнительные органы государственной власти, аппарат государственного управления, государственное управление.

Структура и система органов исполнительной власти в Российской Федерации за последние десятилетия претерпела изменения неоднократно. Это происходит с целью создания эффективной «модели», повышения, как эффективности, так и качества организации управления государством с помощью создания новых федеральных органов исполнительной власти, их трансформации и переименования, а также определение другой подведомственности, передачи определенных функций упраздненных федеральных органов исполнительной власти иным органам исполнительной власти.

Однако к одной из главных особенностей административно-правового обеспечения деятельности федеральных органов исполнительной власти в Российской Федерации относится тот факт, что на протяжении более двадцати лет так и не был принят федеральный закон «Об органах исполнительной власти Российской Федерации», а их система и структура устанавливается лишь подзаконными нормативно-правовыми актами Президента Российской Федерации. Поэтому можно говорить о целесообразности принятия федерального закона, регулирующего систему и структуру федеральных органов исполнительной власти.

Следует согласиться с утвердившимся мнением о том, что «трудно представить, что только такими сложными и масштабными реорганизациями можно обеспечить улучшение системы государственного управления. Именно поэтому становятся весьма сомнительными и цели такого совершенствования, ибо не ясны общие принципиальные подходы к пониманию организационно-правовых форм исполнительных органов государственной власти» [5].

Необходимость дальнейшего развития федеральных органов исполнительной власти в России обусловлена тем, что одним из главных препятствий на пути экономического роста Российской Федерации является невысокий уровень эффективности аппарата государственного управления, наличие большого количества полномочий. Основная задача развития исполнительной власти — необходимость ее оптимизации. Для этого необходимо создать и поддерживать эффективную систему органов исполнительной власти. Успешное и эффективное функционирование федеральных органов исполнительной власти возможно за счет устранения существующих проблем и оптимизации данной ветви власти.

Важно отметить, что с практической точки зрения, реорганизация федеральных органов исполнительной власти со-

провождается большими трудностями организационного, кадрового, служебного и финансово-экономического характера. В связи с отсутствием единой концепции системы федеральных органов исполнительной власти является противоречивым и развитие этой системы, её частой реорганизации и смены положений об органах государственного управления.

Можно выделить следующие проблемы и недостатки правовой действительности касательно исследуемой темы:

1. Наделение федеральных органов исполнительной власти не характерными для них функциями. Например, возможность наделения Президентом РФ федеральных служб полномочия по нормативному правовому регулированию [8]. Ученые обращают внимание на то, что нормотворчество «отвлекает федеральные службы от осуществления их основных функций, то есть по контролю и надзору и специальных функций в области обороны, государственной безопасности, защиты и охраны государственной границы, борьбы с преступностью, общественной безопасности» [4].

Также не соблюдается функциональная специализация и при наделении полномочиями федеральных министерств. Некоторые авторы называли такие отступления от правил опасной практикой «расползания» контрольно-надзорных функций по всей системе федеральных органов исполнительной власти [7]. Например, Указом Президента РФ № 156 [3] ФСКН России была упразднена, а ее функции и полномочия переданы МВД России.

2. Неточное наименование федеральных служб.

3. Нехватка специального федерального закона, который бы определял порядок формирования федеральных органов исполнительной власти.

При разработке структуры федеральных органов исполнительной власти необходимо учитывать множество факторов, таких как соответствие конкретным экономическим и политическим условиям, учет новых технологий и техник управления, функционального и территориального принципов управления, горизонтальные связи между органами управления, традиционные связи в системе российского государственного управления, базирование компетенции органов управления на законах и утверждение организационной структуры каждого органа исполнительной власти.

Следует отметить, что в значительной мере на эффективность федеральных органов исполнительной власти влияет

и организационная структура самого органа. В виду совершенствования деятельности федеральных органов исполнительной власти необходима осуществление мероприятий, направленных на совершенствование их организационной структуры. Разработка и внедрение оптимальной организационной структуры федеральных органов исполнительной власти считается одним из главных факторов развития данного направления государственной власти.

В состав основных проблем, связанных с организационной структурой федеральных органов исполнительной власти, относятся:

Во-первых, в настоящее время наиболее применим подход к органам исполнительной власти в качестве производственной или социально-производственной системы. При этом особое внимание необходимо акцентировать на совершенствование показателей деятельности подразделений [6].

Во-вторых, отсутствуют четко установленные связи между отдельными структурными подразделениями, часто происходит повторение одних и тех же функции, устранение такого положения возможно благодаря оптимизации организационной структуры.

В-третьих, наличие слабого восприятия к инновациям в организационном процессе, что обусловлено тем, что администрация и сотрудников органов исполнительной власти заинтересован в стабильности и неизменности. Так, дальнейшее развитие федеральных органов исполнительной власти на территории РФ

должно осуществляться за счет формирования оптимальной организационной структуры, а также за счет обеспечения высоких качественных показателей исполнительной власти.

В данном случае необходимо заниматься как улучшением механизмов функционирования персонала, подбора новых сотрудников. Помимо этого, требуется заниматься развитие мотивационной направленности деятельности органов исполнительной власти. Посредством реализации представленных мер и действий будет наблюдаться дальнейшее развитие и совершенствование исполнительной власти в стране, что, в свою очередь, обеспечит высокий уровень управляемости государством, а также результативность государственного управления в целом.

Кроме того, существуют и иные проблемы в деятельности федеральных органов государственной власти, в частности, нехватка специалистов. В отдельных федеральных органах исполнительной власти отмечается нехватка молодых специалистов ввиду низкой заработной платы.

Таким образом, целесообразно предположить, что с учетом многолетнего опыта изменений в системе и структуре федеральных органов исполнительной власти, можно выделить потребность в масштабном обобщении данного опыта с целью подготовки единого проекта соответствующего законодательного акта, который устанавливал бы оптимальную в организационном плане и эффективно действующую систему и структуру федеральных органов исполнительной власти.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». // КонсультантПлюс — надежная правовая поддержка: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2021. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892/.
2. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 21 (ред. от 20.10.2022) «О структуре федеральных органов исполнительной власти». // КонсультантПлюс — надежная правовая поддержка: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». — Электрон. дан. — М., 1997–2021. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343385/.
3. Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196285/.
4. Кармолицкий А. А. К вопросу об административном надзоре в сфере исполнительной власти // Законодательство. 2014. № 1.
5. Стариков Ю. Н. Система федеральных органов исполнительной власти: формирование в порядке транспарентного законодательства или правительственных процедур? // Вестник Воронежского государственного университета. 2016. № 3.
6. Степаненко Ю. В. Логика преобразований в исполнительной власти / Вестник Университета имени О. Е. Кутафина, 2019. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-preobrazovani-v-ispolnitelnoivlasti>
7. Плаксин с. М., Бакаев В. В., Зуев А. Г. и др. Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации: аналитический доклад 2013.
8. Туровская В. А., Туровская К. А. Полномочия Роспотребнадзора по нормативно-правовому регулированию: средство обеспечения защиты прав потребителей или негативный фактор, влияющий на формирование эффективной системы и структуры федеральных органов исполнительной власти? // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 12. С. 33.

Виды следственного эксперимента, проблемы классификации

Мирошниченко Анна Юрьевна, студент;
Проваторова Олеся Александровна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассмотрены виды такого следственного действия, закрепленного в статье 181 УПК РФ, как следственного эксперимента. Раскрываются различные подходы к классификации данного следственного действия.

Ключевые слова: криминалистика, следственный эксперимент, виды следственного эксперимента.

Следственный эксперимент — это следственное действие, которое проводится в целях получения новых и проверки имеющихся доказательств посредством совершения опытных действий, направленных на установление возможности существования или восприятия фактов, совершения деяний, наступления последствий, выяснения механизма события, а также процесса образования следов, имеющих значение для уголовного дела, проводимых как правило, в условиях воссозданной обстановки, по возможности, максимально сходной с той, в которой в действительности происходило расследуемое событие.

В юридических науках разработаны различные подходы к вопросам классификации следственного эксперимента. Так, в теории и практике следственные эксперименты разделяют на четыре группы. По мнению ученого-криминалиста профессора А. А. Эксархопуло, следственные эксперименты по такому критерию, как характер проверяемого события или действия можно разделить на следующие виды:

1. Эксперименты по проверке возможности восприятия какого-либо факта или явления. К ним относится в основном опытная проверка возможности слышать или видеть что-либо.

2. Эксперименты по проверке возможности совершения определенных действий. Например, имел ли возможность обвиняемый в краже проникнуть на склад через пролом в крыше, мог ли преступник один переместить труп на конкретное расстояние. Такие эксперименты включают в себя два подвида, а именно проверку возможности совершения действий конкретным человеком (проверка индивидуальных способностей) и проверку принципиальной возможности совершать те или иные действия лицом, обладающим определенными физическими данными.

3. Эксперименты по установлению (проверке) механизма события или его отдельных действий (последовательности действий участников), включая механизма образования следов. Например, с какой скоростью должен был идти человек по определенному маршруту, чтобы преодолеть конкретное расстояние за определенное время.

4. Эксперименты по проверке возможности наступления какого-либо события, которые проводятся с целью получить правдоподобные объяснения необычным последствиям какого-либо события. Например, замыкания в электросети [7, с. 550–552].

Подобной классификации придерживается и Т. В. Аверьянова в своем учебнике, выделяя, к тому же, эксперимент по возможности существования какого-либо факта (явления), призванный подтвердить или опровергнуть факты, которые

допрашиваемый упоминает в своих показаниях. В частности, это может касаться движения товарно-материальных ценностей, когда требуется выяснить, возможно ли было в данном помещении хранить партию товара определенного веса или объема [2, с. 619–620].

Однако в литературе есть и другие точки зрения. В частности, С. А. Шейфер считает, что определение механизма образования следов выходит за пределы видов следственного эксперимента, поскольку достоверная идентификация предмета по оставленным им следам требует экспертного исследования с соблюдением процессуальной формы [6, с. 619].

Однако с таким мнением С. А. Шейфера не согласен Р. С. Белкин, который отмечает, что следственные эксперименты по установлению механизма образования отдельных следов события применяются на практике.

В данном случае стоит согласиться с Р. С. Белкиным и отнести определение механизма образования следов к разновидностям следственного эксперимента, поскольку следователь, в каждой конкретной ситуации должен решать вопрос: «Сможет ли данный эксперимент установить механизм образования следов самостоятельно? Или же для этого потребуются прибегнуть к экспертному исследованию?». В том случае, если эксперимент сможет ответить на эти вопросы самостоятельно, то для проведения экспертизы нет необходимости, и нет оснований не относить следственный эксперимент по установлению механизма образования следов к отдельному виду рассматриваемого эксперимента.

Также Эксархопуло А. А. разделяет следственные эксперименты по последовательности на первичный и повторный. Повторный эксперимент производится в случае подозрения в недостоверности результатов первичного эксперимента или в случае выявления новых обстоятельств, способных существенно повлиять на его результаты. Поэтому во избежание нежелательной потери времени, следователь обязан перед проведением эксперимента всесторонне подойти к собиранию сведений о проверяемом действии т.е. чем больше обстоятельств выявит следователь, тем меньше будет вероятность проведения в будущем повторного следственного эксперимента, что позволит сэкономить время для проведения иных следственных действий.

В последнее время в следственной практике с появлением новых видов преступлений появились и другие виды эксперимента, которые направлены на проверку опытным путем отдельных обстоятельств механизма расследуемого преступления: возгорания предметов на определенном расстоянии или через

определенное время, разрушительного воздействия взрыва, прохождения сигнала сотового оператора связи на конкретной территории; совершения противоправных действий с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Следует отметить, что на практике наиболее часто проводят эксперимент с целью проверки возможности восприятия фактов, совершения определенных действий, вероятности наступления событий, проверке последовательности событий или механизма образования следов.

В. В. Кальницкий, комментируя положения ст. 181 УПК РФ, выделяет «две разновидности следственного эксперимента: 1) следственный эксперимент, содержание которого выражается в воспроизведении действий (производство опыта); 2) следственный эксперимент, состоящий в реконструкции обстановки (обстоятельств) исследуемого события. Различие состоит в том, что в первом случае воспроизведение обстановки сочетается с проведением опытных действий, которые и определяют существо эксперимента, во втором — содержание эксперимента ограничивается воссозданием обстановки (обстоятельств) для их обследования (осмотра) в реконструированном виде» [5, с. 72].

С. Р. Белкин к вышеуказанной классификации добавляет эксперимент по установлению у подозреваемых наличия или отсутствия профессиональных навыков, например, фальшивомонетчиков [2].

Обращаясь к одним из первых исследователей рассматриваемого следственного действия, мы можем выделить следующие подходы к выделению видов следственного эксперимента.

Так, Л. Е. Ароцкер в своей классификации выделяет восемь видов следственного эксперимента в зависимости от преследуемых целей: определение возможности визуального наблюдения; выявление возможности акустического восприятия; определение местонахождения преступника, потерпевшего; установление возможности нахождения на месте преступления;

определения места совершения преступления; выявление поз участников эксперимента; определение возможности совершения преступления в определенные временные параметры при определенных условиях; установление возможности выноса или вноса каких-либо предметов (объектов) [3, с. 125–126].

Иное деление следственного эксперимента было предложено советским юристом-криминалистом Н. И. Гуковской по видовому признаку на основании потенциальной возможности установления: возможности акустического восприятия; возможности визуального отражения; вероятности совершения определенных действий в конкретных условиях и в конкретное время; возможности осуществления определенных действий; наличия специальных или профессиональных навыков конкретного лица [4, с. 15].

Таким образом, среди различных подходов можно выделить следующие виды следственного эксперимента: по проверке субъективной возможности восприятия какого-либо объекта в определенных условиях, связанных с совершением преступления; по проверке объективной возможности существования какого-либо факта, имеющего значение для расследования уголовного дела; по проверке субъективной возможности совершения определенным лицом какого-либо действия в конкретных обстоятельствах, имеющих значение для оценки результата следственного действия; по проверке объективной возможности обладания определенным лицом специальным преступным навыком (например, отпирания конкретных запорных устройств) либо иным навыком, но за исключением тех, которые проверяются судебной экспертизой; по установлению механизма действия (наступления определенного события) либо его фрагмента (например, по выяснению механизма ДТП); по установлению способа образования следов на месте преступления, а также в иных местах. Важно отметить, что любая классификация следственных экспериментов условна, поскольку с развитием знаний происходит ее уточнение и изменение.

Литература:

1. Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 928 с.
2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. — М.: НОРМА, 2000. — 990 с.
3. Ароцкер Л. Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.00 / Ароцкер Лев Ефимович; [Место защиты: Харьковский научно-исследовательский и-нт судебной экспертизы им. Н. С. Бокариус]. — Харьков, 1951. — 311 с.
4. Гуковская Н. И. Теория и практика проведения следственного эксперимента на предварительном следствии: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук / М-во юстиции РСФСР. Всесоюз. ин-т юрид. наук. — Москва: [б. и.], 1959. — 18 с.
5. Кальницкий В. В. Следственные действия: учебное пособие / В. В. Кальницкий, Е. Г. Ларин; М-во внутренних дел Российской Федерации, Омская акад. — Омск: ОМА МВД России, 2015. — 222 с.
6. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С. А. Шейфер; М-во образования и науки Рос. Федерации, Самар. гос. ун-т, [Юрид. фак., Каф. уголов. процесса и криминалистики]. — Самара: Самар. ун-т, 2004. — 192 с.
7. Эксархопуло А. А. Криминалистика: учебник / А. А. Эксархопуло. — Санкт-Петербург: Лема, 2009. — 902 с.

Пределы гражданско-правового регулирования отношений, возникающих в виртуальных игровых пространствах. Применение положений статьи 1062 ГК РФ к сфере видеоигр

Муллагалиев Азат Айратович, студент

Научный руководитель: Низамиева Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье автор анализирует пределы применения гражданского права к отношениям, возникающим в виртуальных игровых пространствах, а также рассматривает проблему, связанную с применением ст. 1062 ГК РФ в сфере видеоигр. Предлагается введение в правовое поле отношений в сфере виртуальных игровых пространств в случае, если лицо знало или должно было знать, что его действия могут повлечь последствия за пределами виртуального игрового пространства.

Ключевые слова: виртуальный мир, гражданско-правовое регулирование, правоприменительная практика, виртуальное игровое пространство.

В 1931 году инженер Альфред Коржибски, выступая с докладом на встрече Американского математического сообщества, провозносит следующую фразу, которая впоследствии станет важной для понимания философии постмодерна: «Карта не есть территория» [11, с. 48]. Смысл данного высказывания заключается в том, что описание реальности не является самой реальностью.

Соотношение территории и карты превосходно накладывается на проблему порождения социальной реальностью виртуального мира — виртуальный мир, насколько он бы ни был похож на реальный, никогда не станет самой реальностью.

При этом, виртуальный мир не стремится подменить собой реальность, а, наоборот, сам образует параллельную реальность. Так, в многопользовательской видеоигре в жанре action-adventure Grand Theft Auto Online, игроки могут выбирать определенные социальные роли, отличающиеся от тех, в которых выступают в социальной реальности, например, врач сможет примерить в игре на себя роль сотрудника министерства юстиции. При этом, социальная роль в игре также предполагает соблюдение определенных требований: вышеупомянутый сотрудник министерства юстиции обязан при реализации своих полномочий руководствоваться уставом, уголовным кодексом, правилами использования электрошокера и т.д. [13].

В связи с этим возникает закономерный вопрос: может ли социальная реальность регулировать отношения, возникающие в виртуальном мире?

Вопрос проникновения «мира реального» в «мир вымышленный», согласно позиции В.С. Вахштайна [7], был впервые затронут в 1843 году в Великобритании при рассмотрении уголовного дела в отношении Дэниела Макнотена, совершившего покушение на убийство. В ходе разбирательства было установлено, что подозреваемый страдает психическим заболеванием, и в момент совершения преступления был одержим мыслью преследования со стороны премьер-министра Великобритании Роберта Пиля.

Дэниел Макнотен был освобожден от уголовной ответственности ввиду того, что в его сознании он действовал из соображений самообороны. Иными словами, суд исходил из того, что факт, в отношении которого болезненно заблуждался Макнотен, существовал реально. Таким образом, английская судебная практика впервые признала существование иных миров, в рассматриваемом деле — мир «безумия».

В дальнейшем вышеупомянутый судебный прецедент породил за собой развитие концепций «множественности миров», авторами которых являются У. Джеймс [7] и А. Шюц [10, с. 17]. Недостатком данных концепций являлось признание того, что каждый мир является закрытым, герметичным.

Позднее И. Гофман, формируя теорию фреймов, доказал, что миры являются подвижными и активно влияют друг на друга: реальное может быть перенесено в вымышленное [6, с. 50].

Таким образом, в настоящее время социальные науки утвердительно отвечают на вопрос о возможности регулирования реальным миром мира виртуального.

Открытым же остается проблема, связанная с пределами правового регулирования отношений, возникающих в виртуальном мире.

Российское гражданское законодательство, а также правоприменительная практика на текущий момент не позволяют определить пределы вмешательства гражданского права в виртуальные отношения.

В частности, одной из основных причин данной проблемы является неопределенность понятийного аппарата, используемого законодателем в ст. 1062 ГК РФ [1].

Вышеуказанная статья ГК РФ исключает возможность воспользоваться судебным способом защиты гражданских прав, если требования связаны с организацией игр и пари или с участием в них. При этом, ни законодатель, ни правоприменительная практика не дают однозначного ответа на вопрос, что понимается под словом «игра»: любая игра, в том числе настольная или компьютерная, или только азартная.

Как отмечает О.А. Иванова, термин «игра» не был конкретизирован законодателем ввиду его единообразного понимания всеми, при этом в действительности термин является многогранным [9, с. 111].

Существующая терминологическая неопределенность порождает противоречия в правоприменительной практике: часть судебных актов содержит в себе выводы о применимости ст. 1062 ГК РФ к требованиям, связанным с участием в компьютерных играх, за исключением отношений, вытекающих из соглашения [3], другая часть актов указывает на неприменимость положений ст. 1062 ГК РФ, если отношения связаны с виртуальными игровыми пространствами [2].

Большинство исследователей данной проблемы (Р.Л. Лукьянов [8, с. 37], М.А. Рожкова [8, с. 29], В.В. Архипов [4, с. 77] и др.) видят решение данной проблемы исключительно путем внесения законодателем поправок в ст. 1062 ГК РФ.

Нами поддерживается вышеуказанная точка зрения, однако мы не считаем ее исчерпывающей для целей правового регулирования отношений в виртуальных игровых пространствах.

Для определения границ правового регулирования потребуется комплексный подход к решению проблемы ввиду того, что в виртуальных игровых пространствах содержатся самые различные отношения (например, отношения между правообладателем и пользователем, внутриигровые отношения, отношения между пользователем и третьими лицами).

При этом вывод каких-либо правоотношений без должной проработки вопроса за пределы гражданско-правового регулирования, может повлечь за собой неоправданное ущемление прав субъектов, как, например, в случае покупки несовершеннолетним виртуальных предметов за реальные деньги [12].

В целях определения законодателем пределов правового регулирования нам представляется целесообразным обратиться к работе В.В. Архипова, в которой исследуется зарубежная концепция «магического круга» (magic circle) — метафоры, обозначающей границы «реального» и «виртуального» миров [5, с. 28].

В.В. Архипов выделяет следующие основные подходы определения пределов правового регулирования отношений в виртуальном мире [5, с. 267]:

- 1) субъективный подход;
- 2) консенсуальный подход;
- 3) топологический или предметный подход.

При этом наиболее подходящими для исследования вопроса об установлении границ гражданско-правового регулирования являются первый и второй подходы.

Суть первого подхода заключается в том, что на отношения в виртуальном пространстве распространяется право реального мира, если пользователь разумно осознавал или должен был осознавать, что его действия повлекут последствия для реального мира.

Второй подход связан с наличием соглашения между сторонами в виртуальном пространстве: действия признаются «виртуальными», если охватываются согласием сторон (например, видеоигра в жанре MMORPG Ultima Online, правила и функционал которой позволяют совершать неправомерные (с точки зрения реального права) действия, т.е. красть виртуальные предметы, заниматься мошенничеством и т.д.)

Данные подходы являются универсальными для решения вопроса, применять норму права или нет? Учитывая скорость развития информационных технологий, а соответственно и скорость развития отношений в виртуальных игровых пространствах, выработка универсальных подходов к решению проблемы позволит избежать постоянного внесения изменений в законодательство.

Мы полагаем, что объединение двух подходов позволит нивелировать недостатки каждого из них, при этом, распространив действие практически на все возможные отношения в виртуальном пространстве.

Объединенное правило «магического круга» в рамках гражданско-правового регулирования может, по нашему мнению, выглядеть следующим образом: отношения в сфере виртуальных игровых пространств, подлежат регулированию (гражданским) правом в случае, если лицо знало или должно было знать, что его действия могут повлечь последствия за пределами виртуального игрового пространства. Иное может быть установлено соглашением сторон.

В целях определения того, что лицо знало или могло знать о наличии последствий за пределами виртуального игрового пространства, предлагается ввести презумпции осведомленности. Примером такой презумпции может являться факт использования в отношениях реальных денежных средств.

В заключение, следует еще раз отметить, что действующее законодательство избегает вмешательства в виртуальные отношения, при этом вся их сложность и многогранность требуют такого вмешательства. Решение проблемы лежит не только в изменении действующего законодательства, но и в выработке универсальных подходов, позволяющих регулировать весь спектр отношений в виртуальных игровых пространствах.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.
2. Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 26 апреля 2013 г. по делу № 11-59/2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uQ81NVpYhP1v/> (дата обращения 04.07.2023).
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 12.01.2023 N33-1344/2023 по делу N2-5519/2022 // Сайт Санкт-Петербургского городского суда. URL: https://sankt-peterburgsky-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=79878563&case_uid=323f92da-fa64-4418-bfd0-15f7a6c5c57d&delo_id=5&new=5 (дата обращения 04.07.2023).
4. Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 69–90.
5. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. 432 с.
6. Васильев А. А., Архипов В. В., Андреев Н. Ю., Печатнова Ю. В. Виртуальный мир и социальная реальность: аспекты соотношения // Юрислингвистика. 2022. № 26 (37). С. 48–52.

7. Вахштайн В. Восприятие реальности: «правила Макнотена» и «Вторая жизнь» // Полит.ру. URL: https://polit.ru/article/2013/01/28/ps_vakh_detective/ (дата обращения: 02.07.2023)
8. Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы: коллективная монография / под науч. ред. М. А. Рожковой, Р. Л. Лукьянова. — М.: Развитие правовых систем, 2023. 240 с.
9. Иванова О. А. Азартные игры: понятие и признаки в концепции российского законодательства // Вестник Волжского университета им В. Н. Татищева. 2015. № 2 (82). С. 111–117.
10. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. № 2. 34 с.
11. Korzybski A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. (Preface by Robert P. Pula.) // Institute of General Semantics. 1994. 806 p.
12. Ваза: школьник украл у родителей миллионы рублей и потратил на виртуальное оружие // URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052621941> (дата обращения: 03.07.2023).
13. 13., F. A. Q для сотрудников Министерства Юстиции // Online RP. URL: <https://forum.gta-mobile.ru/threads/624697/> (дата обращения: 05.07.2023).

Взаимодействие судебной и исполнительной властей

Нешева Наталья Ивановна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В рамках данной статьи будет рассмотрен вопрос взаимодействия судебной и исполнительной ветвей власти. Определены аспекты участия органов исполнительной власти в деятельности суда, а также контрольные и ориентирующие функции судебных органов в работе системы исполнительной власти.

Ключевые слова: разделение властей, судебная власть, исполнительная власть, взаимодействие властей, система сдержек и противовесов.

Interaction of judicial and executive authorities

Nesheva Natalya Ivanovna, student master's degree
Kuban State University (Krasnodar)

Within the framework of this article, the issue of interaction between the judicial and executive branches of government will be considered. The aspects of the participation of executive authorities in the activities of the court, as well as the control and orienting functions of judicial bodies in the work of the executive power system are determined.

Keywords: separation of powers, judicial power, executive power, interaction of authorities, system of checks and balances.

Государственная власть современной России строится на теории разделения властей, которая основана на четком отделении законодательной, исполнительной и судебной властей друг от друга. Ветви власти реализуют различные функции и задачи, действуют в разных направлениях, но не могут существовать автономно от остальных ветвей, не допуская вседозволенность и произвол в иных направлениях — чему способствует существующая система сдержек и противовесов.

Далее рассмотрим конкретные аспекты взаимодействия судебной и исполнительной ветвей власти, можно даже сказать — формы и способы влияния судебной власти на исполнительную, и наоборот.

Статья 10 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) закрепляет самостоятельность каждой ветви власти, которые принимают решения независимо друг от друга. В то же время существуют определенные условно «контрольные» или «сдерживающие» аспекты.

Исполнительная власть (как и законодательная) не может оказывать воздействие и влиять на отправление правосудия — то есть «вмешиваться в деятельность судебных органов». В то же время в рамках судебной системы реализуются полномочия по проверке нормативных и иных актов, которые издаются в рамках исполнительной власти. Органы судебной власти уполномочены рассматривать жалобы граждан, а также разрешать конфликтные ситуации, возникшие между органами государственной власти [5, с. 3].

В то же время деятельность по разъяснению и толкованию норм права производится именно представителями судебной власти, в частности, например, через Пленумы Верховного Суда РФ — далее положения таких актов используются правоприменителями в работе [2, с. 16].

Силами исполнительной власти обеспечивается материальная база судебной. Органы исполнительной власти принимают участие в формировании судейского корпуса. Представи-

тели исполнительной власти реализуют задачи по поддержанию порядка в суде при привлечении к проведению судебного заседания представителей Федеральной службы судебных приставов.

Органами юстиции также обеспечивается исполнение судебных решений. Отбывание наказания, назначенного обвинительным приговором суда, реализуется через Федеральную службу исполнения наказания.

В целом исполнение решений судов возлагается на судебных приставов. Помимо обеспечения порядка в судебных заседаниях, они выступают исполнителями судебных решений, обеспечивают охрану, этапирование и конвоирование в суды лиц, содержащихся под стражей. На них так же возлагается представление материалов и заключений в связи с жалобами российских граждан в Европейский Суд [4, с. 363].

Таким образом, следует сказать, что наиболее тесная взаимосвязь судебной власти проявляется в отношениях с Министерством юстиции РФ, в ведение которого входит пенитенциарная система. Федеральная служба судебных приставов структурно так же входит в систему органов данного министерства [3, с. 24].

Можно также отметить, что органами юстиции обеспечивается безопасность судебных учреждений в целом.

В то же время исполнительная власть принимает участие в хозяйственном обеспечении деятельности судов через Прави-

тельство РФ, в полномочия которого входит работа по распоряжению федеральной собственности (в том числе той, которая занята судебными учреждениями) и разработке федерального бюджета [6, с. 11].

Через суд реализуется и привлечение к ответственности представителей исполнительной власти, которые совершили преступление. В данном направлении отдельно следует отметить особенности положения Генерального прокурора РФ и Председателя Следственного комитета РФ — чтобы возбудить уголовное дело в отношении данных субъектов, необходимо заключение коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ.

В то же время решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи должен принимать Председатель Следственного комитета РФ. Данные положения закреплены в ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1].

В заключение следует отметить, что взаимодействие исполнительной и судебной властей многогранно и многоаспектно. В то же время важно сказать — наличие системы сдержек и противовесов по своей природе не исключают, а даже обуславливает взаимодействие и взаимозависимость ветвей власти. Указанный аспект исходит из того положения, что публичная власть является единой и неделимой, а законодательная, исполнительная и судебная ветви — суть ее проявления.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.
2. Гандалоев Р. Б., Грудцына Л. Ю. Теория судебного толкования // Образование и право. 2020. № 10. С. 16–22.
3. Дикова И. В. Специфика судебной власти в системе разделения властей // Закон и право. 2022. № 6. С. 24–26.
4. Карпеченко, А. В. О взаимодействии органов исполнительной власти и органов судебной власти в Российской Федерации // Молодой ученый. 2018. № 21 (207). С. 363–365.
5. Кенс М. С. Взаимодействие судебной власти с законодательной и исполнительной ветвями власти в РФ // Трибуна ученого. 2020. № 1. С. 3.
6. Марьяна Е. В. Судебная система Российской Федерации: учеб. пособие. Самара, 2020. 144 с.

Защита прав человека в международном бизнесе

Ощепков Евгений Леонидович, студент

Научный руководитель: Абдуллин Аделъ Ильсиярович, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье автор рассматривает механизм защиты прав человека в международном бизнесе, проводит анализ понятия международного бизнеса, исследует принципы предпринимательской деятельности, анализирует основные нормативно-правовые акты, регулирующие данную деятельность. Также рассматриваются субъекты международного бизнеса и международные организации, которые играют важную роль в регулировании международного бизнеса.

Ключевые слова: международные организации, принципы, защита прав человека, международный бизнес, стандарты.

Международный бизнес — это вид экономической деятельности, который осуществляется между предприятиями из разных стран. Это может включать в себя различные виды деятельности, такие как торговля, инвестирование, аутсорсинг,

перевод технологий и многое другое. Однако, любая форма международного бизнеса может воздействовать на права человека. Принципы предпринимательской деятельности в рамках международной защиты прав человека имеют важное значение.

Это включает в себя не только соблюдение национальных законов, но также и международных стандартов и принципов прав человека. Компании должны соблюдать права работников, потребителей и общества в целом. Также они должны учитывать влияние своей деятельности на окружающую среду и биоразнообразие. Правительства разных стран должны обеспечивать международно-правовые механизмы защиты прав человека в рамках международного бизнеса. Это должно учитывать особенности международного бизнеса и ограничения национальных законодательств. Важно, чтобы такие механизмы были доступны всем, кто стал жертвой нарушения прав человека, связанного с международным бизнесом. В рамках международно-правовых механизмов защиты прав человека, одним из наиболее важных является Конвенция ООН против коррупции. Эта конвенция обеспечивает защиту от коррупции, которая может негативно сказываться на права человека. Также существует множество других международно-правовых механизмов, таких как Всемирная организация труда (МОТ), которая устанавливает стандарты труда и права человека, связанные с бизнесом. В заключение, защита прав человека в международном бизнесе имеет крайне важное значение, так как любая форма международного бизнеса может воздействовать на права человека.

Принципы предпринимательской деятельности в рамках международной защиты прав человека должны быть основаны на уважении прав человека и принципах социальной ответственности. Эти принципы должны быть включены в деятельность любой компании, занимающейся международным бизнесом, и являются ключевыми для достижения устойчивого развития. Одним из принципов предпринимательской деятельности в рамках международной защиты прав человека является уважение прав работников. Это означает, что компании должны соблюдать все международные стандарты и правила, связанные с трудовыми правами, такие как запрет на детский труд, рабство и принудительный труд. Кроме того, компании должны обеспечивать равные возможности для всех работников, включая запрет на дискриминацию по любым признакам. Еще одним принципом является уважение прав потребителей. Это означает, что компании должны обеспечивать качественную продукцию или услуги, а также ясную информацию о продукте и услуге. Кроме того, компании должны учитывать воздействие своей деятельности на здоровье и безопасность потребителей. Принципы предпринимательской деятельности в рамках международной защиты прав человека также должны включать уважение прав общества в целом. Это означает, что компании должны учитывать свое воздействие на окружающую среду, общество и культуру. Компании должны быть готовы к сотрудничеству с местными сообществами и общественными организациями, чтобы обеспечить свою деятельность в рамках устойчивого развития. Кроме того, принципы предпринимательской деятельности в рамках международной защиты прав человека должны включать принципы борьбы с коррупцией. Коррупция является нарушением прав человека и может нанести значительный вред развитию бизнеса и общества в целом.

Существуют множество международно-правовых механизмов защиты прав человека, которые направлены на обеспе-

чение уважения, защиты и выполнения прав человека в рамках международного бизнеса. Важно, чтобы компании, занимающиеся международным бизнесом, учитывали эти механизмы и соблюдали международные стандарты и правила. Один из таких механизмов — Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, которые были приняты Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году. Эти документы содержат положения, связанные с правами человека, которые должны быть защищены в рамках международного бизнеса. Другой механизм — универсальный периодический обзор, который проводится Советом ООН по правам человека. Этот механизм позволяет проводить обзор уважения прав человека во всех странах-членах ООН, в том числе и в рамках международного бизнеса. Это позволяет обнаружить нарушения прав человека, связанные с международным бизнесом, и предоставить рекомендации по устранению этих нарушений. Кроме того, существует множество механизмов, созданных в рамках международных организаций, таких как Международная организация труда (МОТ), которая занимается трудовыми правами, и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), которая занимается правом на здоровье. Эти организации разрабатывают стандарты и рекомендации по уважению и защите прав человека в рамках международного бизнеса и могут предоставлять содействие и консультации компаниям по этим вопросам.

Субъектами международного бизнеса могут быть как государственные организации, так и частные компании. Государственные организации могут заниматься экспортом и импортом товаров и услуг, инвестировать в другие страны и участвовать в создании совместных предприятий. Частные компании также могут заниматься экспортом и импортом товаров и услуг, инвестировать в другие страны, а также заниматься прямыми иностранными инвестициями. В правовом смысле, государственные организации могут иметь особое правовое положение в рамках международного бизнеса, так как они представляют государство в международных отношениях. В то же время, частные компании не имеют такого статуса, но они также подчиняются международному праву и национальным законам и нормам. В рамках международного бизнеса субъекты имеют определенные права и обязанности. Как правило, все субъекты должны соблюдать международные стандарты и правила, касающиеся прав человека. Это может включать обязательства по уважению и защите прав человека, предоставлению рабочих мест с достойной оплатой, соблюдению норм здоровья и безопасности, а также защите окружающей среды. Помимо этого, государства могут предоставлять определенные льготы и привилегии для своих компаний в рамках международного бизнеса. Например, они могут предоставлять налоговые каникулы, субсидии и другие формы государственной поддержки. Частные компании также могут иметь определенные права и привилегии в рамках международного бизнеса, такие как право на собственность, право заключать контракты и право на защиту своих прав в национальных судах и международных арбитражах. Важно отметить, что субъекты международного бизнеса также могут быть ответственны за нарушение прав человека.

Международные организации играют важную роль в регулировании международного бизнеса и защите прав человека. Они обеспечивают стандарты, принципы и руководство, которые компании могут использовать для определения своей деятельности в международной среде. Некоторые из этих организаций являются правительственными, а другие — неправительственными. Одной из самых известных правительственных международных организаций является Организация Объединенных Наций (ООН). В рамках ООН созданы различные специализированные органы, такие как Международная организация труда (МОТ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и другие. Эти организации разрабатывают международные стандарты и рекомендации, которые касаются международного бизнеса и защиты прав человека. Например, МОТ разработала Конвенцию о защите прав работников, а ВОЗ разрабатывает руководящие принципы по безопасности пищевых продуктов и фармацевтическим препаратам. Неправительственные организации также играют важную роль в регулировании международного бизнеса и защите прав человека. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) является межправительственной организацией, которая занимается развитием экономических и социальных политик. Она разрабатывает руководящие принципы по корпоративной социальной ответственности и международной инвестиционной политике. ОЭСР также создала Национальные контактные точки, которые обеспечивают доступ к жалобам и решению споров между компаниями и жертвами нарушений прав человека. Другой важной неправительственной организацией является Глобальный договор ООН, который является инициативой ООН по корпоративной социальной ответственности.

Существует ряд международных нормативно-правовых актов, которые регулируют защиту прав человека в международном бизнесе. Они являются основой для создания правовых механизмов, способных обеспечивать защиту прав человека в рамках международной экономической деятельности. Один из основных международных документов, регулирующих права человека в контексте международного бизнеса — это Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. В частности, статьи 23 и 24 Всеобщей декларации признают право каждого на труд и на участие в создании бизнеса, а также гарантируют свободу выбора трудовой деятельности, свободное выбор профессии и свободу трудоустройства. Важным документом, который содержит нормы, касающиеся прав человека в международном бизнесе, является Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП), который был принят Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 году. В частности, статья 6 пакта устанавливает право на работу и гарантирует защиту от дискриминации в трудоустройстве. Статья 7 обеспечивает право на равную оплату за равную работу, а статья 8 гарантирует право на свободу объединения и создания профессиональных союзов. Еще одним важным документом является Декларация ООН о правах коренных народов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 2007 году. Декларация признает права коренных народов на землю, традиционные земли и ресурсы, а также на свободу со-

гласия на ведение международной экономической деятельности на их территориях. Еще один важный документ — Руководящие принципы ООН по бизнесу и правам человека, принятые в 2011 году.

Взаимодействие международных и национальных институтов бизнеса играет важную роль в обеспечении защиты прав человека в международном бизнесе. На глобальном уровне международные институты, такие как ООН, ЕС, МВФ и Всемирный банк, разрабатывают правила и нормы, направленные на обеспечение защиты прав человека в международном бизнесе. На национальном уровне они обычно работают с национальными правительствами, законодателями, общественными организациями и бизнес-сообществом для обеспечения соблюдения этих правил и норм. Многие международные организации имеют специализированные подразделения, которые занимаются вопросами прав человека и бизнеса. Например, Всемирная организация труда (МОТ) имеет Комиссию по корпоративной социальной ответственности (ККСО), которая разрабатывает стандарты корпоративной социальной ответственности и рекомендации для бизнеса. Европейская комиссия имеет Группу по бизнесу и правам человека, которая занимается вопросами прав человека и бизнеса в Европейском союзе. Однако международные организации не могут решить все проблемы, связанные с правами человека и бизнесом. В конечном счете ответственность за соблюдение прав человека в международном бизнесе лежит на самих компаниях и национальных правительствах. Многие национальные правительства имеют свои национальные законы и нормы, которые регулируют деятельность бизнеса и обеспечивают защиту прав человека. Некоторые компании также имеют свои собственные правила и стандарты, которые они соблюдают в своей деятельности. Существует также ряд международных и национальных организаций, которые занимаются конкретными вопросами прав человека и бизнеса.

В заключении можно отметить, что защита прав человека в международном бизнесе является одной из ключевых проблем, которая требует внимания и усилий от всех участников мирового сообщества. Международный бизнес, будучи важным элементом мировой экономики, должен не только приносить прибыль, но и учитывать социальную ответственность и уважать права человека. Для этого необходимо разработать и принимать международно-правовые механизмы защиты прав человека, которые будут обязательными для всех участников международного бизнеса, включая многонациональные корпорации. Такие механизмы должны предусматривать ответственность за нарушение прав человека, включая экономические санкции и штрафные санкции. Кроме того, важным является взаимодействие международных и национальных институтов бизнеса, которые должны обмениваться информацией и совместно работать по защите прав человека. Также необходимо усилить роль международных организаций в регулировании международного бизнеса и улучшить механизмы сотрудничества между ними и национальными правительствами. В целом, защита прав человека в международном бизнесе — это сложный и многогранный вопрос, который требует совместных усилий всех участников мирового сообщества. Необходимо продол-

жать работу по разработке и улучшению международных правовых норм и механизмов защиты прав человека в международном бизнесе, чтобы обеспечить социально ответственное поведение корпораций и защиту прав человека во всем мире.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс] // ООН: офиц. сайт. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 24.06.2023).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] // ООН: офиц. сайт. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Дата обращения: 24.06.2023).
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] // ООН: офиц. сайт. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (Дата обращения: 26.06.2023).
4. Кешнер М. В. Международная ответственность государств за нарушения обязательств в сфере защиты прав человека / М. В. Кешнер. — М.: Российский университет дружбы народов, 2016. С. 214–237 (Дата обращения: 26.06.2023).
5. Ковалев А. А. Международная защита прав человека: Учебное пособие. / А. А. Ковалев. — М.: Статут, 2013. / URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kovalev_aa_mezhdunarodnaja_zashhita_prav_cheloveka/ (Дата обращения: 25.06.2023).

Страхование ответственности судовладельцев по российскому праву

Печеницын Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье исследуются правовые нормы, регулирующие страхование ответственности судовладельцев. Проводится анализ страхования ответственности судовладельцев по российскому праву, рассматриваются направления совершенствования страхования ответственности судовладельцев в России, а также защита интересов третьих лиц в морском страховании.

Ключевые слова: страхование, ущерб, франшиза, страхователь, страховщик, ответственность судовладельца, морское страхование, финансовое обеспечение.

Shipowners liability insurance under Russian law

This article is about the legal norms which governing the insurance of shipowner's responsibility. The analysis of shipowner's responsibility insurance under Russian law is carried out, the directions of improving insurance of shipowner's responsibility in Russia are considered, as well as the protection of the interests of third parties in Marine insurance.

Keywords: insurance, damage, franchise, insured, insurer, shipowner's liability, marine insurance, financial security.

В процессе исторического развития деятельности, связанной с использованием судов для различных целей, в том числе для перевозок грузов, рыболовства, лоцманской и ледокольной проводок, поисковых, спасательных и буксирных операций, возник специфический вид морского страхования — страхование ответственности судовладельцев. Оно обеспечивает компенсацию убытков, нанесенных третьим лицам в результате аварий и других происшествий на море.

В России страхование ответственности судовладельцев регулируется Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом «Об организации страхового дела в РФ», Кодексом торгового мореплавания РФ, Кодексом внутреннего водного транспорта РФ, международными правовыми актами и иными документами, утвержденными законодательством РФ.

Страхование ответственности судовладельцев представляет систему страховой защиты судовладельцев, фрахтова-

телей судов и иных лиц, связанных с эксплуатацией водного транспорта, на случай возникновения их обязательств по возмещению ущерба, причиненного третьим лицам. При этом под судовладельцем понимается лицо, эксплуатирующее судно от своего имени, независимо от того, является ли оно собственником судна или использует его на ином законном основании [1, ст. 8]. Судовладелец в торговом мореплавании может выступать как собственник судна, арендатор, доверительный управляющий, фрахтователь, перевозчик.

В соответствии со ст. 970 ГК РФ правила, предусмотренные главой 48, распространяются также на морское страхование. Основные требования к договору морского страхования, регулирующего взаимоотношения между сторонами содержатся в главе 15 КТМ РФ. По договору морского страхования страховщик обязуется за обусловленную плату (страховую премию) при наступлении предусмотренных договором морского стра-

хования опасностей или случайностей, которым подвергается объект страхования (страхового случая), возместить страхователю или иному лицу, в пользу которого заключен такой договор (выгодоприобретателю), понесенные убытки.

Объект морского страхования должен быть указан в договоре морского страхования. Объектом морского страхования может быть всякий имущественный интерес, связанный с торговым мореплаванием, — судно, строящееся судно, груз, фрахт, а также плата за проезд пассажира, плата за пользование судном, ожидаемая от груза прибыль и другие обеспечиваемые судном, грузом и фрахтом требования, заработная плата и иные причитающиеся капитану судна и другим членам экипажа судна суммы, в том числе расходы на репатриацию, ответственность судовладельца и принятый на себя страховщиком риск (перестрахование).

В отношении судов, зарегистрированных в Российском международном реестре судов или Российском открытом реестре судов, и иностранных судов страхование всякого имущественного интереса, связанного с торговым мореплаванием, в том числе на территории Российской Федерации, по выбору судовладельца может осуществляться у российского страховщика, имеющего лицензию, полученную в установленном законом порядке, или у иностранного страховщика [1, ст. 249]. Судовладелец обязан страховать: заработную плату и другие причитающиеся членам экипажа судна суммы, в том числе расходы на репатриацию; жизнь и здоровье членов экипажа судна при исполнении ими трудовых обязанностей [1, ст. 60].

Страхованию или финансовому обеспечению подлежат следующие страховые риски: возникновение ответственности владельца судна за вред, причиненный при столкновении его с другими судами; возникновение ответственности судовладельца за вред, причиненный его судном имуществу третьих лиц в результате утраты (гибели) или повреждения любого имущества (включая плавучее), в том числе инфраструктурам речного порта, морского порта (в случае плавания судна в акватории морского порта), инфраструктуре внутренних водных путей; возникновение ответственности судовладельца за вред, причиненный загрязнением с судна нефтью и другими веществами; возникновение ответственности за убытки, причиненные в связи с подъемом, удалением и утилизацией затонувшего судна [2].

С 01.03.2023 года в силу вступили поправки к КТМ РФ, согласно которым последний дополняется главой 19.2, согласно которой «Собственник судна вместимостью 300 и более для покрытия своей ответственности за удаление затонувшего судна должен осуществить страхование или предоставить иное финансовое обеспечение такой ответственности в соответствии с требованиями Найробийской международной конвенции об удалении затонувших судов 2007 года». (ст. 336.11). Под данную статью попадают все суда не зависимо от того являются ли они самоходными или нет. Факт наличия страхового покрытия должен будет подтверждаться Свидетельством о страховании или ином финансовом обеспечении ответственности за удаление затонувших судов выдаваемым капитаном порта регистрации приписки. «Организация и осуществление проверки свидетельства, указанного в настоящей статье, осуществляются

в рамках государственного портового контроля» (ч. 3 ст. 336.12 КТМ РФ). Если судно не будет иметь вышеуказанного свидетельства, оно может быть подвергнуто задержанию в порту нахождения до момента устранения данного замечания, т.е. просто не получит разрешение на выход. Последствия и экономические потери судовладельцы должны понимать.

Согласно п. 12 ст. 12 Конвенции каждое государство-участник не разрешает эксплуатацию судна, имеющего право плавать под его флагом, если оно не имеет свидетельства о наличии страхования или иного финансового обеспечения. Более того, каждое государство-участник обеспечивает, чтобы согласно его национальному законодательству страхование или иное финансовое обеспечение в указанных выше пределах имелось в отношении каждого судна валовой вместимостью 300 и более независимо от места его регистрации, входящего в порт на его территории или покидающего его либо прибывающего к прибрежному сооружению в его территориальном море или отходящего от него (п. 13).

Страховое возмещение не выплачивается, если страхователь без письменного согласия страховщика передаст свой имущественный интерес на затонувшее имущество другому лицу до наступления страхового случая или до того, как будут приняты меры по подъему, удалению, уничтожению, освещению или обозначению такого имущества.

Зарегистрированный собственник судна валовой вместимостью свыше 1000 регистровых тонн, зарегистрированного в государстве-участнике, должен для покрытия своей ответственности за ущерб от загрязнения бункерным топливом осуществить страхование или предоставить иное финансовое обеспечение, например гарантию банка или аналогичного финансового учреждения, на сумму, равную пределам ответственности согласно применимому национальному или международному режимам ограничения ответственности, однако в любом случае не превышающую сумму, рассчитанную в соответствии с Конвенцией об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 года с поправками. Зарегистрированный собственник означает лицо или лиц, зарегистрированных в качестве собственника судна, а при отсутствии регистрации — лицо или лиц, собственностью которых является судно. Однако в случае, когда судно принадлежит государству и эксплуатируется компанией, которая зарегистрирована в этом государстве в качестве оператора судна, зарегистрированный собственник означает такую компанию. Бункерное топливо означает любую углеводородную минеральную нефть, включая смазочное масло, используемую или предназначенную для использования в целях эксплуатации или движения судна, а также любые остатки такой нефти [4, ст. 7]. В качестве документа, удостоверяющего наличие страхования или иного финансового обеспечения гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью, выступает в соответствии со ст. 324 КТМ РФ свидетельство о страховании или об ином финансовом обеспечении гражданской ответственности. Данное свидетельство должно находиться на борту судна, а его копия должна быть сдана на хранение в орган регистрации судна. При этом судно, обязанному иметь соответствующее страхование или иное финансовое обеспечение ответственности, запрещается

ется осуществлять коммерческую деятельность, если оно не имеет такого свидетельства.

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 2006 года о труде в морском судоходстве [8], принятую на 94-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда в городе Женеве 23 февраля 2006 года [6]. Настоящая Конвенция применяется ко всем судам, находящимся в государственном или частном владении, которые обычно занимаются коммерческим морским судоходством, за исключением: судов, занятых рыбным или аналогичным промыслом и судов традиционной постройки, таких как плоскодонные шлюпки и джонки. Настоящая Конвенция не применяется к военным кораблям и вспомогательным судам военно-морского флота. Согласно правилу 4.2 ответственность судовладельцев заключается в обеспечении, чтобы моряки были защищены от финансовых последствий болезни, травмы или смерти, произошедших в связи с их трудовой деятельностью.

Каждое государство-член принимает законодательство и нормативные правовые акты, содержащие требование о том, что владельцы судов, плавающих под его флагом, несут ответственность за охрану здоровья и медицинское обслуживание всех моряков, работающих на борту этих судов, в соответствии со следующими минимальными нормами:

а) судовладельцы несут ответственность за расходы моряков, работающих на их судах, связанные с болезнью и травмами моряков, случившимися в период времени между датой начала осуществления ими своих обязанностей и датой, когда они считаются надлежащим образом репатрированными, или возникающими в связи с их работой по найму в период между этими датами;

б) судовладельцы предусматривают финансовое обеспечение выплаты компенсации в случае смерти моряка или долгосрочной потери им трудоспособности в результате профессиональной травмы, болезни или воздействия вредных факторов, в соответствии с национальным законодательством, трудовым договором моряка или коллективным договором;

в) судовладельцы несут ответственность за покрытие расходов, связанных с медицинским обслуживанием, включая лечение, обеспечение необходимыми лекарствами и терапевтическими средствами, а также питание и проживание вне дома до тех пор, пока больной или травмированный моряк не выздоровеет или пока не будет объявлено о постоянном характере заболевания или о полной потере трудоспособности;

д) судовладельцы несут ответственность за оплату расходов на погребение в случае смерти, произошедшей на борту судна или на берегу в период работы по найму.

Проведя правовой анализ договоров морского страхования Российских компаний, было выявлено, что в стандартных условиях страхования большинства страховщиков предусмотрено условие о франшизе. Более того страхование ответственности перед членами экипажа за каждый страховой случай, происшествие или болезнь покрывается с применением безусловной франшизы. Франшиза — часть убытков, которая определена федеральным законом и (или) договором страхования, не подлежит возмещению страховщиком страхователю или иному лицу, интерес которого застрахован в соответствии с усло-

виями договора страхования, и устанавливается в виде определенного процента от страховой суммы или в фиксированном размере. В соответствии с условиями страхования франшиза может быть условной (страховщик освобождается от возмещения убытка, если его размер не превышает размер франшизы, однако возмещает его полностью в случае, если размер убытка превышает размер франшизы) и безусловной (размер страховой выплаты определяется как разница между размером убытка и размером франшизы) [7, п. 9]. Особенно хотелось отметить то, что данный пункт неприемлем в морском страховании, поскольку судовладелец обязан страховать жизнь и здоровье членов экипажа судна при исполнении ими трудовых обязанностей согласно ст. 60 КТМ РФ и Международной Конвенции 2006 года о труде в морском судоходстве, где Российская Федерация является членом Конвенции 2006. Не может пройти незамеченным то обстоятельство, что при наступлении страхового случая судовладелец действует в рамках страхового договора, а член экипажа несет расходы, так как имеет место безусловной франшизы. Не вызывает сомнений тот факт, что выгоду получают: страховщик в виде ограничения в страховой выплате — возможность в определенных случаях просто не платить, экономя деньги на расходах на ведение дела; судовладелец меньше платит за страхование (страховая премия) за счет снижения тарифа.

В настоящее время главным образом следует обратить внимание на то, что термин франшиза используется в КТМ РФ, где говорится: «Перевозчик и пассажир могут заключить соглашение о возложении ответственности на перевозчика за вычетом франшизы, не превышающей 300 расчетных единиц в случае повреждения автомашины и не превышающей 135 расчетных единиц на пассажира в случае утраты или повреждения иного багажа. При этом указанные суммы должны вычитаться из суммы ущерба, причиненного пассажиру в результате утраты или повреждения автомашины либо иного багажа» [1, ст. 190, п. 5]. Здесь речь идет о нарушителе права и потерпевшем, не зря сама статья находится в гл. 9 «Договор морской перевозки пассажира», а не в гл. 15 «Договор морского страхования», то есть норма о франшизе не регулирует морское страхование.

Проанализировав автострахование, можно сделать вывод, что наличие франшизы в договоре страхования может быть выгодно, например, при заключении договора КАСКО для водителей с большим опытом безаварийной езды, когда водителю более важно застраховать машину от рисков угона (хищения) и от крупного ущерба. При этом по условиям договора страхования с франшизой владелец самостоятельно оплачивает устранение мелких повреждений автомобиля в случае ДТП (например, в пределах 20 000 руб.), однако размер страховой премии по КАСКО существенно снижается. В данной ситуации не страдает третье лицо, собственник транспортного средства понимает все возможные риски и по своей воле заключает договор страхования КАСКО с применением франшизы, что равным образом противоположно в случае с морским страхованием, где затрагиваются интересы третьего лица (экипажа судна).

Ввиду вышесказанного, необходимо исключить применение франшизы в морском страховании ответственности судовла-

дельца перед третьими лицами (членами экипажа) в отношении страхования жизни и здоровья членов экипажа судна при исполнении ими трудовых обязанностей. Расходы за каждый

страховой случай, происшествие или болезнь должен нести страхователь (судовладелец), но никак не член экипажа при наступлении страхового случая, происшествия или болезни.

Литература:

1. «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» от 30.04.1999 N81-ФЗ (ред. от 28.02.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.05.2023)
2. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации» от 07.03.2001 N24-ФЗ (ред. от 28.02.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2023)
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) ГК РФ Глава 48
4. Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения бункерным топливом (Лондон, 23 марта 2001 г.)
5. Международная конвенция об удалении затонувших судов (Найроби, 18 мая 2007 г.)
6. Международная Конвенция о труде в морском судоходстве (Женева, 23 февраля 2006 г.)
7. Закон РФ от 27.11.1992 N4015-1 (ред. от 29.12.2022) «Об организации страхового дела в Российской Федерации»
8. Федеральный закон «О ратификации Конвенции 2006 года о труде в морском судоходстве» от 05.06.2012 N56-ФЗ (последняя редакция)

Сравнение российского и зарубежного опыта в сфере регулирования конфликта интересов

Помелова Светлана Юрьевна, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

В данной статье рассматривается регулирование конфликта интересов в зарубежных странах, проводится анализ и сравнение законодательства.

Ключевые слова: конфликт интересов в зарубежных странах, государственная служба, муниципальная служба.

Опыт зарубежных стран при регулировании конфликта интересов на государственной службе основан на оптимизации и совершенствовании системы государственной службы, на подробной разработке различных норм и правил в виде законодательных актов, кодексов этики, директив, положений, призванных урегулировать поведение государственных служащих, у которых появляется или может появиться конфликт интересов.

Вышеизложенное можно подтвердить примером. В США и Норвегии, законодательство, связанное с коррупцией, известно чрезвычайным контролем и жёсткостью. Основное направление стратегии по противодействию коррупции связано с её профилактикой на государственной службе.

Данная стратегия тесно взаимодействует с нормами административной морали, то есть неких дисциплинарных и этических норм. Одним из основных терминов, который регулирует вопрос государственной службы и противодействия коррупции, является «конфликт интересов».

Разберём такую страну, как США. Кодекс этики там был принят в 1958 г., он был написан в рекомендательной форме в виде резолюции Конгресса США. Однако в дальнейшем все же этот акт стал базисом, регламентирующим административную этику государственных служащих в США.

В Соединённых Штатах и в Российской Федерации контрольные полномочия за исполнением правил административной этики возложены на специальные комиссии. Комиссии, если это необходимо, запрашивают дополнительные данные, вызывают для беседы государственных служащих, также могут проводить расследование.

В Германии же руководствуются следующим принципом регулирования конфликта интересов на государственной службе: любое лицо, выполняющее общественные функции, обязано информировать о любом личном интересе, который предположительно может оказать влияние на данного представителя власти. В Германии и в Великобритании необходимо не только заранее предупредить коллизию интересов, но и избежать даже видимости (предположения) несправедливости. Чиновник должен избегать любой деятельности, которая может привести к конфликту интересов либо допустить нарушение своих обязанностей или закона.

Законодательство Британии предусматривает создание таких органов, как независимые консультативные Комитеты по стандартам поведения норм общественной жизни. В Российской Федерации в отличие от Британии Существуют Комиссии по урегулированию конфликта интересов государственных служащих, они носят обязательный характер.

В Великобритании нормы урегулирования противоречия интересов остались прежними (с небольшими корректировками) с 1890 г., когда они впервые зародились. В текущее время, в рамках стратегии по противодействию коррупции в Великобритании применяется программа утверждения принципов честности и неподкупности в сфере государственной службы.

Во Франции урегулирование конфликта интересов на государственной службе содержит по сравнению с остальными странами более жёсткие ограничения о несовместимости интересов для государственных служащих. Уголовный закон Франции включает отдельную специальную статью за преступление, связанное с конфликтом интересов. Статья именуется следующим образом — «незаконное продвижение интересов». Обвинение по данной статье подразумевает выдвигание обвинения против любого государственного служащего, который начнёт работать в компании, если она была ему подконтрольна последние 5 лет службы.

По анализу системы урегулирования «конфликта интересов» на государственной службе мы видим, что законодательство Франции затрагивает больше направления деятельности государственных служащих, связанные уже с уходом с государственной службы. Нормы включают санкции, защищающие частные интересы на общественных постах, а также регулируют трудоустройство после ухода с государственной службы в компании, которые попадали под контроль во время исполнения обязанностей государственного служащего.

По законодательству Чехии 2006 г. конфликт интересов — это любое действие или бездействие должностного лица, которое может быть квалифицировано в качестве использования служебного положения в личных целях (интересах) или получение необоснованных преимуществ для самих должностных лиц, их близких родственников или каких-либо третьих лиц.

В Италии же предупреждение конфликта интересов закреплено на конституционном уровне. В данной стране конфликт интересов раскрыт более широко — как потенциальное противоборство между частным интересом (должностного лица)

и общественным интересом, под которым традиционно подразумевают обязанности, выполняемые государственными служащими. [1]

Если рассматривать государства, где регулирование законодательства по конфликту интересов и коррупции является примером, к которому можно было бы стремиться, то это, условно, США. В США есть Офис по правительственной этике, руководитель офиса назначается президентом на пять лет и утверждается Сенатом. Основной функцией офиса по правительственной этике является отслеживание и пресечение ситуаций, связанных с конфликтом интересов.

Во многих странах (США, Великобритания, Франция) конфликт интересов рассматривается и раскрывается через призму этических норм и правил в государственном аспекте. Регулирование конфликта интересов осуществляется специальным ведомством по этике.

Зарубежная практика противодействия коррупции выработала ряд достаточно эффективных административно-правовых средств противодействия коррупции, в частности:

- разрешение конфликта интересов;
- запреты или ограничения подарков;
- запреты определенных видов деятельности;
- раскрытие информации о доходах. [2]

Таким образом, следует отметить, что, изучив опыт применения такого термина как «конфликт интересов» в зарубежных странах, мы можем сделать вывод о том, что целесообразно было бы рассмотреть варианты по созданию отдельного документа, то есть нормативно-правового акта по вопросам конфликта интересов, связанного с государственной и муниципальной службой. По такому пути, например, пошла Канада, у них принят Ценностный этический кодекс государственной службы. Подобный акт по урегулированию и предупреждению конфликта интересов подробно должен регламентировать, кого именно мы должны понимать под должностными лицами, опираясь уже на действующее законодательство государства.

Литература:

1. Конституция Итальянской республики // Конституции государств европейского союза. М.: Издательская группа ИНФРА-М-Норма. 1997.
2. Ахметова Н. А. Конфликт интересов на государственной службе // Власть. — 2017. — № 2. — С. 32–39.

Основные тенденции развития новейшего российского корпоративного права

Потатушкина Елизавета Андреевна, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В статье автор анализирует принятые и проектируемые нормативные акты с целью определения не только основных направлений развития корпоративного права, сколько актуальных для нынешнего российского общества.

Ключевые слова: Россия, совет директоров, корпоративное законодательство, общее собрание акционеров, тенденция развития.

Корпоративное право — относительно молодая современная наука в российском праве, его возрождение нача-

лось только с 90-х годов [1], так как в советский период подверглось «забвению». При этом можно утверждать, что оно является

предметно обособившимся, но не вписывающимся ни в одну из существующих систем права [2]. Реформа гражданского права 2008 г. [3] не смогла приблизить корпоративное право к абсолюту, хотя некие границы «нового» права были установлены. Существенным образом преобразилось корпоративное право с принятием поправок в гл. 4 ГК РФ в 2014 г., был изменен порядок создания юридических лиц, порядок их деятельности, процесс ликвидации и иное. Крайне важным аспектом является принятая в 2015 г. новелла, вследствие которой общие положения об обязательствах применяются к требованиям, возникшим из корпоративных отношений [4].

Таким образом, были заданы основные тенденции развития корпоративного права: 1) увеличение диспозитивных начал в регулировании корпоративных отношений; 2) приведение специальных законов в соответствии с новыми положениями ГК РФ, что связано с последовательным, а не одновременным изменением ГК РФ и специальных законов; 3) сближение корпоративного законодательства с другими отраслями;

Большинство корпоративных норм имеют императивный характер, в частности, нормы о правовом статусе участников правоотношений. Предполагается, что данная сфера должна регулировать свободных и равноправных участников отношений. Считаю, что тенденция на увеличение диспозитивных методов регулирования корпоративных отношений должна устанавливаться за счет анализа правовых целей. Участникам корпоративного права должно быть предоставлено право выбора модели поведения, однако если речь идет об определенной категории субъектов, то в такой ситуации законодатель должен императивно регулировать права и обязанности сторон.

С. А. Чеховская отмечает, что видит положительно выделенным направлением преобразования коммерческого права в делении юридических лиц на корпорации и унитарные предприятия [5]. Однако О. В. Калас и В. И. Карпухина не совсем согласны с данной точкой зрения, считая, что существующие конструкции хозяйственных обществ не отвечают необходимым требованиям, поэтому имеется потребность в создании форм, с более подвижным механизмом управления компанией [6].

Сложная эпидемиологическая ситуация в стране с 2019 года создала предпосылки для изменения юридической природы корпоративного права. Законодатель столкнулся с проблемой применения имеющихся норм, так как они предполагали очную форму функционирования общества. Чтобы урегулировать данную ситуацию, 7 апреля 2020 года был издан Федеральный закон «Об особенностях корпоративного регулирования в 2020 году» № 115-ФЗ [7]. Пандемия не только положительно повлияла на развитие корпоративного права, но и сам онлайн формат оказался максимально удобным и практичным, с учетом развития общества. Так называемое «внеплановое» реформирование дало некие послабления субъектам корпоративного права, которые испытывали трудности с внезапно возникшими условиями. Так, Федеральным законом от 7 апреля 2020 г. № 115-ФЗ был увеличен срок проведения годового собрания акционеров и очередное общее собрание участников общества с ограниченной ответственностью, а также увеличены вдвое сроки составления финальных документов [8]. Подобные меры, видимо, были признаны оправданными, поэтому

нашли свое отражение в Федеральном законе от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ [9] (позднее мы рассмотрим его более подробно).

Помимо прочего, ряд ученых поднимает вопрос относительно цифровой трансформации корпоративного права. Колонтъевская И. Ф. полагает, что использование информационно-цифровых технологий, включая блокчейн, при работе с Единым реестром юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ), реализации эффективного корпоративного управления, обеспечение кибербезопасности и др., положительно скажется на всей системе корпоративного права [10]. Полагаю, что такое «слияние» может дать толчок законодательству, так как в настоящее время оно отстает в сфере цифровизации, относительно развитых стран. Карцхия А. А. указывает в своей работе о начавшемся формировании нового субъекта права — «цифровых корпорациях» [11]. Суть введения такого новшества заключается в обеспечении новой цифровой экономики; глобальная цифровая трансформация создает пространство для создания новых организационных форм ведения бизнеса, а ее процесс меняет традиционные институты права. Оценивая данное предложение, можно отметить, что такая система может стать фундаментом корпораций будущего.

Одной из тенденций развития корпоративного права в современных условиях можно признать формирование корпорациями собственных экосистем. Данное явление ново для российского общества и корпоративного сектора, в том числе, но некоторые компании уже не первый год активно работают в этом направлении. Например «Сбербанк», один из самых известных банковских холдингов, создавших свою экосистему.

Может сложиться впечатление, что «холдинг» и «экосистема» — похожие понятия, но их нужно уметь различать. Под «холдингом» традиционно понимают особый тип компании, которая создается для владения контрольными пакетами акций других компаний с целью контроля и управления их деятельностью [12]. Можно выделить три существенных отличия: 1) экосистема является единой облачной технологической платформой, с помощью которой и осуществляется тесное взаимодействие между бизнес-процессами; 2) полный переход от одного сервиса к другому; 3) так называемый «вирусный эффект», когда благодаря омниканальности, то есть взаимной интеграции разных каналов связи в одну систему, для обеспечения постоянной связи с клиентом, создается ощущение присутствия поставщика рядом с потребителем. Многопрофильные холдинги считаются менее эффективными, чем несколько отдельных специализированных компаний, поэтому думаю, что, доведя свой нефинансовый бизнес до определенного охвата, «Сбербанк» поделит свою группу на части.

Можно проследить, что ЕС и Россия сближаются в рамках корпоративного права, что также можно считать тенденцией. Во-первых, это связано со схожей правовой моделью корпоративного права, во-вторых, даже несмотря на многочисленные санкции, введенные с 2014 по 2022 г., ЕС является крупнейшим партнером внешней торговли для России. А. Н. Кирсанов пишет: «сам факт построения системы современного гражданского права России по образцу романо-германской правовой семьи, заимствование значительного количества гражданско-правовых институтов из немецкого гражданского и торгового

права, позволяет говорить о значительной схожести сложившегося на сегодняшний день корпоративного права России и ЕС» [13]. В России образовался некий «правовой вакуум», связано это было с резким переходом на рыночную экономику и несостоятельностью законодательной системы государства, что вызвало потребность в заимствовании части правовых систем капиталистических стран ЕС.

Таким образом, можно заметить, что сближение корпоративного законодательства ЕС и России происходит путем рецепции правовых норм из более прогрессивного и высокоразвитого законодательства ЕС. Суханов Е. А. считает, что наше государство должно вернуться на традиционные пути законодательного развития, но опираясь на опыт передовых континентальных правопорядков, а не опыт англо-американского права [14].

Однако на данный момент, как я считаю, нельзя утверждать, что тенденция на сближение корпоративного законодательства ЕС и России будет происходить в том же темпе, что и год назад. Связано это со специальной военной операцией, проводимой в Украине, новыми пакетами санкций, а также политическим настроением ведущих стран и России в том числе.

В корпоративном праве последние несколько месяцев были приняты и принимаются, как правило, законы временного характера — на 2022 год. Так, Постановлением Правительства был принят закон, позволяющий не раскрывать корпоративной информации, что способствует некой защите участников корпоративных отношений от санкций недружественных стран [15]. По результатам дискуссии внутри компании и совета директоров, само общество должно понять, в какой степени может и должно скрыть информацию, для обеспечения защиты корпорации, либо самого участника. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ ввел норму, в соответствии с которой совет директоров сохраняет полномочия даже в том случае, если число его членов стало меньше установленного законом, уставом или решением общего собрания, но минимальная численность все же установлена — три человека [16]. Связано это с частым наличием нерезидентов в совете директоров публичных обществ, которые после 24 февраля 2022 года стали выходить из него, а под страхом персональных санкций начали выходить и резиденты. Так создавалась угроза деятельности совета, который играет немало важную роль в деятельности акционерных обществ (далее — АО).

Предприняты временные меры, защищающие АО от злоупотребления миноритарных акционеров. Законодатель повысил порог владения голосующими акциями с 1% до 5%, которые дают право акционеру требовать от общества совершенные определенных действий: предоставить информацию в отношении совершенной сделки с заинтересованностью, согласие на которую не получено; обеспечить информацией, касающейся сделок, являющихся крупными или с заинтересованностью и иных документов. Обратиться в суд с иском: к члену правления или совета директоров, генеральному директору общества о возмещении убытков, причиненного обществу; о признании крупной сделки или совершенной с заинтересованностью — недействительной, могут также акционеры, владеющие не менее 5% голосующих акций [17]. Указанные ограничения

введены в целях минимизации немотивированных споров владельцев небольших пакетов акций, которые в данных реалиях могут оказать более негативное воздействие, чем при обычных условиях.

Помимо принятых, стоит рассмотреть и проектируемые нормативно правовые акты. В архиве текущего созыва Государственной Думы можно заметить следующие законопроекты: № 1075125-7 «О предоставлении публичному акционерному обществу «Сбербанк России» отдельных полномочий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», № 956714-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» (в части сокращения сроков процедуры увеличения уставных капиталов банков, действующих в форме акционерных обществ)», № 19912-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 1087689 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и о приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Одним из наиболее интересных кажется законопроект, которым предлагается внести изменения в статью 47 ФЗ «Об акционерных обществах» [18], в части введения нового способа проведения годовых общих собраний акционеров и внеочередных общих собраний акционеров — дистанционно, с помощью электронных и иных средств [19]. На данный момент возможно лишь два варианта проведения собраний: собрание (совместное присутствие акционеров) и без проведения заседания (заочное голосование). В случае принятия законопроекта, перечень расширится до трех вариантов. Массовый отток части населения в другие страны, связанный с объявлением частичной мобилизации, затруднил возможность присутствия акционеров на собрании, данный законопроект призван разрешить проблему.

В рамках сохранения и поддержки бизнеса индивидуальных предпринимателей, а также участников и учредителей обществ, законодатель принял ФЗ от 20.10.2022 № 404-ФЗ, в котором предоставил указанным субъектам, подлежащим мобилизации, пять рабочих дней для решения организационных вопросов ведения бизнеса, а также снял запрет на занятие предпринимательской деятельностью лично или через представителя, но только для лиц, мобилизованных с 21 сентября [20]. Установлен мораторий на проверки для мобилизованных индивидуальных предпринимателей: не назначаются новые выездные налоговые проверки, не будут проводиться мероприятия налогового контроля, не будут налоговых блокировок счетов, не будут штрафовать за непредставление деклараций и расчетов по страховым взносам [21]. Такие изменения гарантируют защиту публичного интереса, показывают уровень заинтересованности государства в поддержании любого бизнеса, так как каждый субъект корпоративного права, так или иначе, воздействует на экономическую составляющую страны и благосостояние населения и наоборот.

Анализируя все вышеизложенное, следует отметить, что в последнее время российское корпоративное законодательство было подвергнуто значительным изменениям и дора-

боткам. Можно выделить следующие тенденции развития корпоративного права на данный момент: 1) цифровизация корпоративного законодательства; 2) формирование корпорациями собственных экосистем; 3) облегчение ведения бизнеса корпорациям 4) Сближение корпоративного законодательства ЕС и России (пытаясь «защитить» резидентов, законодатель ограничивает возможность рецепции корпоративного права развитых стран); 4) формирование цифровых корпораций; 5)

увеличение диспозитивных начал в регулировании корпоративных отношений. Полагаю, что воплощение в жизнь указанных тенденций позволит решить многие из существующих проблем развития корпоративного законодательства и усовершенствовать его. А пока что корпоративное право все еще на стадии своего формирования, но уже имеет четко структурированную сферу правового регулирования, находящуюся в развитии.

Литература:

1. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / МГУ имени М.В. Ломоносова / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Е.Г. Афанасьев [и др.]; отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно.— Москва: Юстицинформ, 2019.— 600 с.
2. Шиткина И.С. Корпоративное право России: состояние и вектор развития// Вестник Московского университета. Серия 11. Право.2017.№ 4. С-18.
3. См. Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»
4. См. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (вступил в силу с 1 июня 2015 г.).
5. Чеховская С.А. Современное развитие корпоративного законодательства // Право. Журнал высшей экономики.— 2016.— № 2.— С. 74–86.
6. Калас О.В. Проблемы и тенденции развития корпоративного законодательства России / О.В. Калас, В.И. Карпухина // Наука через призму времени.— 2019.— № 12(33).— С. 108–110.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части унификации содержания годовых отчетов государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний, а также в части установления особенностей регулирования корпоративных отношений в 2020 году и о приостановлении действия положений отдельных законодательных актов Российской Федерации: Фед. закон от 07 апр. 2020 г. № 115-ФЗ: принят Гос. Думой 1 апр. 2020 г.: одобрен Сов. Фед. 2 апр. 2020 г. [ред. от 31 июля 2020 г.] // Российская газета.— 2020.— № 78.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части унификации содержания годовых отчетов государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний, а также в части установления особенностей регулирования корпоративных отношений в 2020 году и о приостановлении действия положений отдельных законодательных актов Российской Федерации» от 07.04.2020 N115-ФЗ (последняя редакция)
9. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, признании утратившим силу абзаца шестого части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования корпоративных отношений в 2022 и 2023 годах» от 14.07.2022 N292-ФЗ (последняя редакция)
10. Колонтаевская, И. Ф. Правовое регулирование корпоративных отношений в условиях цифровизации / И. Ф. Колонтаевская // Вопросы российского и международного права.— 2019.— Т. 9.— № 10–1.— С. 175–184.
11. Карцхия А. А. Перспективные корпоративные модели и критерии развития в период постпандемии // Мониторинг правоприменения.— 2020.— № 3.— С. 73–80
12. Холдинги: Правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний / И.С. Шиткина.— М.: Волтерс Клувер, 2008.— 552 с.
13. Кирсанов А.В. Реформа корпоративных моделей в России: доктринальные и законодательные особенности // Право в современном мире.2015.№ 1 (34). С. 22–27.
14. Суханов Е.А. Очерк сравнительного корпоративного права//Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсевича Ема/ Отв. Ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М., 2011
15. Постановление Правительства РФ от 18.03.2022 № 395 «Об особенностях доступа к информации, содержащейся в государственном информационном ресурсе бухгалтерской (финансовой) отчетности, и раскрытия консолидированной финансовой отчетности в 2022 году»
16. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, признании утратившим силу абзаца шестого части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования корпоративных отношений в 2022 и 2023 годах» от 14.07.2022 № 292-ФЗ (последняя редакция)
17. Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 55-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» и статью 21 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации

18. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «Об акционерных обществах»
19. П. 2 ст. 1 Законопроекта № 1059849-7 «О внесении изменений в Федеральный закон »Об акционерных обществах« и отдельные законодательные акты РФ»
20. Федеральный закон от 20.10.2022 № 404-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон »О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»
21. Постановление Правительства РФ от 20.10.2022 N1874 «О мерах поддержки мобилизованных лиц»

Учет обстоятельств, исключающих преступность деяния, при квалификации служебной халатности

Рыжанков Арнольд Юрьевич, старший преподаватель
Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова (Беларусь)

Статья посвящена вопросам применения положений уголовного закона об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, при оценке нарушения должностным лицом служебных обязанностей как преступного посягательства. Автором рассмотрены нормы об экономическом (деловом) риске и исполнении приказа или распоряжения с точки зрения их применения при расследовании и разрешении уголовных дел о служебной халатности, предложены рекомендации к уголовному закону.

Существует ряд обстоятельств, исключающих возможность оценки поведения должностного лица как ненадлежащего исполнения должностным лицом служебных обязанностей по ст. 428 УК Республики Беларусь. Например, наступление вреда в условиях экономического (делового) риска (ч. 2–1 ст. 39 УК Республики Беларусь). Д. В. Шаблинская и Д. В. Попонова справедливо отмечают, что субъекты хозяйствования бездействуют и не проявляют инициативы, боясь наступления ответственности, поскольку в случае причинения вреда их действия будут признаны ненадлежащим исполнением служебных обязанностей вследствие недобросовестного отношения к ним, повлекшим имущественный ущерб. Закрепление категории экономического (делового) риска позволяет же исключить случаи необоснованного привлечения руководителей к уголовной ответственности [1].

Директор маслосырзавода Л. обвинялся по ч. 3 ст. 424 УК Республики Беларусь в том, что вопреки интересам службы, при отсутствии целесообразности и объективной необходимости с целью искусственного увеличения показателя объемов производства организовал с молочным комбинатом взаимные поставки молока, чем причинил руководимому им маслосырзаводу ущерб в размере примерно 170 млн неденоминированных руб. в виде оплаты транспортных услуг и других расходов. Как определено в заключениях специалистов, смешение молока из различных сырьевых зон является одним из методов обеспечения высокого качества сыра. Установлено, что в 2009 г. маслосырзавод относился к категории убыточных предприятий с убытками в размере 6,3 млрд неденоминированных руб. и общей рентабельностью минус 9%. К концу 2010 г. прибыль возглавляемого Л. предприятия составила 5 млрд руб., а показатель рентабельности плюс 7,2%. [2, с. 28].

Как отмечают А. В. Конюк и В. В. Лосев, с учетом характера действий директора маслосырзавода Л. и их последствий с точки зрения достигнутых макроэкономических показателей это уголовное дело вообще не должно было направляться в суд [2, с. 28].

Существование экономического (делового) риска в уголовном законе не исключает автоматически ответственность за служебную халатность, повлекшую неблагоприятные имущественные последствия, но требует дополнительной оценки судом обстоятельств уголовного дела: Действовало ли лицо в условиях делового риска или нет? Действительно ли решения были приняты с учетом экономической обстановки и могли ли субъекты посредством реализации этих решений достичь необходимого результата? Если ответы на эти вопросы положительные, то это исключает уголовную ответственности по ст. 428 УК Республики Беларусь.

По нашему мнению, наличие норм об экономическом (деловом) риске в уголовном законе позволяет препятствовать привлечению должностных лиц за сам факт наступления имущественного ущерба во время их трудовой деятельности, вне обязательности учета совершения этими лицами конкретных нарушений служебных обязанностей.

Поскольку присутствует существенный субъективизм в оценке наличия факта обоснованности риска, считаем, что, в целях исключения случаев привлечения лиц к ответственности за злоупотребления служебными полномочиями по ст. 424 УК Республики Беларусь за нарушение служебных обязанностей, необходимо дополнить норму об экономическом (деловом) риске. Статью 39 УК Республики Беларусь следует дополнить ч. 2–2 и нормой о том, что «Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть, что рискованные действия (решения) не позволят достигнуть ожидаемого экономического результата, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности».

Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния, в научной литературе чаще всего упоминают применительно к преступлениям, совершаемым военнослужащими и сотрудниками правоохранительных органов [3, с. 94]. Однако, исходя из содержания ч. 1 ст. 428 УК

Республики Беларусь, ее положения применимы к любым преступлениям, связанных с выполнением лицом служебных или профессиональных обязанностей, в том числе служебной халатностью. В судебной практике встречаются факты неумышленного причинения вреда в ходе исполнения служебных обязанностей, связанные с фактами ошибочных указаний начальства [4, с. 42].

Как следует из ч. 2 ст. 40 УК Республики Беларусь, лицо, совершившее умышленное преступление по заведомо преступному приказу или распоряжению, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Однако в случае совершения лицом деяния по неосторожности уголовная ответственность соответственно исключается. По нашему мнению, в ситуации причинения неумышленного вреда лицом при исполнении не-

законного и необоснованного распоряжения по службе подлежит применению положение, предусмотренное ч. 1 ст. 428 УК Республики Беларусь о том, что уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение, поскольку в этой норме нет указания о том должен ли этот незаконный приказ быть отдан умышленно или по неосторожности.

Установление и оценка условий экономического (делового) риска, как и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, при выполнении должностным лицом служебных обязанностей, выступает необходимым шагом на пути полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела о служебной халатности.

Литература:

1. Попонова, Д. В. Еще раз об экономическом (деловом) риске [Электронный ресурс]: [по состоянию на 23.12.2014 г.] / Д. В. Попонова, Д. В. Шаблинская // Пех: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
2. Конюк, А. В. Прокурорско-судебная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы: практ. пособие / А. В. Конюк, В. В. Лосев; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. — Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. — 336 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. — Минск: Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. — 1000 с.
4. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК) (по материалам обзора) // Судовы веснік. — 2005. — № 1. — С. 39–43.

Проблемы, связанные с наступлением возраста эмансипации лиц, регистрирующихся в качестве индивидуального предпринимателя

Салтыкова Вероника Алексеевна, студент магистратуры;

Боровская Арина Дмитриевна, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В данной статье рассматривается проблематика, связанная с наступлением возраста лиц, регистрирующихся в качестве индивидуального предпринимателя на территории Российской Федерации, а также рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью индивидуального предпринимателя.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, деятельность, государственная регистрация, эмансипация, дееспособность, вступление в брак, индивидуальный предприниматель, орган опеки и попечительства.

На сегодняшний день в современной России меняется структура малого бизнеса, можно заметить рост количества индивидуальных предпринимателей и суммы, получаемой ими выручки.

Индивидуальному предпринимательству отводится особое место в экономической системе любой страны, поскольку оно является одним из наиболее эффективных инструментов, способствующих продвижению экономики: решая проблему трудовой занятости населения, индивидуальное предпринимательство способствует, в том числе, устойчивому развитию как отдельного региона, так и государства в целом.

Предпринимательская деятельность гражданина — это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, на-

правленная на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [1].

Согласно Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [2].

В России государственную регистрацию индивидуального предпринимателя осуществляет Федеральная налоговая служба России [3]. Для упорядочения процедуры регистрации индивидуальных предпринимателей был введен Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей, куда

вносятся о приобретении физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя.

Главной целью создания и ведения Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей является систематизация общей информации в отношении всех индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность на территории РФ.

Предпринимательская деятельность характеризуется самостоятельностью.

По мнению И.В. Ершовой, самостоятельность включает в себя имущественную и организационную сторону. Имущественная самостоятельность заключается в наличии обособленного имущества как экономической базы деятельности, а организационная — в возможности принимать самостоятельные решения в процессе предпринимательской деятельности [4].

Самостоятельность предпринимательской деятельности означает свободу в выборе направлений и методов работы, независимое принятие решений, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, беспрепятственное осуществление прав, обеспечение их соблюдения, их судебную защиту.

Самостоятельность включает в себя две составляющие:

А) организационная самостоятельность — возможность самостоятельно принимать решения в процессе предпринимательской деятельности, которая подразумевает волевой характер;

Б) имущественная самостоятельность — наличие у предпринимателя обособленного имущества для осуществления предпринимательской деятельности [5].

Следует отметить, что признак самостоятельности отличает предпринимательскую деятельность от трудовой.

Самостоятельная ответственность предпринимателя. Пределы такой ответственности зависят от организационно-правовой формы осуществления предпринимательской деятельности.

Как элемент правоспособности граждан право на занятие предпринимательской деятельностью указано в статье 18 ГК РФ «Содержание правоспособности граждан».

Но ни в статье 18, ни в статье 23 ГК РФ «Предпринимательская деятельность гражданина» не указан возраст, по достижению которого гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью. И лишь из контекста п. 1 ст. 27 ГК РФ «Эмансипация» можно сделать вывод, что гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью с шестнадцати лет, но при том обязательном условии, что на это им получено согласие родителей, усыновителей или попечителя.

Даже в таких ситуациях, когда несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет становятся дееспособными, их деятельность ограничена, и многие вопросы решаются только с письменного согласия законных представителей — родителей, усыновителей или попечителя.

Данный подход к пониманию статьи 26 Гражданского кодекса Российской Федерации подверг справедливой критике Я.Р. Веберс: «Ограничительное толкование закона по данному вопросу не соответствует смыслу закона, ибо оно без достаточных оснований сужает дееспособность несовершенно-

летних. Смысл закона, отражающий реальные потребности жизни, состоит именно в том, чтобы определить объем деятельности несовершеннолетних по распоряжению имуществом в зависимости от источника приобретения этого имущества — своим личным трудом или иным способом (дарение, наследование). Указание на заработок и стипендию в законодательстве подчеркивает именно способ приобретая определенного вида имущества, а вовсе не ту вещественную форму, относительного вида имущества, а вовсе не ту вещественную форму, относительно которой допускается самостоятельное распоряжение несовершеннолетнего». Такого же мнения придерживается С.М. Корнеев. Действительно, нелогичной представляется ситуация, когда несовершеннолетний имеет право подарить часть заработанной им денежной суммы, но не может преподнести вещь, приобретенную на те же средства.

Занятие предпринимательской деятельностью с согласия родителей, усыновителей или попечителя является основанием для эмансипации, т.е. для объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным.

Эмансипация производится по решению органа опеки и попечительства — с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителя либо при отсутствии такого согласия — по решению суда [ч. 2 п. 1 ст. 27 ГК РФ].

Несовершеннолетний, достигший возраста шестнадцати лет, может обратиться в суд по месту своего жительства с заявлением об объявлении его полностью дееспособным. Заявление об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным рассматривается судом с участием заявителя, родителей (одного из родителей), усыновителей (усыновителя), попечителя, а также представителя органа опеки и попечительства, прокурора. Суд, рассмотрев по существу заявление об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным, принимает решение, которым удовлетворяет или отклоняет просьбу заявителя. При удовлетворении заявленной просьбы несовершеннолетний, достигший возраста шестнадцати лет, объявляется полностью дееспособным (эмансипированным) со дня вступления в законную силу решения суда об эмансипации.

В случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения восемнадцати лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак. При наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет [6].

Приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака до достижения восемнадцати лет.

Согласно п. 2 ст. 27 ГК РФ, «родители, усыновители и попечитель не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в частности по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда», поскольку со дня эмансипации несовершеннолетний становится полностью дееспособным.

Отсюда вытекает, что занимающийся предпринимательской деятельностью эмансипированный подросток самостоятельно

совершает операции, связанные с предпринимательской деятельностью. Но в ГК РФ об этом ничего не сказано. Поэтому в целях восполнения этого пробела закона в ст. 26 ГК РФ, посвященную дееспособности несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, следовало бы внести правило о том, что несовершеннолетние в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, осуществляющие предпринимательскую деятельность с согласия родителей, усыновителей или попечителя, вправе самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей или попечителя совершать сделки, связанные с осуществляемой ими предпринимательской деятельностью.

Сможет ли человек в возрасте четырнадцати лет осознавать все риски, с которыми связано ведение бизнеса и брать на себя всю ту ответственность, что несет за собой осуществление предпринимательской деятельностью? По мнению авторов, 14 лет — рано для открытия собственного бизнеса. Самостоятельная предпринимательская деятельность — это не только возможность заработать деньги, это еще необходимость отвечать по всем обязательствам.

Когда мы говорим про предпринимательскую деятельность, это обычно рисуется все в радужном свете, появляется возможность заработать. Но действительно уже с момента принятия на себя статуса индивидуального предпринимателя лицо начинает нести ответственность по самым разным обязательствам, которые могут возникать в связи с причинением, например, ущерба другим лицам, это могут быть также достаточно большие финансовые риски и иное.

Почему, скажем, в трудовом законодательстве существует ограничение возраста привлечения подростков к труду? Общий возраст привлечения к работе — это 16 лет, но все равно до 18 лет сохраняются определенные ограничения, то есть нельзя работать в принципе на тяжелых работах, на вредных работах. Конечно, есть еще возможность раньше начинать работать — с 14 лет, но тоже с определенными ограничениями.

Смысл этих ограничений в том, что нужно дать подросткам возможность получения хорошего образования. И если вместо того, чтобы получать это образование, подростки будут работать, то у них будет намного меньше шансов получить до-

стойное образование. В наше время значимость качественного образования для дальнейшей успешной профессиональной деятельности только увеличивается.

Возможно, если рассматривать с другой стороны, скажем, если ребенок умеет рисовать картины, и делает это удачно, почему бы ему не делать по заказу.

В такой ситуации нужно скорректировать перечень видов деятельности, которыми могут заниматься юные предприниматели.

Как субъект правовых отношений индивидуальный предприниматель может быть привлечен к имущественной, налоговой, административной и уголовной ответственности, предусмотренной соответствующими кодексами и другими федеральными законами.

Свою деятельность индивидуальный предприниматель может прекратить как добровольно, т.е. на основании решения принятого самим индивидуальным предпринимателем, так и принудительно, т.е. по решению суда о признании индивидуального предпринимателя банкротом [7], а также в связи с вынесением судом решения о принудительном прекращении или временном ограничении деятельности индивидуального предпринимателя; прекращением действия документа, дающего право проживать в Российской Федерации, смертью предпринимателя.

Каждый предприниматель стремится создать что-то новое, прилагая к этому свои усилия. Таким образом, он обеспечивает высокое качество своей продукции и повышенный спрос потребителей.

С течением времени изменяются тенденции в экономике, можно наблюдать за изменениями предпринимательской деятельности из одной сферы в другую.

В целом наблюдается положительная тенденция роста числа действующих индивидуальных предпринимателей в РФ за последнее десятилетие.

Таким образом, несовершеннолетние обладают определенным объемом дееспособности, который позволяет им зарегистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей и в дальнейшем осуществлять предпринимательскую деятельность.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 26.10.2021) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/974be1fad91d7bc49b99851f8e9fc52eae6af180/ (дата обращения 05.04.2023)
2. Конституция Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.07.2020: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года]. Москва, 1993. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. Текст: электронный
3. Федеральный закон от 08.08.2001 N129-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022)
4. Ершова И. В. Предпринимательское право / отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова: учебник для бакалавров. — М.: Проспект, 2015. С. 32.
5. Быков, А. Г. О содержании курса предпринимательского права // Предпринимательское право. 2014. № 1. С. 10.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 01.01.1996. — № 1. — Ст. 16.
7. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (последняя редакция)
8. Бутузова, А. С. Индивидуальное предпринимательство в России: плюсы и минусы [Текст] / А. С. Бутузова, Е. В. Афанасьева // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. Науч. Конф. — Казань: Бук, 2015. — с. 69–71

Принципы экономического правосудия в Российской Федерации

Сарыг-оол Шончалай Орлановна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

Статья посвящена исследованию принципов экономического правосудия в Российской Федерации. Проведен сравнительный анализ их закрепления в Конституции РФ, Федеральном конституционном законе от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.

Ключевые слова: Конституция РФ, АПК РФ, экономическое правосудие, принцип законности, гласность разбирательства дел, принцип независимости судей, равноправие сторон.

При осуществлении экономического правосудия требуется соблюдение принципов закреплённых как Конституции РФ [1], так и Федеральном конституционном законе от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [2] (далее — Закон), а также и в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [3] (далее — АПК РФ). Арбитражное процессуальное законодательство основывается на совокупности определенных идей, его определяющих, выступающих стержнем, на который «наназываются» арбитражные процессуальные нормы, лежащие в основе регулирования соответствующих правоотношений. Такие нормативно закреплённые идеи являются принципами арбитражного процессуального права.

В юридической литературе существуют различные подходы к пониманию сущности принципов права, а также различные их классификации. Автор данной статьи придерживается позитивистского правопонимания как наиболее адекватно отражающего современную действительность. В рамках позитивистского подхода к пониманию принципов права в качестве принципов права рассматриваются только такие основополагающие идеи арбитражного процессуального права, которые прямо закреплёны в тексте в Конституции РФ и (или) АПК РФ.

В российском законодательстве существуют различные подходы к закреплению принципов права в нормативных правовых актах [5]. К сожалению, в АПК РФ в отличие от ряда иных кодифицированных источников российского права отсутствует структурный элемент (глава или статья), который бы назывался «Принципы арбитражного судопроизводства» («Принципы правового регулирования арбитражных процессуальных отношений» или «Принципы арбитражного процессуального законодательства»), и в котором бы были сконцентрированы нормы-принципы. Соответственно принципы арбитражного процессуального права в качестве неких исходных идей, базовых положений нашли закреплёние в главе 1 «Основные положения» раздела I «Общие положения» АПК РФ.

Основные процессуальные принципы экономического правосудия в стране определены в ст. 6 Закона. К ним относятся принципы законности, независимости судей, равенства организаций и граждан перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон, гласности разбирательства дел. По сути, в данной статье законодатель систематизировал основные принципы любого направления правосудия в Российской Федерации, применительно к экономическому правосудию. Рассмотрим эти принципы в нормах Основного Закона.

Статья 8 Конституции РФ устанавливает принцип экономического правосудия — единство экономического пространства, который, применительно к правосудию, обозначает равное применение во всех регионах страны налогового, таможенного законодательства, законодательства о банковской деятельности, финансовых операциях и т.д. Арбитражные суды по всей стране принимают решения по экономическим спорам единообразно, с учетом региональных правовых актов, принятых в пределах компетенции регионов. Такое понимание следует из толкования Постановления Конституционного Суда РФ от 21.03.1997 № 5-П [4].

Равная защита всех форм собственности — это крайне важный принцип экономического правосудия, поскольку зачастую конфликт в экономических отношениях возникает между частной собственностью юридических лиц или индивидуальных предпринимателей и интересами публичного собственника (государства или муниципального образования). И здесь крайне важно равным образом как защищать, несомненно, важные публичные интересы, но, при этом, не в ущерб бизнесу, то есть частной собственности. Например, даже если решение арбитражного суда, принятое законно и обоснованно, приведет к выплате из бюджета публично-правового образования в таком размере, что это существенным образом отразится на его финансовой стабильности, суд все равно обязан вынести такое решение, несмотря на публичный интерес и его очевидное более высокое значение перед частным.

Принцип законности, а также равенства организаций и граждан перед законом и судом, определены в ст. 19 Основного закона. Хотя, принципом законности можно также назвать положение ст. 15 Конституции, закрепляющую ее высшую силу и действие на территории всей России.

Принцип независимости судей определен в ст. 120 Конституции РФ. Принципы состязательности и равноправия сторон, гласности разбирательства дел предусмотрены в ст. 123 Конституции РФ. Эти принципы максимально подробно раскрыты в нормах АПК РФ, их толкование дано в руководящих разъяснениях Конституционного Суда, в связи с чем нецелесообразно останавливаться на каждом из них.

Кроме того, можно обозначить следующие конституционные принципы экономического правосудия, не продублированные в АПК РФ: принцип защиты прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ); принцип гарантированности судебной защиты прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ); принцип доступности квалифицированной

юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ); принцип недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ); принцип осуществление правосудия только судом (ст. 124 Конституции РФ).

В то же время, можно выделить конституционные принципы экономического правосудия, продублированные в АПК РФ:

— принцип независимости судей (ст. 120 Конституции РФ, ст. 5 АПК РФ). Данный принцип находит реализацию в том, что судьбы арбитражных судов подчиняются при осуществлении правосудия только Конституции РФ и федеральному законодательству, какое-либо незаконное вмешательство в деятельность судей и постороннее воздействие на них преследуется по закону. Также принцип независимости судей арбитражных судов обеспечивается гарантиями судьям, предусмотренными законодательством;

— принцип законности (ст. 15 Конституции РФ, ст. 6 АПК РФ);

— принцип равенства перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, ст. 7 АПК РФ);

— принцип состязательности сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 9 АПК РФ);

— принцип гласности судебного разбирательства (ч. 1, 2 ст. 123 Конституции РФ, ст. 11 АПК);

— принцип языка судопроизводства (ст. 69 Конституции РФ, ст. 12 АПК РФ).

Помимо прочего, может быть выделена группа принципов экономического правосудия, нашедшие отражение только в АПК РФ:

— принцип разумных сроков судопроизводства в арбитражных судах и исполнения судебного акта (ст. 6.1 АПК РФ).

Впервые в арбитражном процессе в ч. 3–5 ст. 6.1 АПК РФ дается понятие разумного срока судопроизводства, разъясняются обстоятельства, которые могут повлиять на него, а также механизм ускорения рассмотрения дела, если судебный процесс затягивается;

— принцип равноправия сторон (ст. 9 АПК РФ);

— принцип непосредственности судебного разбирательства (ст. 10 АПК РФ);

— принцип обязательности судебных актов (ст. 16 АПК РФ). Невыполнение требований арбитражных судов и неисполнение вынесенных ими судебных актов влечет наступление юридической ответственности для соответствующих лиц.

Таким образом, подводя итоги исследованию конституционных принципов экономического правосудия, можно сделать следующие основные выводы.

1. Конституционные принципы экономического правосудия следует разделить на принципы, отнесенные к материальному праву и принципы, отнесенные непосредственно к процессу. В нормах АПК РФ нормативно закреплена только вторая категория принципов.

2. К принципам, устанавливающим основы материального права, применимого к экономическому правосудию, следует отнести принципы единого экономического пространства, свободы экономической деятельности и равной защиты всех форм (ст. 8 Конституции РФ). Эти принципы рекомендуется закрепить в нормах АПК РФ.

3. Процессуальные принципы экономического правосудия определены в ст. 6 ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ». Это принципы законности, независимости судей, равенства организаций и граждан перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон, гласности разбирательства дел, которые предусмотрены в Конституции РФ, а также АПК РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.1997 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 13. Ст. 1602.
5. Демичев А. А., Илюхина В. А. К вопросу о месте закрепления принципов права в нормативных правовых актах (сравнительный анализ российского и армянского опыта) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 23–27.

Правовые риски защиты персональных данных лиц, использующих облачные сервисы, и пути их минимизации

Фаизова Алина Гумеровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Хабиров Артур Ильфарович, кандидат юридических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье автор анализирует правовое регулирование отношений, складывающихся по поводу оказания облачных услуг, выявляет правовые риски использования облачных услуг, возникающих в области защиты персональных данных. В настоящей работе автором предложены способы минимизации данных рисков, которые заключаются в совершенствовании юридического оформления отношений между заказчиком и облачным провайдером.

Ключевые слова: облачные технологии, пользователь, правовые риски, SLA-договор, защита прав потребителей.

Облачные технологии стали одним из хедлайнеров новой информационной эпохи и приобрели огромную популярность прежде всего благодаря своей многофункциональности и высокой эффективности в плане скорости и удобства в использовании. С внедрением новой технологии в жизнь общества соответственно стали анализироваться правовые риски использования такой инновации пользователями, и очень скоро стали ясны не только достоинства облачных технологий, но также и их недостатки, связанные с нарушением прав и свобод граждан при предоставлении облачных услуг.

Облачные технологии повсеместно используются социальными сетями, внедряются компаниями для хранения и обработки корпоративной информации и данных работников и клиентов, а также ежедневно используются пользователями — например, мы активно размещаем информацию в Гугл-диске, используем iCloud, Яндекс.Облако и другие облачные сервисы. Сложность механизма предоставления облачных услуг и многосубъектность возникающих правоотношений с одной стороны, а также рекомендательный характер правовых актов, в которых предпринималась попытка урегулировать оборот инновационного продукта с другой стороны, привели к тому, что потребитель услуги подвергается риску недолжного обеспечения безопасности его персональных данных.

Особенности функционирования провайдеров облачных услуг, различные формы предоставления облачных технологий порождает ряд правовых вопросов. Например, каким образом распределена ответственность между заказчиком и провайдером облачных услуг? Каким образом обеспечивается защита персональных данных в «облаке», насколько современное состояние рынка облачных технологий соответствует законодательству РФ о персональных данных и каков правовой механизм реагирования на нарушение прав потребителя облачных услуг — субъекта персональных данных?

Прежде всего, нужно отметить, что в «облаках» может быть размещена самая разнообразная информация, однако именно сохранность персональных данных вызывает особые опасения по следующим причинам. Во-первых, она является информацией ограниченного доступа, так как разглашение персональных данных субъекта часто может привести к неблагоприятным последствиям для субъекта персональных данных и использоваться в незаконных целях для извлечения прибыли, а во-вторых, в условиях информационного общества

такая информация приобрела коммерческую ценность и стала одним из наиболее востребованных активов и объектом конкуренции компаний [1, с. 169, 184]. Однако персональные данные по смыслу российского законодательства не являются объектом гражданских прав [2, ст. 128], они представляют собой разновидность нематериальных благ, и могут быть использованы только с согласия их обладателя — то есть они не могут быть рассмотрены в том числе в качестве встречного предоставления за использование облачных услуг в случае, если провайдер облачных технологий занимается их обработкой в собственных коммерческих целях.

Уязвимость персональных данных при размещении их в облачных сервисах нередко приводит к утечкам персональных данных из облачных сервисов ряда глобальных корпораций [3]. Большинство утечек происходит по причине активного использования публичных облаков для хранения данных клиентов компаниями и одновременного отставания в обеспечении необходимого уровня киберзащиты. На первый взгляд кажется, что вопросы безопасности данных клиентов касаются исключительно технических решений — однако причины безответственного отношения компаний к персональным данным связаны с недостаточной правовой разработкой соглашений, заключаемых с клиентами, что приводит к тому, что компании часто уклоняются от ответственности в силу отсутствия указания в соглашениях условий о размере и виде санкций за нарушение правил о персональных данных, а также в силу неосведомленности пользователей о правовых рисках и надлежащем ответчике. На наш взгляд, четкое разграничение ответственности за нарушение конфиденциальности и сохранности персональных данных клиентов в договоре о предоставлении облачных услуг способно повысить мотивацию компаний в активном развитии технологий по обеспечению кибербезопасности.

Говоря об отсутствии комплексного правового фундамента для разграничения правовых статусов всех субъектов, участвующих в соглашениях об использовании облачных технологий, следует обратить внимание на уже упомянутый рекомендательный характер существующих правовых актов в области регулирования данной информационной технологии. Например, облачные технологии указаны в качестве приоритетного направления информационных и коммуникационных технологий в Стратегии развития информационного общества в Рос-

сийской Федерации на 2017–2030 годы [4]. Правовыми актами, направленными на регулирование деятельности провайдеров облачных технологий, являются также акты различных служб и ведомств, которые несут главным образом разъясняющий характер и вносят ясность в терминологию отношений в сфере облачных вычислений [5]. Попытки придать отношениям по использованию облачных вычислений правовую определенность предпринимались также в США, Великобритании, Чехии [6, с. 36–41]. В США также превалирует рекомендательный характер регламентации услуг по предоставлению облачных вычислений, при этом наибольшее внимание уделено применению облачных технологий именно в государственном секторе — например, Федеральная программа США по управлению рисками и авторизацией при отборе провайдеров облачных технологий для государственных органов 2012 года представляет собой документ методического характера в рамках деятельности государственных учреждений.

Основополагающим документом в Европе, нацеленным на обозначение правовых рамок функционирования облачных технологий является опубликованная Европейской комиссией 27 сентября 2012 года Стратегия развития облачных технологий «Раскрытие потенциала облачных технологий в Европе». Данная Стратегия содержит ряд важных идей, обозначающих правовые пробелы, устранение которых представляет особую значимость — в частности, это цель развития безопасных и справедливых условий соглашений между всеми вовлеченными субъектами, и соответствие облачных информационных систем европейским и национальным правовым актам в области защиты персональных данных. Данные цели находят реализацию в форме частно-государственного партнерства в рамках деятельности отраслевой группы по облачным вычислениям (англ. Cloud Select Industry Group, C-SIG), в которую входят такие провайдеры облачных технологий, как Amazon, Microsoft, Google, IBM и др. [7] В результате деятельности данного объединения был разработан ряд правовых актов, направленных на повышение безопасности использования облачных вычислений, регламентацию условий соглашения между заказчиком и провайдером, однако в большинстве случаев они также носят рекомендательный характер и имеют своей целью стандартизацию предоставления облачных услуг. Например, это Рекомендации по стандартизации соглашений об уровне обслуживания, Кодекс делового поведения и этики по защите данных для облачных провайдеров, сертификационные схемы для оценки деятельности облачных провайдеров.

Облачные технологии представляют собой уникальную технологию, позволяющую хранить, обрабатывать, передавать, получать и производить большие объемы информации, а также осуществлять самые разнообразные функции (например, вплоть до размещения приложения), получая доступ к вычислительным мощностям облачного провайдера из любой точки мира посредством Интернета и экономя таким образом свои собственные ресурсы (время, вычислительные мощности и др.). Правовая природа соглашения между провайдером облачных технологий и пользователем является дискуссионной в правовой науке. А. И. Савельев, в частности, отмечая наличие в заключаемом соглашении признаков лицензионного дого-

вора, определяет договор между заказчиком и провайдером облачных технологий как договор возмездного оказания услуг по предоставлению вычислительных мощностей [8, с. 71]. Нужно сказать, что большинство исследователей разделяет данную точку зрения, полагая, что к рассматриваемому соглашению в силу его неурегулированности нормами права можно применять по аналогии правила, применяемые к договору оказания услуг. В то же время на современном этапе в основе соглашения заказчика и провайдера облачных услуг лежит SLA-соглашение, активно используемое для правового закрепления предоставления различного рода IT-технологий.

SLA-договор (Service Level Agreement) — это так называемое соглашение об уровне обслуживания, которое предусматривает подключение клиента к приложению поставщика (провайдера) облачных технологий и содержит права и обязанности сторон, а также содержание предоставляемой услуги. Особенность SLA-соглашений в том, что они представляют собой типовые соглашения и обладают признаками договора присоединения в том смысле, что при его заключении заказчик не обладает правом вносить какие-либо предложения об изменении его содержания или, например, включения дополнительных условий и оговорок. Поэтому несмотря на то, что в целом договор о предоставлении облачных услуг подпадает под регулирование ст. 779 и в целом главы 39 ГК РФ [9], заказчик занимает заранее не выгодное положение и может лишь сравнивать условия, предлагаемые различными провайдерами с правовой, экономической и технических точек зрения, и часто не может дать объективную оценку своих рисков.

На наш взгляд, существует как минимум два способа разрешения данной проблемы. Первое решение состоит в формировании типовых соглашений, предусматривающих справедливые условия для каждой из сторон, и в первую очередь содержащие обязательное условие об осведомленности конечного пользователя обо всех возможных операциях с предоставленными им персональными данными. Важным также является включение позиций, касающихся удаления персональных данных по первому требованию субъекта, получения их резервной копии, а также обеспечение доступа субъектов к цепочке соглашений, которая выстраивается при привлечении провайдером облачных технологий соисполнителей — в деле защиты персональных данных от различного рода нарушений конфиденциальности персональных данных чрезвычайно важно соблюдение принципа прозрачности в предоставлении облачных услуг [10, с. 83].

Второе решение состоит в трансформации SLA-соглашений в более «гибкие» договоры, которые предусматривают возможность внесения в них соответствующих правок и дополнительных условий заказчиком в целях достижения наибольшего компромисса и уверенности в безопасности своих персональных данных. Данное решение кажется особенно рациональным ввиду того, что опыт правовой регламентации информационных технологий показал, что технический прогресс всегда будет опережать соответствующие правовые конструкции — это требует так называемой «технической нейтральности» правовых актов, которые могут быть применимы также в случае существенного технического совершенствования и изменения рассматриваемой технологии. Именно по-

этому диспозитивность, на наш взгляд, должна выступать определяющим методом: при этом утверждение справедливых условий для сторон соглашения в свою очередь зависит от норм существующего законодательства о защите персональных данных, а также законодательства о защите прав потребителей и норм о добросовестном поведении сторон договора. На данный момент ведение переговоров провайдерами облачных технологий с заказчиками невозможно в силу автоматизации процессов и удаленности друг от друга субъектов соглашений, но представляется, что данная проблема в ближайшем будущем вполне устранима технически.

Особенность правового статуса сторон в рассматриваемых отношениях и как следствие распределения ответственности между ними состоит в том, что статусом оператора информационной системы обладает одновременно и провайдер, и пользователь в силу того что информация, в том числе и персональные данные, находятся в распоряжении обоих субъектов соглашения. В соответствии с действующим законодательством, оператор информационной системы — это гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных [11].

Действительно, провайдер облачных технологий так или иначе осуществляет деятельность по эксплуатации массивов информации, однако часто заказчик практически не обладает информацией, позволяющей оценить уровень безопасности облачного сервиса и степень гарантии сохранности конфиденциальной информации. На современном этапе он не получает доступа к механизмам защиты располагаемой им информации в облаке и не имеет возможности повлиять на степень ее защищенности.

В соответствии с ФЗ «О персональных данных» обработка персональных данных возможна только с согласия субъекта персональных данных, она должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей, не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями сбора персональных данных (ст. 5 ФЗ о персональных данных). При этом разрешение вопроса о том, является ли провайдер облачных услуг оператором персональных данных (оператор — государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными [12]) зависит от типа облака и характера предоставляемых им услуг, особенностей функций облачного сервиса.

Облачные вычисления могут быть представлены в форме трех услуг: программное обеспечение как услуга (Software-as-a-Service), платформа как услуга (Platform-as-a-Service), инфраструктура как услуга (Infrastructure-as-a-Service). Например, Software-as-a-Service представляет собой программное обеспечение как услугу. Пользователь получает доступ к облачному программному обеспечению с помощью веб-браузера или мобильных приложений. В данной модели нельзя сказать, что провайдер облачного сервиса выполняет автоматизированную обработку внесённых (загруженных) в систему данных, так как

фактически предоставляет только платформу для накопления, а сам процесс сбора, обработки осуществляет пользователь, который и выступает в этом смысле оператором персональных данных. В случае, если заказчиком является юридическое лицо — например, компания, размещающая данные своих работников в «облаке», именно она по смыслу действующего российского законодательства о персональных данных будет являться оператором персональных данных и нести ответственность за их сохранность и соблюдение конфиденциальности.

При обработке персональных данных провайдером облачных услуг с ним заключается также договор поручения помимо основного договора — в этом документе один оператор персональных данных (заказчик) поручает другому оператору (сервис-провайдеру) хранение и обработку персональных данных субъектов (п. 3 ст. 6 ФЗ «О персональных данных»). В этом случае ответственность за сохранность и защиту персональных данных пользователей разграничивается между оператором и провайдером облачных технологий. Границы ответственности каждого из операторов, в особенности в отношении защиты персональных данных субъектов, должны быть разграничены между сторонами исходя из технологических функций каждого из них и предусмотрены как в договоре поручения, так и в политике конфиденциальности/иного документа, заключаемого непосредственно с субъектами персональных данных в целях соблюдения принципа прозрачности. Данное условие является критически важным для обеспечения должной защиты персональных данных и возможности пользователей, чьи права могут быть нарушены в результате утечки персональных данных или иных нарушений, эффективно восстановить свои права и требовать справедливой компенсации в судебном порядке.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что облачные технологии представляют собой одну из самых передовых технологий, повсеместно используемых практически всем информационным сообществом. В то же время характер соглашения между заказчиком и провайдером облачных услуг приводит к большим правовым рискам для заказчика, который оказывается в заведомо невыгодном положении — в силу сложности механизма функционирования технологии облачных вычислений пользователь часто остается не осведомленным относительно операций, которые выполняются провайдером с его персональными данными, отсутствует четкое разграничение ответственности за их сохранность в силу множественности субъектов на стороне исполнителя и специфичности облачных услуг, а также отсутствует реальная возможность заказчика повлиять на степень безопасности своих персональных данных, получить доступ к механизму их защиты и правовым гарантиям соблюдения законодательства о персональных данных. Все эти проблемы в конечном итоге приводят к утечкам персональных данных из облачных хранилищ, при этом в подавляющем большинстве случаев пользователи остаются не защищенными с правовой стороны и несут убытки. Таким образом, мы считаем необходимым уделение особого внимания совершенствованию правовой конструкции SLA-соглашения, а также распределению ответственности между его субъектами, которое обязательно должно находить отражение в оформляемом соглашении.

Литература:

1. Карр Дж. Н. Великий переход. Что готовит революция облачных технологий. М.: Манн, Иванов и Фербер. 2013. 253 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994, № 32. Ст. 330
3. «Утечки информации из облака возросли в два раза» // URL: <https://securenews.ru/utehci-informatsii-vozrosli/> (дата обращения: 05.07.2023).
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. N20. Ст. 2901
5. Приказ Росстандарта от 10.11.2016 N1665-ст «О введении в действие межгосударственного стандарта ГОСТ ISO/IEC17788–2016» Информационные технологии. Облачные вычисления. Общие положения и терминология // СПС «КонсультантПлюс»
6. Карцхия А. А. «Облачные» технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. № 2 (27). 2018. С. 36–41
7. Cloud Select Industry Group // URL: <https://ec.europa.eu/digital-agenda/en/cloud-select-industry-group-service-level-agreements> (дата обращения: 05.07.2023).
8. Савельев А. И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 62–99. // СПС «КонсультантПлюс»
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. N5. Ст. 410.
10. Бикбулатова Ю. С. Информационно-правовое регулирование отношений, формирующихся при использовании облачных вычислений (сервисно-ориентированных распределённых информационных систем) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13: защищена 21.12.2018; утв. 19.03.2019 / Бикбулатова Юлиана Сергеевна. М., 2018. 159 с.
11. Федеральный закон от 27.07.2006 N149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.12.2019) // Российская газета. N165. 29.07.2006.
12. Федеральный закон от 27.07.2006 N152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // Российская газета. N165. 29.07.2006.

Недобросовестная конкуренция как одна из основных проблем правового регулирования малого и среднего предпринимательства в России

Фидченко Сергей Викторович, студент магистратуры

Научный руководитель: Собенина Мария Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье автор дает теоретическое обоснование проблемы правового регулирования недобросовестной конкуренции в деятельности малого и среднего предпринимательства в России.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, малое и среднее предпринимательство, правовое регулирование, злоупотребление гражданским правом, конкурентный рынок.

На сегодняшний день в российской юридической науке возникает вопрос актуальности злоупотребления гражданским правом с точки зрения влияния недобросовестной конкуренции.

Малое и среднее предпринимательство является одним из важнейших элементов экономики России, обеспечивающим работу и доход для миллионов людей. Однако, как и в любой другой области бизнеса, здесь существует недобросовестная конкуренция.

Недобросовестная конкуренция — это конкуренция, которая основывается на незаконных, неэтичных или мошеннических практиках, таких как подделка качества товаров, присваивание интеллектуальной собственности других людей,

лживая реклама, ценообразование, используя неправомерные методы и так далее. В результате этого многие честные бизнесы остаются без работы, теряют клиентов и доходы.

В России проблема недобросовестной конкуренции сегодня приобретает особую значимость. В основном, это связано с тем, что правовое регулирование в данной области недостаточно жесткое и эффективное. Наказания за нарушение закона оказываются недостаточными, что подталкивает недобросовестных предпринимателей на совершение более сложных махинаций и повышение степени нарушения закона.

Какую угрозу несет недобросовестная конкуренция для малого и среднего предпринимательства в России? Во-первых, недобросовестные бизнесы мешают конкуренции на рынке и под-

рывают экономическую стабильность. В результате чего клиент потеряет уверенность в честности среди бизнесменов и уйдет к другому конкуренту.

Во-вторых, недобросовестный бизнес — это вынужденные расходы на защиту авторских прав и других прав, связанных с бизнесом. Любой честный бизнес, который желает защитить свою собственность, должен платить за это. В результате теряются ресурсы и мотивация, чего не хватает на развитие бизнеса.

В-третьих, нелегальные практики негативно сказываются на качестве товара или услуг, недобросовестный бизнес склонен к снижению стоимости, используя незаконные методы. Как известно, в конечном итоге на покупателя «дешевый» товар быстро разочаровывает и отталкивает от продукта.

Недобросовестная конкуренция — это серьезная проблема, которая подрывает экономическую и общественную структуры России. Правительство и правоохранительные органы предпринимают существенные усилия в борьбе с этим явлением, однако пока нельзя утверждать, что данные меры безоговорочно эффективны.

Таким образом, актуальность проблемы недобросовестной конкуренции обусловлена положением о том, что осуществление гражданских прав должно основываться на принципе добросовестности, предполагающем взаимоуважительное отношение участников гражданского оборота к правам и интересам. Это правило распространяется на всю систему гражданских правоотношений, в которую входят предпринимательские отношения, к числу которых, в свою очередь, принадлежат конкурентные отношения. Правила добросовестной конкуренции должны соответствовать правилам добросовестного осуществления гражданских прав.

Примечательно, что гражданское право не дает четкого объяснения тому, какой поступок на конкурентном рынке является добросовестным, а какой не является, поэтому не ясен механизм самого злоупотребления гражданским правом в случае недобросовестной конкуренции.

Понятие добросовестности является весьма условным и может зависеть от многих факторов. Например, что считается добросовестным поступком для одного предпринимателя, может быть недобросовестным для другого.

Добросовестность на конкурентном рынке означает, что предприниматель соблюдает все законы, правила и нормы, не ввязывается в незаконную конкуренцию и не нарушает права конкурентов или потребителей. Но даже если все эти условия соблюдаются, существует множество других факторов, которые могут повлиять на то, какое поведение будет считаться добросовестным [3, с. 113].

Например, конкуренция за клиентов может привести к тому, что предприниматель решит снизить цены для привлечения клиентов. Это может быть добросовестным по отношению к конкурентам и потребителям, но если на это идет убыток, то с точки зрения владельца бизнеса это уже будет недобросовестным поведением.

Кроме того, добросовестность на конкурентном рынке может зависеть от того, какие ожидания у потребителей и конкурентов относительно поведения предпринимателя. Например, практика скрытых комиссий может быть распро-

странена в определенной отрасли, и если конкуренты все еще используют эту практику, то отказ от нее может привести к снижению конкурентоспособности.

Несмотря на то, что в гражданском праве четко не определено, какой из конкурентов ведет себя недобросовестно, существуют определенные критерии, которые подразумевают то, что конкуренты ведут себя недобросовестно. Также существуют параметры, в которых определены рамки конкурентного рынка.

Таким образом, изучение недобросовестной конкуренции в рамках деятельности малого и среднего предпринимательства позволит снивелировать противоречия между гражданским и конкурентным правом в этом вопросе.

Ученый-экономист Дж.Р. Коммонс рассматривает конкуренцию как соревновательный процесс на рынке, который подразумевает взаимное влияние участников на друг друга. Он признает, что конкуренция является важным стимулом для увеличения эффективности производства и улучшения качества продукции, однако отмечает, что эта деятельность может создавать различные негативные внешние эффекты, такие как загрязнение окружающей среды и снижение ценности общественных благ. По мнению специалиста, для достижения более эффективного функционирования рынка необходимы правила и ограничения, которые бы выравняли условия конкуренции между участниками рынка [4, с. 109].

А. Смит подчеркивал, что конкуренция — это ключевой фактор, способствующий эффективному функционированию рыночной экономики. По мнению ученого, свободная конкуренция между различными участниками рынка приводит к саморегулированию цен и количества товаров и услуг, в результате чего производство и потребление происходят наиболее эффективно. Свободная конкуренция не только стимулирует развитие производственных сил, но и служит интересам потребителей, так как обеспечивает низкие цены и высокое качество товаров и услуг. Он считал, что правительственное вмешательство должно быть минимальным, и что государственные меры, направленные на ограничение конкуренции, являются невыгодными для экономики и потребителей [5, с. 313].

Конкуренцию, помимо ее экономического содержания, наполняет и правовое содержание. Последнее выражается в правилах поведения, которые повсеместно должны соблюдать участники экономического оборота. Нормативность — один из обеспечительных признаков совершенной конкуренции, гарантирующих некую определенность во взаимных отношениях с другими хозяйствующими субъектами.

Правовая регламентация конкурентной политики в Российской Федерации осуществляется в следующих источниках права:

1. Конституция Российской Федерации, в которой закреплены основы конкуренции и защиты прав потребителей [1].
2. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», который устанавливает основные принципы и правила конкуренции в России, порядок ведения антимонопольной политики, а также определяет компетенцию Федеральной антимонопольной службы (ФАС) [2].
3. Постановления Правительства Российской Федерации, которые содержат правила и порядок создания и функционирования отдельных рынков и отраслей экономики.

4. Нормативно-правовые акты Федеральной антимонопольной службы и ее территориальных органов, которые регулируют конкуренцию и защиту прав потребителей на определенных рынках.

5. Судебная практика, в том числе решения Федерального арбитражного суда, которые разъясняют правила конкуренции и защиты прав потребителей и устанавливают ответственность за нарушение этих правил.

6. Международные договоры и соглашения, которые регулируют конкуренцию и торговлю на международном уровне.

В целом, правовая регламентация конкурентной политики в России основывается на принципах защиты конкуренции, предотвращения монополизации рынков, защиты прав потребителей и обеспечения экономической эффективности национальной экономики.

Основным источником права, регламентирующим конкуренцию в РФ, является ФЗ № 135 «О защите конкуренции», в котором определены две формы недопустимого рыночного поведения: монополистическая деятельность и недобросовестная конкуренция. В соответствии со ст. 10 и 11 данного Закона результатами монополистической деятельности, выраженными в формах злоупотребления доминирующим положением и согласованных действий, являются недопущение, ограничение, устранение конкуренции. В п. 9 ст. 4 этого же Закона указывается на результаты недобросовестной конкуренции, которыми могут быть причинение убытков и (или) нанесение вреда деловой репутации хозяйствующих субъектов [2].

Необходимо ограничивать вред, причиняемый непосредственно самой конкуренции (ее недопущение, ограничение,

устранение), который может быть причинен только монополистической деятельностью, от вреда, причиняемого недобросовестной конкуренцией хозяйствующим субъектам (убытки, репутационный вред).

Соответственно, недобросовестная конкуренция может быть правильно охарактеризована только через такие категории, как «отношение» и «процесс». Однако данный Закон осуществляет правовое регулирование еще тех конкурентных отношений, при которых причиняется вред непосредственно правам и интересам хозяйствующих субъектов с целью получения конкурентных преимуществ над ними, минуя саму конкуренцию (недобросовестная конкуренция).

Обнаруживается явное несоответствие между наименованием обусловленного Закона и его содержанием, как между дефиницией и его дефиницией. С нашей точки зрения, наименование данного антимонопольного Закона требуется привести в соответствие с его содержанием. Для этого ФЗ «О защите конкуренции» необходимо переименовать в «О защите конкуренции и недопущении недобросовестной конкуренции», что подчеркнет обоснованность нового наименования закона.

На основании изложенного предлагаем собственное определение понятия конкуренции как экономико-правового понятия, сочетающее в себе все достоинства приведенных экономических теорий конкуренции: «конкуренция — динамичное состояние хозяйствующих субъектов, которые в пределах допустимого законом могут свободно и беспрепятственно оказывать рыночное воздействие на конкурентную среду с помощью действий, направленных на получение преимуществ над другими конкурентами».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.).— Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации.— Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.06.2023).
2. О защите конкуренции Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // СЗ РФ.— 2006.— № 31 (1 ч.).— Ст. 3434.
3. Еременко В.И. Конкурентное право Российской Федерации: учеб. пособ. / В.И. Еременко.— М.: Юстицинформ, 2011.— 305 с.
4. Коммонс Дж.Р. Правовые основания капитализма / Джон Р. Коммонс; Пер. с англ.— М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011.— 413 с.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: монография / А. Смит.— М.: Эксмо, 2009.— 956 с.— (Серия «Антология экономической мысли»).

Виды недобросовестной конкуренции, определенные законодательством Российской Федерации

Фидченко Сергей Викторович, студент магистратуры

Научный руководитель: Собенина Мария Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье автор рассматривает виды недобросовестной конкуренции, которые регламентированы законодательством РФ. Автор анализирует понятие недобросовестной конкуренции и ее последствия в экономике. В статье подробно описываются зако-

нодательные нормы, регулирующие недобросовестную конкуренцию, и процедуры защиты прав потребителей и участников рынка от недобросовестных действий. Результаты исследования могут быть полезны для предпринимателей, правоохранительных органов и экспертов в области конкурентного права.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, малое и среднее предпринимательство, конкурентное право, злоупотребление гражданским правом, конкурентный рынок.

В современном мире конкуренция является ключевым элементом экономики и способствует развитию новых технологий и улучшению качества товаров и услуг. Однако, некоторые участники рынка могут заниматься недобросовестной конкуренцией, что может привести к нарушению прав и нанести вред другим участникам рынка. В России, нарушение правил конкуренции запрещено законодательством, и нарушители подвергаются наказанию.

В целях обеспечения и формирования здоровой конкурентной среды Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О защите конкуренции» (далее ФЗ-135) предусматриваются основные положения, регулирующие институт конкуренции. В частности, Гл. 2.1 ФЗ-135 определяет основные формы и виды недобросовестной конкуренции и ответственность за их использование.

В отечественной правовой системе, в отличие от иностранного законодательства, есть легальное определение терминов «конкуренция» и «недобросовестная конкуренция». Согласно положениям Ст. 4 Гл. 1 ФЗ-135, конкуренция — это «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке», в то время как недобросовестная конкуренция это «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» [1].

Несмотря на то, что действующее законодательство определяет основные формы недобросовестных конкурентных действий и меры их пресечения, на практике существует большое количество недоработок в области применения и толкования существующих законодательных норм.

Можно выделить следующие методы конкурентной борьбы при добросовестной конкуренции:

Качество товаров и услуг. Если ваша компания предлагает товары или услуги высокого качества, то потребители будут предпочитать вашу компанию конкурентам. Качество может быть измерено многими показателями, такими как надежность, эффективность, работоспособность и удобство использования. Компании, которые особое внимание уделяют качеству своей продукции, могут успешно конкурировать на рынке.

Цена. Ценовая стратегия является одним из важнейших методов конкурентной борьбы. Снижение цен может по-

мочь привлечь новых клиентов и удержать существующих. Однако, рассмотрение только цены может привести к неприятностям для самой компании, поэтому ценообразование должно быть проанализировано и взвешено с другими критериями.

Реклама. Эффективная реклама может привлечь новых клиентов и удержать существующих. Важными элементами рекламы могут быть информация о новых продуктах или услугах, дополнительные скидки, акции и т.п.

Расширение ассортимента. Расширение ассортимента товаров и услуг может привлечь новых клиентов, удержать существующих и увеличить доходы от продаж.

Инновации. Разработка новых технологий, методов производства и продажи может увеличить эффективность компании и привлечь новых клиентов.

Улучшение обслуживания. Компании, которые заботятся о своих клиентах и предоставляют высококачественное обслуживание, могут увеличить лояльность потребителей и удержать их на рынке. Причины для улучшения обслуживания могут варьироваться от быстрого решения проблем и высокого уровня удобства до сохранения клиентских данных.

Следует отметить, что в конкурентной борьбе каждый метод представляет собой комплексное решение проблем, наличие которых зависит от многих факторов.

По мнению А. Маловой, добросовестная конкуренция позволяет создать и поддерживать на рынке здоровую конкурентную среду, которая побуждает компании к постоянному улучшению своих продуктов и услуг в интересах потребителей [2, с. 35].

Действующее законодательство РФ определяет следующие формы недобросовестной конкуренции (в виде положений запретов на использование недобросовестной конкуренции этим путем):

Ложная реклама. Реклама часто содержит ложную информацию, которая может привести потребителей в заблуждение. Такие действия могут значительно повлиять на решение потребителей, купить товар или услугу, которая в конечном итоге может оказаться не такой, как обещано. В России, ложная реклама и ложная информация в рекламе являются недобросовестной конкуренцией, и нарушители должны нести ответственность за свои действия.

Искажение информации о товарах или услугах на рынке. Это означает предоставление недостоверной информации о характеристиках товаров или услуг, например, о качестве, количестве или стоимости. Отличительная черта этого вида недобросовестной конкуренции заключается в том, что информация о товарах или услугах привлекает внимание потребителей, которые покупают товары и услуги, полагаясь на эту информацию.

Завышение качества товаров или услуг. Этот вид недобросовестной конкуренции означает представление типа товаров или услуг на рынке с заявлениями о несуществующем или завышенном качестве. Обычно фирмы используют такие методы для увеличения продаж, но это может нанести вред потребителям, так как они получают не то, что они ожидали.

Нарушение авторских прав. Он связан с использованием творческих работ других лиц без их согласия. Это может произойти, когда фирма использует чужие работы или проекты, чтобы продвигать свои товары или услуги. Недобросовестная конкуренция в этом контексте состоит в том, что фирма пользуется фактом несвоевременного выполнения авторской работы до ее использования без легального разрешения.

Недобросовестная конкуренция в любом ее проявлении нарушает права других участников рынка. Использование любого вида недобросовестной конкуренции является грубым нарушением прав потребителей и других участников рынка. Честная конкуренция на рынке помогает обеспечить доступность и качество товаров и услуг для всех участников, а также способствует развитию индустрии и экономики в целом.

Важно отметить, что указанный выше перечень видов недобросовестной конкуренции не является исчерпывающим.

В научных кругах единая классификация актов (форм) недобросовестной конкуренции на сегодняшний день отсутствует, что приводит к возникновению дискуссий и коллизий в данной области.

Наиболее распространенной классификацией форм недобросовестной конкуренции является классификация, предложенная профессором О. А. Городовым:

— недобросовестная конкуренция с использованием сведений, способствующих достижению конкурентных преимуществ;

— недобросовестная конкуренция с использованием охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации [3, с. 119–120].

О. А. Городов считает недобросовестную конкуренцию не только неправомерной, но и вредной для развития рыночных отношений в целом. Недобросовестная конкуренция может привести к снижению качества продукции и услуг, повышению цен и ограничению выбора потребителей. Более того, использование недобросовестных методов может нанести ущерб не только конкурентам, но и сами компании-нарушители могут пострадать от нежелательных последствий, таких как ущерб репутации, потеря клиентов и наказание со стороны властей [3, с. 121].

Развитие предпринимательства, технический прогресс, развитие рынка товаров привели к необходимости совершенствования продукции, видов ее реализации. Большое количество форм недобросовестной конкуренции говорит о постоянном развитии рынка товаров.

Действия государства направлены на стабилизацию ситуации, устранение недостатков в законодательстве, своевременное обнаружение и пресечение появляющихся видов недобросовестной конкуренции, а также развитие и поддержание добросовестной конкуренции.

На сегодняшний день в Российской Федерации действует ряд мер профилактики недобросовестной конкуренции, направленных на предотвращение возможности ее возникновения, а именно:

Развитие открытых рыночных отношений. Чем больше рыночное развитие страны, тем менее возможны проявления недобросовестной конкуренции.

Поддержка малого и среднего предпринимательства. Наличие множества малых и средних компаний на рынке также уменьшает вероятность монополизации сфер деятельности, а значит и появления недобросовестной конкуренции.

Введение регулятивных ограничений скрытой рекламы. Контроль за использованием скрытой рекламы способствует защите прав потребителей и уменьшению рисков появления недобросовестной конкуренции.

Усиление контроля со стороны антимонопольных служб. Антимонопольные службы могут выявлять нарушения законодательства о конкуренции и налагать штрафы на компании, использующие недобросовестные методы конкуренции.

Обмен опытом с зарубежными странами. Участие в международных проектах и программ, направленных на борьбу с недобросовестной конкуренцией, позволяет России поддерживать сотрудничество с зарубежными партнерами в этой области.

Проведение информационных кампаний о правилах конкуренции и ответственности за их нарушения. Информирование широкой общественности и бизнес сообщества о правилах конкуренции и последующих наказаниях за ее нарушения также снижает вероятность возникновения недобросовестной конкуренции в стране.

Проведение мониторинга на рынке. Регулярный мониторинг рынков и ценообразования, а также прогнозирование потенциальных нарушений конкуренции, также способствуют борьбе с недобросовестной конкуренцией.

К сожалению, несмотря на все описанные меры борьбы с недобросовестной конкуренцией и профилактики ее возникновения действующее законодательство не всегда способно в полной мере осуществить борьбу с этим явлением, ведь по мере развития рынка появляются все новые и новые формы конкурентной борьбы, на которые, например, Закон о защите конкуренции может даже не распространяться.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о систематическом отсутствии обоснования возможности причинения ущерба в результате действий, квалифицируемых в качестве недобросовестной конкуренции.

Исходя из этого, можно предположить, что сложившаяся ситуация связана с трудностью выявления потенциального ущерба как такового. Вместе с тем с целью соблюдения интересов спорящих сторон и обеспечения адекватного правоприменения, соответствующего принципу законности, представляется целесообразным повышение внимания к вопросу об убытках и о вреде в результате действий, содержащих признаки нарушения ст. 14.1–14.8 ФЗ-135 [1].

Подводя итог, следует отметить, что на сегодняшний день в российском законодательстве существуют достаточно большие резервы в области развития института борьбы с недобросовестной конкуренцией.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006. № 31. Ст. 3434.
2. Малова А. Виды недобросовестной конкуренции / А. Малова // Юстиция. — 2019. — № 3. — С. 33–41.
3. Городов, О. А. Недобросовестная конкуренция: учеб.-практич. пособ. / О. А. Городов, А. В. Петров, Н. А. Шмигельская; Под ред. О. А. Городова. — М.: Юстицинформ, 2020. — С. 115–127.

Налоговый мониторинг и процесс его цифровизации

Шарапов Эмиль Рустемович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье определено понятие налогового мониторинга, его особенности и значимость. Автор статьи исследует вектор развития действующего законодательства, статистические данные участников налогового мониторинга и выявляет пути совершенствования указанной формы налогового контроля, в том числе с помощью процесса цифровизации.

Ключевые слова: налоговый мониторинг, налоговый контроль, Федеральная налоговая служба РФ, цифровизация.

В последние годы экономика страны претерпела значимые внешние обстоятельства, среди которых пандемия коронавируса, санкции и т.д. В сложившейся ситуации перед государством стояла главная задача — стремительное восстановление экономики с минимальными потерями для потенциала развития.

Одним из главных органов финансового государственного контроля являются налоговые органы, от деятельности которых зависит состояние бюджета и благосостояния страны. В связи с этим возникает необходимость в создании соответствующей динамичному характеру развития общественных отношений системы налогового контроля, которая обеспечит стабильность в процессе поступления финансов в бюджет. Следовательно, от уровня развития, цифровизации, эффективности деятельности системы налогового контроля, механизмов управления налоговыми отношениями, в том числе налогового регулирования и налогового администрирования зависит совершенствование и функционирование рыночной экономики.

В связи с вышесказанным, обостряется актуальность дальнейшего развития налогового администрирования в форме налогового мониторинга, который является гарантом постоянного наблюдения, оценки и прогноза изменения состояния налоговой системы как отдельных организаций, так и государства в целом.

Налоговый мониторинг, согласно действующему законодательству, признается одним из видов налогового контроля, которые подразумевает под собой информационное взаимодействие государства в лице налоговых органов и налогоплательщиков, основанное на системе управления рисками.

При этом, в письмах Федеральной налоговой службы России (далее — ФНС РФ) налоговый мониторинг определяется как способ расширенного информационного взаимодействия, при котором организация предоставляет налоговому органу доступ в режиме реального времени к данным бухгалтерского и налогового учета.

Преимуществами налогового мониторинга являются: сокращение издержек организаций, уменьшение документооборота, высокая скорость и качество обработки данных налогоплательщика (период закрывается в 3 раза быстрее, то есть на следующий год, в то время период выездной проверки может составлять 3 года, не считая года, в котором она была назначена), долгосрочная определенность за счет своевременного урегулирования налоговых позиций без налоговых проверок и судебных разбирательств, освобождение от налоговых проверок, право на запрос мотивированного мнения у налогового органа по спорным вопросам, ускоренный порядок возмещения НДС и акциза.

Отличия налогового мониторинга от иных форм взаимоотношений с налоговыми органами заключается в следующем: организация по собственной инициативе раскрывает практически весь объем сведений о внутренних процессах, совершаемых операциях и сделках, налоговых рисках, предоставляя налоговым органам доступ в удаленном формате бухгалтерский и налоговый учет, первичную документацию; компания переходит на автоматизированный уровень взаимодействия по внутренним процессам, создавая отвечающую требованиям налоговых органов систему управления рисками и внутреннего контроля; проверка организации проводится в режиме реального времени и с учетом принципа прозрачности деятельности; является формой текущего контроля [1].

Согласно статистическим данным налоговых органов, в 2022 году налоговый мониторинг проводился в отношении 339 компаний [2]. По итогу заявочной компании в ноябре 2022 г. на 2023 г. еще 112 компаний заявили желание о переходе на налоговый мониторинг. Следовательно, в 2023 г. налоговый мониторинг проводится в отношении 451 организации. При этом за последние три года количество участников проекта выросло более чем в 5 раз с ежегодным присоединением более 100 организаций.

Кроме того, исходя из вектора развития действующего законодательства, необходимо отметить стремительное вовлечение

налоговыми органами результатов технологического развития и процессов цифровизации. Данное положение вытекает из Концепции развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга (далее — Концепция), а именно, к примеру, из следующих основных направлений налогового мониторинга: разработка интерактивных сервисов, открытых программных интерфейсов и аналитических инструментов, обеспечивающих автоматизацию налогового контроля посредством удаленного запуска программы автоматического контроля в информационных системах плательщиков, к которым предоставляется доступ налоговым органам; развитие расширенного информационного взаимодействия путем организации доступа налоговых органов к информационным системам плательщиков в режиме реального времени и перехода на качественно новый уровень обработки документов (информации) с одновременным отказом от сплошной документальной проверки и истребования первичных документов плательщиков; внедрение специальных программ автоматического поиска ошибок и нарушений, которые будут гарантом проверки полноты и целостности данных, восстановления хронологии всех операций, определения наличия подтверждающей первичной документации.

В 2021 г. были утверждены приказы ФНС РФ, регулирующие вопросы: информационного взаимодействия участников налогового мониторинга; требования к системе внутреннего контроля организации при использовании налогового мониторинга; формы и форматы документов, используемых при составлении мотивированного мнения налогового органа и т.д.

В марте 2023 г. был утвержден Приказ ФНС РФ о порядке получения доступа налоговых органов к информационным системам организации.

Следует отметить, что указанные приказы недвусмысленно демонстрируют, что процессы цифровизации в части налогового мониторинга успешно реализуются и будут развиваться каквширь (увеличение количества потенциальных участников мониторинга), так и вглубь (кратное повышение уровня автоматизации отношений налогоплательщиков и налоговых органов в рамках мониторинга).

На данный момент перейти на налоговый мониторинг могут организации, для которых одновременно выполняются следующие условия (п. 3 ст. 105.26 НК РФ): общая сумма НДС, акцизов, НДФЛ, налога на прибыль, НДПИ и страховых взносов за предыдущий год составила не менее 100 млн руб.; доходы по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности за предыдущий год составили не менее 1 млрд руб.; балансовая стоимость активов на 31 декабря прошлого года составляла не менее 1 млрд руб.

Однако, предполагается увеличение числа участников налогового мониторинга в связи с потенциальной возможностью отмены требований об одновременном соблюдении суммовых порогов и правом на переход исследуемой формы налогового

контроля при соответствии хотя бы одному из перечисленных в п. 3 ст. 105.26 НК РФ, благодаря пп. а п. 9 Концепции и Основным направлениям бюджетной, налоговой, таможенно-тарифной политики на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. (далее — Основные направления). Также рассматривается возможность распространения данного режима на субъекты малого и среднего предпринимательства, что в совокупности позволит увеличить число участников до 8000 субъектов.

По мнению Коваленко Н. С. и Леонова Е. М., еще одним обстоятельством, которое укрепит доверие налогоплательщиков к налоговому контролю и будет катализатором для увеличения числа ее участников, является уменьшение числа основания для организации проверок (камеральных и выездных) и ограничение круга обстоятельств их проведения [3].

Согласно действующему законодательству, имеется одно основание для проведения камеральной проверки и 4 основания для проведения выездной проверки в ходе налогового мониторинга, а именно: в случае досрочного прекращения налогового мониторинга менее чем через три месяца со дня представления такой налоговой декларации (расчета), камеральная налоговая проверка проводится со дня, следующего за днем досрочного прекращения налогового мониторинга (п. 1.1. ст. 88 НК РФ, в ред. ФЗ от 29.12.2020 N470-ФЗ); проверка проводится вышестоящим налоговым органом — в порядке контроля за деятельностью налогового органа, проводившего налоговый мониторинг (п. 5.1 ст. 89 НК РФ, в ред. ФЗ от 29.12.2020 N470-ФЗ); досрочно прекращено проведение налогового мониторинга (п. 5.1 ст. 89 НК РФ, в ред. ФЗ от 29.12.2020 N470-ФЗ); налогоплательщиком не выполнено мотивированное мнение налогового органа (п. 5.1 ст. 89 НК РФ, в ред. ФЗ от 29.12.2020 N470-ФЗ); в периоде, за который налоговый мониторинг не проводится, представлена уточненная декларация за период проведения налогового мониторинга, в которой уменьшена сумма налога к уплате в бюджет, увеличена сумма возмещения налога (убытка) (п. 5.1 ст. 89 НК РФ, в ред. ФЗ от 29.12.2020 N470-ФЗ).

Более того, процесс цифровизации на 2023 г. и последующие 2024–2025 гг. также определен в Основных направлениях, где отмечаются возможность дальнейшего совершенствования института налогового мониторинга, в частности, в части создания возможности представления участниками налогового мониторинга налоговых деклараций (расчетов) через свои информационные системы, к которым предоставлен доступ налоговому органу, с приложением необходимых документов;

Таким образом, налоговый мониторинг — вид налогового администрирования, соответствующий реалиям современного цифрового мира. Необходимо отметить, что цифровизация контрольных процедур обеспечивает эффективность государственного и муниципального финансового контроля, и в частности, налогового мониторинга.

Литература:

1. Давлетбаев А. А. Развитие налогового мониторинга как формы налогового контроля посредством риск-ориентированного подхода // Безопасность бизнеса. 2022. №6. С. 26–30.

2. Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 04.04.2023).
3. Коваленко Н. С., Леонов Е. М. Налоговый мониторинг: практика применения и перспективы // *Налоговед.* 2020. N10. С. 35–43.

Семья как конституционная ценность

Шмакова Елена Сергеевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается ценностный подход к пониманию семьи в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: *Российская Федерация, конституционная ценность, ценность.*

Содержание правового статуса, в том числе конституционно-правовое, должно подтверждать закрепление и признание семьи как конституционной ценности. На современном этапе развития конституционного права обращает на себя внимание тенденция увеличения роли ценностных категорий как в тексте Конституции Российской Федерации, так и в целом во всем конституционном законодательстве, и, как следствие этого, возникающая реальная возможность преодолеть правовой позитивизм через имплементацию (т.е. включения международно-правовых норм в национальную правовую систему) в положения Конституции ценностей [1].

Говоря о ценностном подходе к конституционному праву, нельзя сводить данное суждение лишь к факту наличия конкретной системы конституционных ценностей, которые прямо или косвенно определены в Основном законе страны, поскольку данная тема является дискуссионной и опустить всю вариативность мнений конституционалистов по данному вопросу не представляется разумным.

Н. Н. Неновски отметил, что, последовательно применяя ценностный подход к праву, мы вынуждены будем выйти за строгие очертания самого права. То есть такое мнение опирается на высказывания сторонников восприятия права как нечто стерильного, опирающегося исключительно на юриспруденцию, однако определенно испытывающего на себе влияние каких бы то ни было ценностей: политических, идеологических, нравственных, религиозных и иных, от которых ему необходимо освободиться.

Сторонники противоположной теории рассматривают право через призму не только правовых норм, но и конституционных ценностей, например справедливости, которые в итоге оказывают значительное влияние на его сущность [2].

Конституционалисты часто обращаются к категории конституционной ценности и зачастую трактуют под несколько разными углами. Так, например Г. А. Гаджиев к конституционным ценностям относит экономическую свободу, неприкосновенность частной собственности, свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, стабильность сложившихся условий хозяйствования и правовую определенность [3]. В. Д. Зорькин относит к таковым права и свободы человека и гражданина, верховенство права,

справедливость и равенство, демократическое, федеративное правовое и социальное государство, разделение властей, парламентаризм, правовую экономику [4].

Возможно, требуется нормативное закрепление семьи как конституционной ценности. И я считаю, что оно необходимо.

П. П. Баранов и А. И. Овчинников, например, предлагают следующую редакцию положений Конституции Российской Федерации: «Человек, семья, многонациональный народ Российской Федерации являются высшими ценностями. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, семьи и народа — обязанность государства» [5].

Пока, хоть такая ценность и признается многими конституционалистами, она следует только из толкования норм Основного закона Конституционным Судом РФ. Нередко к Конституционным Судам обращается внимание на возможность включения в положения конституции такой категории, как ценность. В том числе в категории ценностей Конституционным Судом РФ зачастую рассматривается и семья. В постановлении КС указывается, что особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи требуют со стороны государства уважения и защиты семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей [6]. Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя правовое регулирование в той или иной сфере общественных отношений, должен принимать во внимание необходимость укрепления семьи, ее построения на чувствах взаимной любви и уважения, началах взаимопомощи и ответственности друг перед другом всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления ее членами своих прав.

Таким образом, как в научной литературе, так и в правоприменительной практике семья признается ценностью, в том числе ценностью конституционной. Следовательно, при постоянно меняющихся реалиях современного общества и его запросов, имеет возможность такое однозначное закрепление семьи как ценности в Основном законе, и для этого будут все предпосылки и основания.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной». — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70986562/>.
2. Агеева, А. В. Семья как конституционная ценность в Российской Федерации / А. В. Агеева, С. Л. Банщикова. — Текст: непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. — 2018. — № 1. — С. 29–33.
3. Баранов, П. П. Конституционные ценности и совершенствование современной конституционноправовой политики Российской Федерации / П. П. Баранов, А. И. Овчинников. — Текст: непосредственный // Журнал конституционного правосудия. — 2016. — № 1 (49). — С. 18–22.
4. Гаджиев, Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) / Г. А. Гаджиев. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. — 320 с. — Текст: непосредственный.
5. Дворкин, Р. О правах всерьез. Перевод с английского / под ред. Л. Б. Макеева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — 2004. — 392 с. — Текст: непосредственный.
6. Зорькин, В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод / В. Д. Зорькин. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2008. — № 12 (144). — С. 3–14.

Содержание и понимание семьи и ее конституционно-правового статуса

Шмакова Елена Сергеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается понимание семьи в Российской Федерации и ее конституционно-правовой статус.

Ключевые слова: семья, Российская Федерация, институт семьи, Конституция РФ, ребенок, член семьи.

Семья является одним из древнейших человеческих институтов, существовавших практически с самых ранних стадий развития человека и человеческого общества. Семья — нечто обязательное и необходимое, нечто естественное и традиционно присущее человеку. С появлением цивилизаций и государств, они занимали главенствующее значение по влиянию на жизнь человека его существование в социуме, выступая как наивысший уровень организации общества. Однако до сих пор семья является основой, базовой ячейкой общества, выступая начальным этапом развития человека. Семью изучает огромное количество наук и дисциплин: фамилистика, социология, этика и психология семьи и права, статистика, психиатрия. Семью упоминают и обсуждают история, биология и антропология, право и экономика, ведь практически любое изучение человека, связанное с его поведением и жизнедеятельностью должно коснуться института семьи.

Являясь таким базовым элементом человеческой жизни, государство заинтересовывается в развитии и защите института семьи, а институт семьи, в свою очередь, наиболее заинтересован в том, чтобы получить защиту со стороны государства для личного благополучия.

В статье 7 Конституции РФ Российская Федерация определяется как социальное государство, то есть государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

В части 2 той же статьи указывается, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. И в числе социальных прав, га-

рантируемых гражданам РФ статьями Основного закона, семье также отдельно посвящена 38 статья. В ней указано, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. В части первой отцовство куда-то теряется, зато снова находится во второй части — ведь забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью обоих родителей. А последний, 3 пункт статьи обязывает совершеннолетних трудоспособных детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях.

Также о важности семьи как части государства упоминается в Указе Президента РФ от 14 июня 2007 г. № 761 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» сказано: «Семья является основой общества, поэтому без нее невозможно существование как самого общества, так и государства [2]». Исходя из этого можно заявить, что государство, в лице главы, подчёркивает значимость в строении этого же государства.

Однако при таком огромном количестве и многообразии определений отсутствует легальное определение семьи в российском законодательстве. Определения можно найти, обратившись к иным наукам, но закрепление такого определения и в юридической науке всё же требуется, хотя бы потому, что семья является субъектом права, и одним из важнейших институтов государства. Об этом в своей работе пишет Т. В. Шершень, ведь до настоящего времени семья является наиболее устойчивым социальным образованием, изменяются формы семьи, её функции, но сама семья как особенный социальный институт сохраняется и составление общего определения не составит особого труда для законодателя [2]. Однако в различных законодательных актах да-

ются различные определения института семьи, а в Семейном кодексе Российской Федерации определение понятия «семья» по-прежнему отсутствует. Хотя раскрытие понятия семьи можно встретить, например, в статье 1 Федерального закона «О жилищном минимуме в Российской Федерации» [3], в котором говорится, о том что семья это лица, связанные родством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство, такое определение имеет узконаправленный характер действия, так как предназначено лишь для целей данного Закона и особого значения в остальной части законодательства не содержит.

Следовательно, точно сформулированное объективное правовое определение семьи или института семьи узнать, опираясь на тексты действующих законов, нельзя. Но если обратиться к юридической литературе, где неоднократно поднимался данный вопрос, мы сможем приблизиться к истине, так как совокупность мнений поражают объективное мнение.

Так, профессор А. М. Нечаева определяет семью, как общность совместно проживающих лиц, объединенных правами и обязанностями, предусмотренными семейным законодательством [4]. Следование такому определению, по её мнению, способствовало бы развитию социальной политики государства. Говоря о столь ориентированном на правоприменение определении, наверное, важно отметить, что профессор особое внимание обращает на такое составляющее понятия семьи, как общность совместно проживающих лиц, которая «служит своеобразным фундаментом существования семьи, ее ядром, ради создания которого и совершались шаги к ее образованию». Эту точку зрения можно оспорить, так как ребенок, съехавший от своих родителей, не перестает быть частью своей семьи и также несет обязанности, например опираясь на часть 3 статьи 38 Конституции Российской Федерации, трудоспособные совершеннолетние дети должны ухаживать за нетрудоспособными родителями. Хотя я и не согласна с этим мнением, стоит отметить, что данную точку зрения тоже нужно учитывать и в ней есть своя логика и необходимость.

Рассматривая определение семьи, можно отметить постановление Конституционного Суда Российской Федерации, в котором семья признается в качестве конституционно значимой ценности посредством определения ее особенной роли в развитии личности и удовлетворении ее духовных потребностей, требуя со стороны государства уважения и защиты семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей [5]. Думается, что вполне допустимо провозглашение семьи в качестве конституционной ценности наряду с правами человека и гражданина, его жизнью, достоинством, личной неприкосновенностью. Но даже данное утверждение не дает определенного толкования поставленному определению.

Также нужно отметить, что нормы, касающиеся института семьи, содержатся во многих отраслях отечественного права. Каждая отрасль права понимает и устанавливает такие нормы, исходя из законодательства и регламентирует их в свой-

ственном аспекте. В первую очередь, конечно, семейное право, где институт семьи является предметообразующим для всей отрасли. Гражданское право, например, устанавливает порядок наследования имущества для супругов, детей и иных членов семей. В уголовном праве член семьи может являться специальным субъектом, необходимым для отдельных составов, а в административном праве предусматривается ответственность родителей за противоправные действия своих недееспособных детей. И так как различные отрасли права регулируют разные по содержанию отношения с участием членов семьи, возникают сложности с нормативным определением объективного понятия, способного равно применимо как в семейном праве, так и в иных отраслях права и отражало все особенности института семьи, находящие отражение в различных отраслях права.

Хоть и право на семью так четко не сформулировано в Конституции РФ, как, например, закрепленное в Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на уважение семейной жизни (ст. 8), тем не менее право на семью следует признавать конституционным правом, относящимся ко всем людям. Ст. 38 Конституции РФ «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Данная формулировка может быть интерпретирована как право матерей, детей, членов семьи на государственную защиту. Также в данной статье закреплены право и обязанность родителей заботиться о детях и воспитывать их, равно как и право детей на родительскую заботу и воспитание и трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях. И, наконец, в ст. 23 Конституции РФ провозглашено право каждого человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Исходя из этого, можно сказать, что право на семью является основным конституционным и это нельзя отрицать. В право человека на семью необходимо включать право ребенка иметь семью, а также право материнства и отцовства, права сестер и братьев, бабушек и дедушек как членов семьи.

Исходя из этого, сущность конституционного статуса семьи и ее членов состоит в совокупности правовых норм, закрепленных в Конституции РФ, законах субъектов Российской Федерации, международных правовых актах, регулирующих и охраняющих общественные отношения по поводу семьи, а также в отраслевом законодательстве. Именно в отраслевом законодательстве России закреплена объемная и наиболее структурированная совокупность прав, связанных с семьей, материнством, отцовством и детством.

Таким образом, можно сказать, что семья является более сложным, структурированным и многообразным правовым институтом, чем может казаться на первый взгляд. Семья является комплексным институтом права, включающим в себя институты брака, отцовства, материнства и детства, соответственно находясь во взаимосвязи с различными отраслями права, что в итоге требует широкого и тщательного подхода к верному и полному пониманию сущности института семьи.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 14 июня 2007 г. № 761 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/6332229/>.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 N1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева». — Текст: электронный // Консультант: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158503/.
3. Нечаева, А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики / А. М. Нечаева. — Москва: Юрайт, 2007. — 279 с. — Текст: непосредственный.
4. Шершень, Т. В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве / Т. В. Шершень. — Текст: непосредственный // Семейное и жилищное право. — 2010. — № 6. — С. 14–18.

Роль иных участников уголовного судопроизводства в РФ

Эркаева Сабина Алиджоновна, студент

Научный руководитель: Закирова Эльвира Фарилловна, кандидат юридических наук, доцент
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье ведется повествование об одной из группы участников уголовного судопроизводства России. Автор подробно описывает один из важнейших институтов уголовного процесса на примере такого субъекта, как понятой. В работе раскрываются актуальные проблемы института понятых в РФ и подводятся итоги и важность рассматриваемой группы лиц.

Ключевые слова: предварительное расследование, следственное действие, судебная система, уголовный процесс России, правовой статус понятого, меры.

Уголовно-процессуальное законодательство, а именно Уголовно-процессуальный кодекс РФ подразделяет всех лиц, участвующих в процессе, на: суд, участников со стороны обвинения, участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, иных участников [1]. Соответственно, понятие «иные участники уголовного судопроизводства» является правовым, то есть законодательно закрепленным и может использоваться официально.

К иным лицам уголовного процесса относятся такие субъекты как: свидетель, переводчик, специалист, эксперт, понятой и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве [1].

Иные участники уголовного судопроизводства — это лица, которые привлекаются в уголовный процесс в качестве источников доказательственной информации по уголовному делу, проще говоря, для дачи показаний; для того, чтобы помочь суду в техническом аспекте или в каких-либо иных вопросах, для решения которых требуются специальные знания; для независимого подтверждения самого факта совершения того или иного следственного действия органами предварительного расследования, а также его содержания и результатов [2, с. 218].

Рассмотрим роль таких субъектов уголовного процесса России на примере понятых.

Понятой — это лицо, которое привлекается в процесс дознавателем или следователем для непосредственно дальнейшей оценки профессиональной компетентности органов предварительного расследования судом, а также для представления картины всех проведенных следственных действий в рамках рассматриваемого уголовного дела.

С участием не менее двух понятых производятся следующие действия: обыск, личный обыск, предъявление для опоз-

нания. При наложении ареста на имущество, производстве осмотра, осмотре трупа, эксгумации, проведении следственного эксперимента, производстве выемки, снятии копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений, прослушивании фонограммы, проверке показаний на месте следователь имеет право привлечь понятых. Во всех остальных случаях понятые не привлекаются, если следователь на основе ходатайства участников уголовного судопроизводства не примет иное решение [1].

У понятого свой правовой статус. Согласно ему, он вправе [3, с. 222]:

- участвовать в разрешенных УПК случаях в следственных действиях;

- делать уместные замечания, заявления;

- скорее должен, чем может, ознакомиться с протоколом того или иного следственного действия, в котором принимал участие, и подписать его;

- имеет право приносить жалобы на действия (бездействие), решения должностного лица, проводящего следственное действие, если имеет место ограничение прав понятого.

Однако сейчас все чаще в основном от практических работников исходят мнения об исключении института понятых [4, с. 267]. Это связано со сложностью поиска понятых работниками предварительного расследования и с различными опасениями людей, привлекаемыми в качестве понятых, а именно они связаны с неуверенностью обеспечения безопасности понятых [3, с. 222]. Впрочем, ситуация в данном институте уголовного процесса России очень схожа с той, что сейчас в институте присяжных заседателей РФ. Простой народ, жители страны не доверяют правоохранительным органам, и тем более не питают теплых чувств к судебной системе. Для решения проблемы недоверия необходимо время

и меры, которые помогли бы еще ученикам школ, гимназий, вузов узнать судебную систему получше и не бояться защищать свои права.

Итак, роль иных участников в уголовном процессе России очень значима. Можно сказать, что именно они являются га-

рантом соблюдения всех принципов уголовного процесса, а также именно на них лежит ответственность по распространению доверия к судебной системе в массы, и не стоит забывать, что именно от их отношения к своей принятой обязанности непосредственно зависит исход уголовного дела.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2023).— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 06.07.2023).
2. Резник, Г.М. и [др.] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации часть 1 / Г. М. Резник и [др.] — 3-е издание, переработанное и дополненное.— Москва: Юрайт, 2022.— 457 с.— Текст: непосредственный.
3. Хатунцева, А. В. Актуальность института понятых в уголовном процессе / А. В. Хатунцева.— Текст: непосредственный // Юридические науки.— 2019.— № 38.— С. 221–224.
4. Сулейманов Т. А., Данилова И. Ю. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в системе источников уголовно-процессуального права // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право.— 2015.— № 3.— С. 266–269.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 27 (474) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 19.07.2023. Дата выхода в свет: 26.07.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.